

**Қазақстан Республикасы білім және ғылым министрлігі
Министерство образования и науки Республики Казахстан**

**Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Казахский национальный университет им. аль-Фараби**

**Филология, әдебиеттану және әлем тілдері факультеті
Факультет филологии, литературоведения и мировых языков**

**әл-Фараби атындағы ҚҰУ-інің Олжас Сүлейменовтің ғылыми-зерттеу
лингвистикалық орталығы**

**Научно-исследовательский лингвистический центр Олжаса
Сулейменова КазНУ им.аль-Фараби**

«ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ»

**МАТЕРИАЛЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ON-LINE КОНФЕРЕНЦИИ С
УЧАСТИЕМ УЧЕНЫХ ЗАРУБЕЖЬЯ**

Алматы 2015

УДК 80 / 81 (063)
ББК 80
Ч 39

*Рекомендовано Ученым Советом факультета филологии,
литературоведения и мировых языков*

Редакционная коллегия:

*доктор филологических наук, профессор **Екшембеева Л.В.**
кандидат филологических наук, доцент **Какильбаева Э.Т.**
кандидат филологических наук, доцент **Киынова Ж.К.***

Ч 39 Человек в языке и литературе: Материалы республиканской научной on-line конференции с участием ученых зарубежья – Алматы, 2015. – 107 с.

ISBN 978-601-04-1525-6

В сборник вошли материалы исследований ученых Казахстана, России, Турции по актуальным проблемам культурных и языковых контактов, поэтики Олжаса Сулейменова в контексте культур, вопросам интерпретации художественного текста и реализации задач обучения русскому языку на современном этапе.

Предназначен специалистам в области гуманитарных наук.

УДК 80 / 81 (063)
ББК 80

ISBN 978-601-04-1525-6

© Қазақ университеті, 2015

Уважаемые коллеги!

27 мая 2015 года кафедра русской филологии, русской и мировой литературы, научно-исследовательский лингвистический Центр Олжаса Сулейменова КазНУ им. аль-Фараби провели республиканскую научную on line-конференцию с участием ученых зарубежья «Человек в языке и литературе» на коммуникативной площадке КазНУ «G-Global».

Цель конференции – объединить русистов, литературоведов, педагогов для того, чтобы обсудить актуальные и наиболее проблемные современные гуманитарных наук, повысить эффективность научного сотрудничества, культуру электронного общения и создать мобильную форму обмена научными идеями и практическим опытом.

Мы искренне надеемся, что подобного рода виртуальные конференции станут одним из основных трендов нашего научного общения.

С уважением и любовью,

модераторы on line-конференции

д.ф.н., профессор Екшембеева Людмила Владимировна

к.ф.н., доцент Какильбаева Энкар Толымхановна

I. ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА, СОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Сабитова З.К., д.ф.н., профессор
КазНУ им.аль-Фараби -
Anadolu university, Eskishehir, Turkey

Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом»: тюркизмы как знаки русской культуры

Слово диалогично по природе, поскольку оно «рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом» [1,93]. Сотворчество говорящих, их совместное участие в создании мыслей, а значит, целого мира осуществляется в диалоге. О таком сотворчестве, о силе слова писал О. Сулейменов:

*Любая влага,
 влитая в кувшин,
спешит принять
 его литую форму,
а слово,
проникая в глушь души,
ей сообщает
 собственную форму...
Так, в мир входя,
 мы изменяем мир,
он – оболочка,
 мы – его основа,
мой мир,
 рябьсь, морщинясь,
 как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА.*

Форму, сообщенную словом душе, мир, приобретший очертания родного слова, мы считаем собственным миром, миром своей души, в котором находят отклик, созвучие, родство другие миры, близкие нам и отдаленные от нас во времени и в пространстве.

Слово в первоначальном бытовании представляет собой «своеобразную зарубку», которая метит не предмет, не явление, а некий контекстуальный смысл, связанный с этим предметом, явлением, тем самым заряжает энергией предмет, делает его своим, познанным, определяет его место в своем бытии [2].

Знаменательна омонимия двух тюркских слов – *ат* ‘имя’, *ат* ‘конь’: казах. *ат* ‘имя, название’, *ат* ‘лошадь, конь’; башк. *ат* ‘имя, прозвище’, *ат* ‘конь’; узб. *от* ‘имя, название; известность, слава’, *от* ‘лошадь’.

Дать имена вещам (*at ber-* ‘давать имя’, *at al-* ‘приобрести имя’) означало сотворить мир вокруг себя, придать ему смысл, сделать упорядоченным, освоить его, ср.: *atsiz* ‘безвестный’, *atsiz belgüsiz* ‘без имени и без примет’ [3,68]. Как слово, имя означало освоенность, осмысленность мира, гармонию, вселенский порядок, так и конь также символизировал освоенность, покорение мира, переход от хаоса к порядку и гармонии. Ср. омонимичные прилагательные *atliü* ‘называемый, именуемый’ и *atliü* ‘имеющий коня, конный, на коне; всадник’ [3, 67].

Для тюрков конь не был лишь средством передвижения, он имел сакральный смысл, отношения между конем и человеком были одухотворены, опоэтизированы. Тюрки-кочевники ощущают и мыслят мир и человека в образе коня, они словно «приросли к коням». Конь для них – это продолжение души и тела, его второе «я». Сесть на коня, оседлать его (*atlan* ‘садиться верхом на коня; выступать, отправляться’, *atlat* ‘отправляться в поход’ [3,67]) означало ‘освоить мир, придать ему смысл, упорядочить, зарядить мир своей энергией, сделать своим, познанным’. У тюрков бытовала пословица: *Куда ступит копыто коня, там наша земля*. Удивительная по смысловой емкости и символичности фраза отмечена в древнетюркском памятнике: *anasindin toysa atalsa atil/ müsafir bolup mindi ödläk atil*– ‘если он родился от матери и ему дано имя, / значит он путником сел на коня времени’ [3,65].

Основой упорядочения мира и создания культуры для тюрка-кочевника были два высших творения – имя и конь. Мотивы соотнесения понятий «конь» и «язык», их значимость как эталонов интеллекта обнаруживается в тюркских и славянских пословицах, напр.: рус. *Не бывает языка без ошибок, копыт не спотыкающихся; Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась* [4, 2,270]; башк. *Дурт аяқлы ат та һөрәнә* (‘Конь о четырех ногах и то спотыкается’); *Асыуынды ат ит, ақылыңды тезген ит* (‘Гнев свой сделай лошастью, а ум поводьями’) [5,55, 57]; казах. *Ұятсыз езде жігіт жүгенсіз атқа ұқсайды* (‘Если джигит бесстыдный болтун, он похож на коня без узды’); *Ақылсыз жігіт – ауыздықсыз ат* (‘Глупый джигит что конь без узды’); *Адам тілінен, ат аяғынан азады* (‘Конь спотыкается на ноги, человек запинаясь на слове’); *Адамның тізгіні – ақыл* (‘Ум для человека что вожжи для лошади’) [6, 69, 153, 156].

Соотнесенность понятий «конь» и «язык» отмечается в русских фразеологизмах и словах: *оседлать <своего> любимого конька; садиться на своего <любимого> конька* ‘начать говорить, рассуждать, распространяться на излюбленную тему’, *саврас без узды* (устар.) ‘необузданный, бесшабашный молодой человек, которого ничто не стесняет, не сдерживает’, *держат себя в узде* ‘вести себя сдержанно, держать себя в руках’, а также: *обуздать, необузданный, разнузданный*.

Известно, что любая культура создает свой мир, в котором каждый предмет имеет свои культурные смыслы и свое место в этом мире,

соответствующее его смысловой значимости. Имена культурных предметов – это «живые имена», поскольку они наполнены «духом народа», они вырастают из действия и несут в себе его «скрытую энергию, потенциальную модель культурного действия» [7,207-208], тем самым они входят в тот круг, который очерчен вокруг народа родным языком [8,80].

Мы обратимся к тюркизмам в русском языке, которые представляют собой результаты заимствования культурных предметов, культурных действий.

Выявление процессов усвоения, освоения тюркизмов в русском и других славянских языках, процессов их вхождения в языковое сознание носителей, обретения тюркизмом культурной значимости в заимствующей культуре является одной из задач тюркославистики [9,7].

О. Сулейменов предложил разделить тюркизмы на три группы: 1) явные, не утратившие «откровенно иноязычной формы», произносимые «с минимальными искажениями»; 2) узнаваемые, «успевшие пообкататься в потоке живой славянской речи, но их генезис нетрудно восстановить средствами действующего этимологического метода»; 3) невидимые, настолько освоенные за тысячелетия активного использования, что «от их первичной формы уцелели порой лишь остатки основ, скрытые многослойной корой славянских приставок, суффиксов, окончаний» [9,9].

Явные тюркизмы представляют собой экзотизмы, ценные для тюркской культуры, и поэтому существующие (не функционирующие!) в русском языке в «явной иноязычной форме». Иноязычная форма явных тюркизмов объясняется их инокультурной значимостью: сама форма сигнализирует об инородности этих слов. К явным тюркизмам (как и к явным заимствованиям из других языков) обычно относят имена культурно значимых предметов и понятий в дающей культуре, базовых категорий этой культуры, напр., наименования одежды, посуды, утвари, обрядов, времени, верований и др.

Узнаваемые тюркизмы достаточно освоены, «обкатаны» в живой речи, поскольку они обозначают жизненно значимые для русского человека предметы, понятия, виды деятельности. Именно значимость для русской культуры, близость к быту, мироощущению понятий и предметов, стоящих за узнаваемыми тюркизмами, обусловила «русскость» их содержания и «иноязычность», «чуждость» их формы.

Таким образом, степень освоенности тюркизма в русском языке свидетельствует о значимости для русской культуры заимствованного предмета, названного этим словом, о его месте в русском языковом сознании.

Рассмотрим явные тюркизмы – экзотизмы типа *аксакал*, *аул*, *бай*, *байга*, *басмач*, *башлык*, *джигит*, *келин*, *кумыс*, *малахай*, *шанырак*, *юрта* и др.

Эти слова являются носителями национально-культурной информации и обычно не переводятся на другие языки, так как в другом языке для них нет слова-эквивалента. В них культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения. Эти слова не вошли органично в русский язык, не приняли черты «чисто русского» слова, поскольку за ними стоят чужие, «нерусские» предметы, они в русском лингвокультурном сообществе не обладают культурной ценностью. Эти тюркизмы вошли в русский язык как знаки чужой культуры, поэтому они останутся в нем до конца не освоенными, т.е. варваризмами. При восприятии этих слов языковое сознание отмечает: это «чуждое», непонятное, непривычное, поэтому для их понимания необходима работа сознания по раскодированию смысла. Хотя они и передаются русской графикой, но представляются чуждыми для носителей языка.

Поскольку экзотизмы в большинстве представляют конкретную лексику, то к ним применимо положение о том, что слово не может быть заимствовано прежде, чем заимствована обозначаемая им вещь. В принимающем языке такое слово останется чужим, экзотическим до тех пор, пока чужой и экзотической для носителей языка будет казаться обозначаемая словом реалья. Неосвоенность реалии предопределяет неосвоенность самих слов, к тому же употребление этих слов остается окказиональным, ситуативным.

Наиболее интересную группу представляют невидимые тюркизмы типа *амбар, брага, богатый, боярин, деньги, дудка, Кощей, кафтан, лошадь, очаг, пенька, печать, сарафан, сундук, телега, товар, товарищ, хмель* и др., тюркское происхождение которых констатируют этимологические словари русского языка.

Эти тюркизмы особенные с точки зрения «вживания» в русский язык. Они относятся к базовым лингвокультурологическим феноменам, которые представляют собой сгустки национально-культурных смыслов, «ячейки» русской культуры, изучение которых помогает выявить особенности мировосприятия народа. Эти лингвокультурологические феномены обозначают сферы, наиболее приближенные к человеку, непосредственно связанные с повседневной жизнью, в них отражается этническое «я» народа. Они относятся к ключевым словам русского языка, поскольку служат своего рода ключом к пониманию важных особенностей культуры русского народа [10,11].

Если при восприятии экзотизмов носитель языка четко ощущает его «чуждость» и в звуковой форме, и в содержании, то при восприятии невидимых тюркизмов, ставших знаками русской культуры, он считает их как нечто самоочевидное, само собой разумеющееся, поскольку это – «свое», «родное», которое не требует усилий для понимания.

Так, слово *богатырь* обозначало война, обладающего смелостью, стойкостью. Оно заимствовано из тюркских языков: др.-тюрк. *bavatur* (откуда венг. *bátor* ‘смелый’), чагат. *batur* ‘смелый, военачальник’, монг. *bagatur*, калм. *batr* [11, 1,341; 12,48].

Тюркское слово *деньги* (казах. *теңге*) органично вошло в русский язык и культуру и стало обозначать собственно русскую меру стоимости при купле-продаже, средство платежей и предмет накопления.

Слово *штаны* заимствовано из тюркских языков, ср. др.-тюрк. *išton* из *ičton* «подштанники», чагат. *ištan*, кыпч. *ičton* из *ič* ‘внутренний, исподний’ и *ton* ‘одежда, шуба’ [11, 4,477]. Л.Н. Гумилев писал: «Кочевники вообще, а хунны в частности, изобрели такие предметы, которые ныне вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности» [13,38-39].

Феноменальность этих и других ключевых слов заключается в том, что они являются знаками русской культуры. Многие из предметов, явлений, названных тюркизмами, представляют «славу» русского, российского государства: *русские богатыри*, *русский сарафан*, *русская дудочка* («народное [русское] музыкальное орудие у пастухов, ребят, нищих» [4, 1,499]), *пенька* – особый предмет экспорта на Руси («в средних губерниях наших более пеньки, в северных – льну») [4, 3,29]; *русская телега* – «исконно используемое на Руси средство передвижения» [14,146]; *русский сарафан*, *сундук* – символ России, ср. у В.И. Даля: «сундуки и коробьи – коренная русская утварь» [4, 4,361]; «Количеством сундуков измерялся достаток хозяев» [14,53].

Другая группа невидимых тюркизмов интересна тем, что в их культурной коннотации отражаются связанные со словом культурные представления и традиции.

Культурная коннотация слова сродни улыбке, которая может быть на лице (= денотате), а может и не быть, однако коннотации без денотата быть не может, как и улыбки без лица. Поэтому закономерна реакция Алисы, путешествующей в Стране чудес, на улыбку Чеширского Кота: «Кот... исчез – на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней – улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало. – Д-да! – подумала Алиса. – **Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала**» (Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес).

В связи с этим интересна судьба тюркизма *кутерма*, сохранившего в культурной памяти следы своего первоначального денотата. Это слово возводят к тюркскому глаголу *köt-ör-* / *göt-ör-* в значении ‘поднимать, относить, гнать’, ср.: казах. *көтеру* ‘поднять’, башк. *күтәрмәләү*

‘поддерживать, подбодрить’, *күтәрмә* ‘крыльцо (<подъем)’, узб. *кутармоқ* ‘поднимать, снимать, убирать’, турец. *götürmek* ‘уносить, гнать’.

П.Я. Черных происхождение этого слова связывает с ситуацией на конских состязаниях – суматоха, ажиотаж, беспорядок [15, 1,459], ср.: казах. *көтерме* ‘усиленное понукание лошадей всадниками на скачках’; кырг. *көтөрмө* ‘подгоняние лошадей при беге’ («киргизы толпами сопровождают подбегающих к цели лошадей и криками и ударами стараются ускорить их бег») [16, 2,1278, 1484].

Р.Г. Ахметьянов объясняет происхождение этого слова иначе, он возводит его к общетюркскому слову *көтүр-*, *көтәр-* ‘поднять, передвигать, копировать; снимать с лошади; приносить жертву’, ср.: др.-татар. *күтәрмә* ‘поднятие хана, т.е. выборы хана’, татар., башк. *күтәр-* ‘поднять, возвысить’ [17,116]. По древнему обычаю избранного хана поднимали на белой кошме вверх, очевидно, тоже издавая при этом восторженные крики, создавая суматоху.

В обоих случаях (и при поддержании криками лошадей, и при возвышении хана) имели место суматоха, оживление, крики, беспорядок, которые *поднимаются*. Ср.: в русском языке глагол *поднять* сочетается со словами *крики, шум, гам, суматоха, галдеж, паника, скандал, мятеж, бунт*, имеющими сему ‘беспорядок, оживление’, ср. казах. *шу көтеру* ‘поднять шум’.

В современном русском языке слово *кутерьма* имеет значение ‘суматоха, беспорядок, шумный галдеж, оживление’. Онов русском языке развило значение действия, сопровождающие сходные по производимой реакции, впечатлению события, при этом оно «забыло» о национальных обрядах тюрков, давших жизнь этому слову. Иными словами, коннотация этого слова сохранила «след эмоциональной реакции на образ, лежащий в основе значения, который сам по себе также вызывает психическое напряжение», к тому же она является и результатом интерпретации образного основания в категориальном пространстве установок культуры» [18,232].

Случаи существования улыбки Чеширского Кота (коннотативного значения без денотативного компонента) не единичны: в русском языке употребляются слова, «забывшие» свой денотат, но сохранившие в своей памяти лишь вторичные, ассоциативные, смыслы, напр.: *кавардак, ералаш*.

Рассмотренные группы слов подтверждают положение о том, что в каждом языке находят выражение те черты действительности, которые представляются существенными, значимыми для носителей языка-культуры, и что, овладевая языком и культурой, носитель языка-культуры начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его языком, и сживается с концептуализацией мира, свойственной его культуре. А значит, степень освоенности тюркизмов в русском языке свидетельствует о глубине «вхождения» предметов, ими обозначаемых, в сознание русского

человека, о приобретении ими культурной ценности в русской культуре. В этом проявляется генетически и функционально заложенная в языке и культуре диалогичность, которая обуславливает то, что любая языковая единица может восприниматься одновременно и как «своя», и как «чужая».

Такие слова заставляют задуматься над многими русскими словами, которые, может быть, и нерусские на самом деле, и установить связь между, казалось бы, не связанными словами. Может быть, возникнет, как у О. Сулейменова, вопрос: «Есть ли какая-нибудь хитрая связь между итальянским *ba'sta* со значением «кончай» и казахским «*баста'*» – прямо противоположным «начинай»? Но между этими перетекающими друг в друга командами – вся наша жизнь» [19,8].

Тюркизм, будучи феноменом языка, культуры и сознания, является носителем творческой энергии народа, поэтому он служит одним из национально-специфических средств освоения мира. Он представляет собой энергетический, культурный симбиоз, вмещающий в себя смыслы, идущие от тюркского языка-источника, и смыслы, связанные с их функционированием в русском языке. Восприятие древнего тюркского всадника как кентавра рождает образ тюркского слова-кентавра, в котором соединились части от языка-источника и от языка принимающего, слившиеся воедино и являющиеся продолжением друг друга. Тюркизм-кентавр питается энергией обоих языков и культур: он извлекает из тюркского корня исконный смысл и эксплуатирует его в новой среде обитания – в русском языке. И в этом вечном взаимопревращении, «круговорот общения» «мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом».

Литература

- 1 Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 502 с.
- 2 Сабитова З.К. Прошлое в настоящем: русско-тюркские культурные и языковые контакты. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – 320 с.
- 3 Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
- 4 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1999.
- 5 Башкирско-русский словарь. – М., 1958. – 804 с.
- 6 Қазақ мақал-мәтелдер – Казахские пословицы и поговорки / Құраст. және ауд. М. Аққозин. – Алматы, 2000. 202 б.
- 7 Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С.207-219.
- 8 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
- 9 Сулейменов О.О. Тюрки в доистории: О происхождении древнетюркских языков и письменностей. – Алматы: Атамұра, 2002. – 320 с.

- 10 Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
- 11 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд. – В 4 т. – М.: Прогресс, 1986-1987.
- 12 Мусатаева М.Ш., Шеляховская Л.А. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке. – Алматы, 2006. – 266 с.
- 13 Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. – М.: Наука, 1979. – 346 с.
- 14 Русский язык как иностранный в лингвострановедческом и лингвокультурологическом аспектах. – СПб., 2003. – 184 с.
- 15 Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. – В 2 т. – М.: Русский язык, 1999.
- 16 Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1888-1909.
- 17 Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры тюркских народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1990. – 200 с.
- 18 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
- 19 Сулейменов О.О. Исправляя метафорой мир. – Алматы: Қаржы-қаражат, 1996. – 288 с.

Карабаджак Эмине, магистр филологии
Anadolu university, Eskishehir, Turkey

Пословицы в баснях И.А. Крылова и их перевод на турецкий язык

И.А. Крылов известен прежде всего как баснописец, он написал более двухсот басен на социальные, политические, бытовые и другие темы. Творчество И.А. Крылова не получило в Турции достаточного распространения. Здесь более известны басни Лафонтена, Эзопа. К тому же басни Крылова, как и басни Лафонтена, Эзопа, представляются здесь как сказки о животных, так как переводчики басен называли их сказками.

В Турции переложением на турецкий язык некоторых басен И.А. Крылова занимался Тарык Дурсун К.[1]. Он переложил басни в виде сказок для детей, при этом он изменил имена главных героев, но сохранил сюжет и мораль басни. Каждую сказку он заканчивал поучительным выводом, обращением к читателю.

В своем исследовании мы ставим целью проанализировать, прокомментировать басни И.А. Крылова, чтобы впоследствии перевести их на турецкий язык, тем самым познакомить турецких читателей с ними. Нашей задачей является также показать различия между баснями и сказками в жанровом, идейно-художественном и др. отношениях. Предметом рассмотрения в данной статье стали пословицы русского

народа в баснях И.А. Крылова, выражения из его басен, ставшие крылатыми и их переводы на турецкий язык.

Известно, что басня – это небольшое произведение в стихах, имеющее нравоучительное, сатирическое, ироническое содержание. Басни содержат отклик на события в жизни страны, это выражается в аллегорической форме, в виде небольшой сцены. Их задача – обличить недостатки, пороки человека и общества. Простота, ясность образов, сюжетов, лаконичность, заключенная в них народная мудрость, мораль делают басни понятными каждому. В.Г. Белинский писал: «Басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и их применение» [2, 61].

В своих баснях И.А. Крылов часто использовал пословицы, осваивая их образы, стилистику, речевые особенности. И басня, и пословица характеризуются сходными чертами: они содержат некоторый типический образ и выражают определенную мораль. Мораль, выраженная в пословице, отражает мировоззрение, нравственные ценности многих поколений. Басни И.А. Крылова зачастую представляют собой «инсценированную пословицу, пословицу в лицах, в то же время сохранившую и глубину своей народной мудрости и национальный языковой колорит» [3, 257-258].

Пословицы не только придают фольклорный оттенок басням Крылова, но и подчеркивают их основную мысль. В своих баснях И.А. Крылов использовал пословицы как меткие выражения, чтобы подчеркнуть народный характер стиля и речи басни, также он обращался к образам, сюжетам, темам пословиц [3, 258]. Н.В. Гоголь писал: «Наши пословицы значительнее пословиц других народов. Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек – словом, все шевелящее и задирающее за живое... Отсюда-то ведет свое происхождение Крылов» [4, 166].

Мы рассмотрим особенности использования И.А. Крыловым пословиц в готовом виде, образов, тем пословиц и проанализируем выражения из басен И.А. Крылова, ставшие крылатыми. Пословица у И.А. Крылова может выполнять роль обобщающего суждения, вывода из содержания басни. Напр., пословица *Не плюй в колодезь, пригодится воды напиться* в басне «Лев и Мышь» служит в качестве вывода: «*Не попусту в народе говорится: не плюй в колодезь, пригодится воды напиться*», в турецком языке ей соответствует сходная пословица *Gölgesinde oturulacak ağacın dalı kesilmez* «Ветки дерева, под которым сидят в тени, не обрезают»; а также пословица *Дай ворю хоть золотую гору – воровать не перестанет* в басне «Крестьянин и Лисица». В басне «Волк и Кот» пословица *Что посеял, то и пожнешь* употребляется в следующем

контексте: *«Нет, в наших мужичках не столько мало толку, чтоб на свою беду тебя спасли они. И правы, – сам себя вини: что ты посеял – то и жни»*, в турецком языке ей соответствует эквивалентная пословица *Ne ekersen onu biçersin*.

Пословица *Хоть видит око, да зуб неймет* употребляется в басне «Лисица и Виноград»: *«Ну, что ж! На взгляд-то он хорош, да зелен – ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьешь»*. В русском языке есть ироническое выражение *зелен виноград* («мнимое презрение к тому, чего нет возможности достигнуть»), которое имеет источником эту басню Крылова. В турецком языке используется соответствующее устойчивое выражение *Tilki erişemeyeceği üzümde hevengim olsun der* («Лиса о винограде, который не может достать, говорит, что он незрелый»), которое заимствовано из басни Лафонтена, ср. также сходную турецкую пословицу *Kedi uzanamayacağı ciğere murdar der* («Кошка о мясе, которое не может достать, говорит, что оно испорчено»).

Пословица *Ходила синица море зажигать, море не зажгла, а славы много наделала* (эквивалентная турецкой пословице *Ağzın karnından büyük olmasın* (букв. «Пусть рот не будет больше живота» = «Не обещай больше того, что можешь сделать») звучит как мораль басни «Синица»: *Наделала синица славы, а моря не зажгла*. В переложении этой басни на турецкий язык Тарыком Дурсуном К. мораль этой басни звучит так: *Bağladığınız bir işi bitirmeden övünmeyin, çalışın didinin sonuç ortaya çıksın ondan sonra övünün*(«О начатом деле, пока не закончишь, не хвались»)[1, 13].

Многие басни И.А. Крылова представляют собой инсценированные пословицы, напр., пословица *Дело мастера боится* обыгрывается в баснях «Щука и Кот» (*Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник*), «Скворец» (*Берись за то, к чему ты сроден, коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец; Пой лучше хорошо щегленком, чем дурно соловьем*). В переложении этой басни на турецкий язык ее мораль звучит так: *Dünyada herkesin yapabileceği bir iş vardır. Kişi kendi işi yerine başkasının işini yapmaya kalkarsa sonu turnabalığının sonuna döner* («У каждого есть свое дело. Если человек будет делать работу другого, то в конце концов он окажется в такой же ситуации, что и Щука») [1,39]. В турецком языке употребляются эквивалентные пословицы *İş bilen, kılıç kuşananın*: («Дело (работа) принадлежит тому, кто его знает (заканчивает), а меч принадлежит тому, кто его носит»). *Avcı avında, yolcu yolunda gerek* («Охотник должен быть на охоте, а путешественник в дороге»), *Evli evinde yolcu yolunda köylü köyünde gerek* («Супруг должен быть дома, крестьянин – в деревне, а путешественник – в дороге» = «Каждый должен заниматься своим делом») [5, 79].

Мораль басни «Лягушка и Юпитер» звучит следующим образом: *На свете много мы таких людей найдем, которым все, кроме себя, постылой кои думают, лишь мне бы ладно было, а там весь свет гори огнем*. Эта

мораль выражается в русских пословицах: *Мне хоть весь свет гори, только бы я жив был; Мне что до кого – было б нам хорошо*. В турецком языке им соответствуют *Vana dokunmayan uylan bin yaşasın* «Змея, которая меня не трогает, пусть живет тысячу лет».

Приведем русские пословицы, основная тема которых использовалась в баснях И.А. Крылова. Мысль, выраженная в пословице *В чужом глазу сучок велик, а в своем и бревна не видит* (эквивалентная турецкая пословица *Komşunun tavuğu komşuya kaz görünür*, «Соседская курица (всегда) кажется гусем», *Komşunun karısı komşuya kız görünür* «Жена соседа (всегда) кажется девушкой»)[5, 91]) в басне «Обоз» выполняет роль морализаторского заключения: *Все кажется в другом ошибкой нам; а примешься за дело сам, так напраказишь вдвое хуже*.

Идея пословицы *Пустая бочка пуще гремит* используется в басне «Две бочки»: *Кто про свои дела кричит всем без умолку, в том, верно, мало толку; Великий человек лишь громок на делах, и думает свою он крепку думу без шуму*; ср. турецкие пословицы: *Boş teneke çok ses çıkarır, Boş fiçi çok langırdar* «Пустой сосуд больше гремит», *Davuldan çok ses çıkar ama içi boştur* «Барабан громко гремит, но внутри пустой», *Dolu küpün sesi çıkmaz* «Полная бочка не гремит»; пословица *На тебе, Боже, что нам не гоже* («*Kendimize lazım olmayan şeyleri başkalarına seve seve hediye ederiz*») в басне «Волк и Лисица»: *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим*. В переложении этой басни на турецкий язык ее мораль звучит следующим образом: *Değersiz şeyleri başkalarına vermekte ne kadar da cömertizdir. Tilki gibi yapar, karşımızdakinin hiçbir işine yaramayacak samanı bol bol ikram ederiz* («Мы щедры, когда дарим другим то, что нам не нужно») [1,90].

Смысл пословицы *Бедность не порок* выражен в морализаторском заключении басни «Откупщик и Сапожник»: *...вот твой мешок, возьми его назад: я до него не знал, как худо спят. Живи ты при своем богатстве: а мне, за песни и за сон, не надобен ни миллион*» и др.

Источниками басен И.А. Крылова могли быть несколько пословиц, объединенных общей идеей. В этом случае в басне конкретизируется и раскрывается заложенная в пословицах мысль, напр., смысл пословиц *Скупой богач беднее нищего; Скупой ни к чему охоты не имеет, а только денег жалеет; Скупые, что пчелы: всегда мед собирают, а после и сами умирают; Что скупому в руки попало, то все пропало* и др. раскрывается в баснях «Скупой», «Скупой и курица», ср.: *Скупой теряет все, желая все достать* («Скупой и Курица»). При переводе на турецкий язык этих басен используется турецкая пословица *Yemeyenin malını yerler* «То, что ты не тратишь, после тебя другие потратят», *Malını yemesini bilmeyen zengin her gün züğürttür* «Богач, который не умеет тратить деньги, всегда беден», *Kefenin cebi yoktur* «В могилу с собой ничего не унесешь. Нажитого с собой на тот свет не возьмешь» [5, 95, 86].

Пословицы *Дружно не грузно, а врозь – хоть брось; Кто в лес, кто по дрова* передают мораль басни «Лебедь, Щука и Рак»: *Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет, и выйдет из него не дело, только мука*. В турецком языке есть пословица *Birlikten kuvvet doğar* «В единстве сила». Тарык Дурсун К. переложил эту басню на турецкий язык, назвав ее «Araba çekenler» («Тянущие обоз»). Ее мораль звучит так: *Bir işi yapmaya kalkanlar arasında birlik beraberlik olmazsa o işten sonuç* («Если у тех, кто решил вместе что-то делать, нет согласья, то конец будет таким, как в этой сказке») [1, 102] и др.

Близость басен И.А. Крылова к народной речи имела следствием то, что некоторые фразы из них, которые по строю, поэтике, образности, заключенной в них мудрости близки к пословицам, стали крылатыми выражениями, пословицами. Таких пословиц, фразеологизмов, имеющих источником крыловские басни, в русском языке много. Напр.: *У сильного всегда бессильный виноват* («Волк и Ягненок») (ср. турецкую пословицу *Büyük balık küçük balığı yer* «Большая рыба съест маленькую» [6,209]), *Да только воз и ныне там* («Лебедь, Щука и Рак»); *Слона-то я и не приметил* («Любопытный»); *Услужливый дурак опаснее врага* («Пустынник и Медведь») (ср. турецкие пословицы *Akıllı düşman akılsız dosttan iyidir* «Умный враг лучше глупого друга» [5,6]; *Cahilin dostluğundan alimin düşmanlığı yeğdir* «Лучше иметь врага ученого, чем друга невежду» [5,32]); *А ларчик просто открывался* («Ларчик»); *Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют* («Вороненок»); *Избави Бог и нас от этаких судей!* («Осел и Соловей»); *А Васька слушает, да ест* («Кот и повар») (ср. турецкие пословицы *Kedinin boynuna ciğer asılmaz; Kediye ciğer emanet edilmez* «Нельзя доверять кошке мясо» [6,354]); *Сильнее кошки зверя нет!* («Мышь и Крыса») и др.

В русском языке употребляются фразеологизмы, берущие начало в баснях И.А. Крылова. Так, в басне «Обезьяна» нет выражения *мартышкин труд* («напрасный, безрезультатный, бессмысленный труд»), оно появилось как вывод из морали к этой басне: *Трудишься много ты, да пользы в этом нет*. В турецком языке этому выражению соответствует: *boşa kürek çekmek* «впустую махать лопатой».

Благодаря басням И.А. Крылова появились фразеологизмы: *зелен виноград* («Лисица и виноград»); *ворона в павлиньих перьях* («Ворона»), в турецком языке ему соответствует слово *rükiş*; *как белка в колесе* («Белка») («*Vaşını kaşıyacak vakti olmamak, işi başından aşkın olmak*») и др.

Некоторые фразеологизмы, употребляемые в русском языке, представляют собой названия басен И.А. Крылова, напр.: *Тришкин кафтан* («Тришкин кафтан»), в турецком языке *Kaş uyarım derken göz çıkarmak* «Хотел брови подвести, но выколол глаз»; *Демьянова уха* («Демьянова уха»).

Таким образом, в баснях И.А. Крылова пословицы функционируют в готовом виде, представляя мораль басни, или они инсценируются в басне как «пословица в лицах». К тому же многие крылатые выражения из басен И.А. Крылова, будучи краткими, меткими, емкими, образными, активно употребляются в русском языке как пословицы, фразеологизмы.

Литература

1. *K. Tarık Dursun. İvan Krilov. Horoz ile İnci tanesi.* – Ankara: Dördüncü Basım, 2007. – 135 s.
2. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. – В 13 т. – М., 1953. – Т.1.
3. *Степанов Н.* Крылов. Жизнь и творчество. – М.: Гослитиздат, 1949. – 375 с.
4. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений. – В 6 т. – М., 1953. – Т.6.
5. *Atasözleri sözlüğü: Türkçe – Rusça, Rusça – Türkçe. Hazırlayanlar V. Gültek, B. Gültek.* – İstanbul: Sosyal Yayınlar, 2000. – 240 с.
6. *Atasözleri ve deyimler sözlüğü. Ömer Asım Aksoy.* – İstanbul, 2014.

Гюнеш Сютчю, магистр филологии
Anadolu university, Eskişehir, Turkey

Вербализация лингвокультурного концепта «ВОДА – ЧЕЛОВЕК» в русском и турецком языках

В любом языке выражается определенный способ восприятия мира, мировоззрение, культура человека – носителя языка и культуры. Коллективное наследие в сознании народа, его духовная культура находят отражений в концептах как особых ментальных образованиях, представляющих форму существования культуры. Ю.С. Степанов называет концепты «сгустками культурной среды в сознании человека»: «не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, – нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований – к о н ц е п т о в» [1, 40].

В лингвистике существует множество определений концепта, в которых основными называются такие признаки, как ключевое слово культуры (А. Вежбицкая), «сгусток культуры в сознании человека», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Ю.С. Степанов), см. обзор разных точек зрения в работах: [2, 29–35; 3].

В концептах культуры выражаются особенности мировосприятия, национального мировосприятия, характера, культуры, истории народа. Концепт приближен к культуре, истории народа, поэтому он имеет специфический характер, несет на себе отпечаток характера человека определенной культуры. Ю.С. Степанов определяет концепт как «то, в

виде чего культура входит в ментальный мир человека, ...то, посредством чего человек рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей, сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [1, 40]. При изучении культуры через язык, человека в культуре и языке исследуются базовые концепты культуры, опорные точки менталитета народа. Таким концептом является концепт «ВОДА».

Концепт «ВОДА» является универсальным, он входит в концептосферы всех национальных языков. Вода играет исключительно важную роль в жизни человека: это источник жизни, неотъемлемая часть среды обитания и жизнедеятельности человека, могущественная стихия.

Для древних славян-язычников вода представлялась тем, что дает жизнь всему живому. Согласно древним мифам славян, земля родилась из воды, принесенной в клюве Мировой Уточки. К тому же вода несла в себе сакральный смысл очищения: неслучайно перед важными делами (перед совершением какого-то обряда, перед свадьбой, перед битвой и после битвы) совершалось омовение водой. Сакральное значение для язычника течение воды имело, ср.: *Сколько воды утекло с тех пор; Года – что вода.*

Известно, что основой тенгрианства тюрков является положение о единстве человека с природой. Природа включает в себя человека как неотъемлемую часть. Это прежде всего – небо, солнце, вода, животные, растения, огонь, земля, воздух и т.д. Древние тюрки почитали природу, поклонялись ей, но не было простого ее обожествления: это было отношение к природе как к началу жизни, состояние жизненного единства с природой [4]. Единство человека и природы проявлялось в тождественности и противоположности, что нашло отражение в регулярно повторяющихся бинарных оппозициях, в частности: *Tenri – Uмай* (Тенгри – Умай), *Jer – Sub* (Земля – Вода), которые раскрывают смысл верований древних тюрков, их мировоззренческие, духовные начала. Умай – покровительница домашнего очага, детей – входила в триаду высших божеств тюрков и покровительствовала всем их делам. В памятнике в честь Тоньюкука при описании одного из удачных походов тюрков говорится: «Тенгри, Умай, ыдук Иер-Суб басы берді еріні» («Тенгри, Умай, священная Земля-Вода – они даровали победу») [5].

Таким образом, культурный концепт «ВОДА» представляет собой ключевой компонент национальной культуры, поэтому его изучение позволит понять особенности национального характера народа. В лингвистике существуют работы, посвященные изучению способов выражения концепта «ВОДА» в русской, польской, английской, китайской и др. культурах [6; 7; 8; 9; 10]. Однако специального исследования, посвященного комплексному лингвокультурологическому изучению данного концепта в русской и турецкой культурах, нет. В связи с этим изучение способов выражения культурного концепта «ВОДА» в русском и турецком языках, его значимость в этих культурах является актуальным.

Цель настоящей статьи – исследовать концепт «ВОДА», описать семантические компоненты единиц русского и турецкого языков, выражающих данный концепт, проанализировать общие и специфические признаки семантических компонентов концепта в обеих культурах.

Для выявления содержания этого концепта мы обратились к словам, фразеологизмам, пословицам, поговоркам в русском и турецком языках.

Как показывает лингвокультурологический анализ русских и турецких фразеологизмов, пословиц, поговорок, магических формул, концепт «ВОДА» реализуется в виде следующих образов: 1) жидкость вообще, одно из важнейших свойств состояний материального мира; 2) жидкость для питья; 3) стихия, водное пространство, противопоставленное суше; 4) вода как течение времени; 5) вода как магическая сила. Эти образы возникли в результате осмысления физических, химических, функциональных, мифологических, магических др. свойств воды, которые сформировались в общечеловеческой культуре, в том числе и в русской и турецкой культурах.

Первый семантический компонент концепта «ВОДА» («жидкость вообще») реализуется в русских и турецких пословицах: *Решетом воду не носят – Elekle su taşınmaz*[11], *Как с гуся вода (= Dünya yansa umurunda değil)*; *От жара и вода кипит, Akan su yosun tutmaz* «В текущей воде водорослей нет», *Su aktığı yere (yine) akar*, букв. «Вода течет там, где текла», *Suyu havana koy, döv döv yine su*, букв. «Что бы ты ни делал, вода останется водой», «Не трать попусту силы», ср.: *Воду в ступе толочь – вода и будет, Размахнула широко, почерпнула глубоко, да та ж вода* и др.

Образ воды как водного пространства земли широко представлен во фразеологизмах и пословицах обоих языков, включающих компоненты – наименования водоемов. Среди них в русской языковой картине мира наиболее информативно значимым и частотным является слово *река*:

Каждая река к морю течет

Река прокладывает не одно русло.

Река не размывает оба берега в одном месте,

Мелка река, да круты берега,

Быстрая река до моря не доходит,

Куда река потекла, там и русло будет и др.,

А в турецкой – *deniz* («море»), напр.: *Deniz dalgasız, gönül sevdasız olmaz* (букв. «Море не бывает без волн, а душа без страстей»), *Denizdeki balığın pazarlığı olmaz* (букв. «Рыбу, которая в море, не продают» = *Не убив медведя шкуру не продавай*), *Denize düşen yılanı sarılır* (букв. «Утопающий в море хватается за змею», ср.: *Утопающий в море хватается за соломинку*)[11, 43].

Второй компонент анализируемого концепта («жидкость для питья») представлен в русских (*остаться без воды, набрать воды в рот, Хлеб вскормит, вода вспоит, Покуда есть хлеб да вода – все не беда* и др.) и

турецких фразеологизмах и пословицах (*Ag olmez, gozu kararir; susuz olmez, benzi sararir* «С голоду не умрет, глаза почернеют, без воды не умрет, цвет лица пожелтеет», *Açsusuz kalmak* «Остаться без воды и еды», *Ölsen bir bardak su vermez* «Стакана воды не подаст» и др.).

Третий компонент («стихия, водное пространство») выражается в русских фразеологизмах и пословицах (*Вода и мельницу ломает, пройти сквозь огонь и воду; пойти в огонь и воду; И в огне не горит, и в воде не тонет* др.) и турецких пословицах (*Su uyar düşmanı uymaz* «Вода затихнет, а враг не будет спать», *Alçak yerde yatma sel alır, yüksek yerde yatma yel alır* «В низине вода затопит, а на вершине ветер сдует» и др.).

Вода связана с другими стихиями – огнем, землей, ср. русские фразеологизмы и пословицы: *Царь огонь да царица водица, Ни на воде, ни на суше / земле; И в воде не тонет, и в огне не горит, Огонь да вода – нужда да беда, Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают* и др.; турецкие пословицы и фразеологизмы: *Ateşte yanmaz, suda batmaz* («И в огне не горит, и в воде не тонет»), *su ve karada* «вода и земля» и др.

В содержании устойчивых оборотов слововода может иметь и положительную, и отрицательную коннотацию, что объясняется различными характеристиками воды в практической деятельности человека. Вода имела двойственный характер: положительный – как животворная сила (вода-вещество) и отрицательный – как вода-стихия, которой боялся человек, ср.: *Где вода, там и беда; От воды всегда жди беды, Жди горя с моря, беды от воды, Огонь – беда и вода – беда, а пуще беды – без огня и без воды – Ateş bela ise, su da bela, ateşsiz ve susuz kalmak ise beladan da beter; Кто в море не бывал, тот горя не видал* («Denize girmeyen (kişi), acıyı bilmez»).

Четвертый компонент («течение времени») представлен в русских (*В одну реку нельзя войти дважды; Все течет (как вода), все изменяется, Беда – что текущая вода: набежит да и схлынет, Года – как вода: пройдут – не увидишь* др.) и турецких пословицах (*Köprüünün altından çok sular aktı* «Под мостом столько воды утекло», *Su akar, göz bakar* «Все течет, все изменяется», букв. «Вода течет, глаза на это смотрят» и др.).

Пятый компонент («магическая сила воды») связан с тем, что для славян и тюрков вода являлась источником жизни, жизненной силой, символом благополучия и здоровья (ср.: *Много снегу – много хлеба, много воды – много травы*), с ее помощью избавлялись от плохого, она могла очистить человека от грехов, защитить от зла и др., ср. турецкую пословицу: *Su bulununca teyemmüm bozulur* («При виде воды в омовении песком уже нет нужды»)[11, 110]. С образом воды также связывался образ загробного мира, из которого пришел человек и в который он уйдет.

В древнетюркском языке слова *deniz / менгиз / тенгири Tengri* имели сходное значение – «море». В тюркской мифологии первовещество как хаос, состоящий из неба (воздуха) и воды, назывался *йер-су* «земля-вода»,

тенгиз/тенгир/ deniz «море». Тюрки представляли воздух в виде водяного пара, на что указывает татарский глагол *суламак* «дышать», а слово *кук* «небо» образовалось от слова *суг* «вода» [5].

В русской и турецкой культурах образы воды как универсальной составляющей картины мира в большей части совпадают, это выражается во фразеологизмах:

их водой не разольешь (восходит к обычаю в русских селах поливать дерущихся быков водой, чтобы разнять их) – *aralarından su sızmaz, içtikleri su ayrı gitmez*, *толочь воду в ступе–havanda su dövmeк*, *в мутной воде рыбу ловить* (восходит к сюжету басни Эзопа о рыбаке, ловившем рыбу следующим образом: он с шумом мутил воду вокруг закинутых сетей, загоняя в них ослепленную и оглушенную рыбу) – *bulanık suda balık avlamak*, *как две капли воды – iki damla su gibi*, *наводе вилами писано – sudayaba ile yazılmış gibi*, *буря в стакане воды– bir bardak suda fırtına korarmak*, *решетом воду не носят – elekle su taşınmaz* и др.

Таким образом, концепт «ВОДА» является ключом к пониманию важных особенностей культуры народа, в нем отражаются важнейшие категории и жизненные установки русского и турецкого народов. Он представляет собой сложное образование, в составе которого выделяются следующие компоненты: жидкость, обладающая определенными физическими, функциональными характеристиками, вода как источник жизни, неотъемлемая часть среды проживания народа (положительная оценка), вода как опасная для жизни человека стихия, большое количество которой губительно для человека (отрицательная оценка).

Литература

- 1 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
- 2 Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 196 с.
- 3 Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта : Наука, 2008. – 176 с.
- 4 Аюпов Н.Г. Этические концепты тенгрианства // Мир Великой степи <http://dalaruh.kz/articles/view/532>
- 5 Мухаметдинов Р. Тюркский мир и мировоззрение (манифест тюркизма XXI века) // <http://greylib.align.ru/411/tyurkskij-mir-i-mirovozzrenie-manifest-tyurkizma-xxi-veka-r-muxametdinov.html>
- 6 Гришина Н.В. Концепт ВОДА в языковой картине мира: На основе номинативного и метафорического полей русского языка XIX-XX веков: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Саратов, 2002. – 19 с.
- 7 Борисова А. В. Особенности лексико-семантической корреляции единиц поля ВОДА/WODA в русском и польском языках // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. – 2013. – Т.18. – № 1. – С.166–170.

8 Бадмаева Т.И. Концепт «вода» в английской лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 18 с.

9 Лю Цзоянь. «Водная» и «огненная» метафоры эмоций в русском и китайском языках // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – №4 (14). – Декабрь, 2011. – С.1–4 // <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227787.pdf>

10 Яо С. Концепт «Вода»: тематическая группа «Водоемы и их части» (на материале русского и китайского языков) // Молодой ученый. – 2014. – №12. – С. 441-444 // www.moluch.ru/archive/71/12179/

11 Ömer Asım Aksoy. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. İnkılâp Kitabevi. – İstanbul, 1997.

Жарынбекова Ш.К., д.ф.н., профессор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана

Ценностные ориентации в системе кросскультурных исследований национально-культурной специфики языкового сознания

Проблема ценностей в культуре чрезвычайно важна для адекватного понимания феномена культуры в целом. В этом отношении, несомненно, привлекает внимание проблема изучения специфики национальной культуры и национального сознания. Ученые видят эту специфику в различии ценностных ориентаций разных народов. Интересны в этом плане заметки И.С. Кона о различии ценностных ориентаций разных народов, обусловленных образом жизни, природными условиями. Так, качество «отношение к труду» (трудолюбие – лень) вырабатывается необходимостью трудиться, чтобы выжить там, где природа скудна и требует много усилий для ее обработки, труд мыслится как важнейшая сфера жизнедеятельности, как главный способ самоутверждения и самореализации личности. И наоборот, там, где природа щедра и богата, отношение к труду занимает в ценностной ориентации народа более скромное место. На ценностные ориентации влияют и социальные факторы. «Абстрактное понятие «трудолюбие» имеет совершенно различный социальный смысл в зависимости от того, – пишет И.С. Кон, – понимается ли труд как простое средство к существованию, или как естественная потребность личности, или как средство обеспечения прогресса общества» [1, 152].

Схема ценностных ориентиров – важнейший элемент внутренней структуры личности, по которому значимое для жизнедеятельности индивида ограничивается от незначимого, несущественного [2, 764]. Как правило, в сферу ценностных представлений в первую очередь входят представления людей о добре и зле, о плохом и хорошем, которые формируются в соответствии с социально-культурными стереотипами,

принятыми в том или ином обществе. Поэтому в ценностных категориях выражены предельные ориентации знаний, интересов и предпочтений различных общественных групп и личностей. Это означает, что каждая исторически конкретная общественная форма может характеризоваться специфическим набором и иерархией ценностей, система которых выступает в качестве наиболее высшего уровня социальной регуляции. «Только в таком ценностно-смысловом контексте, – считает Н.Ф. Алефиренко, – жизнь человека становится предметом культуры, а его речемыслительная деятельность (лингво-семиотическая) – предметом лингвокультурологии. Причем предметом лингвокультурологии оказывается не сам по себе человек или предмет окружающего мира, а человек или предмет, взятые лишь в той системе отношений, которая является существенной для данного ценностно-ориентированного контекста жизнедеятельности [3, 160].

Ученые-лингвисты, рассматривая ценности как наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения, предлагают ценностную модель картины мира, выступающую в качестве аспекта языковой картины мира [4]. Как отмечает В.И. Карасик, ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами [5, 168]. «Когнитивный феномен» ценностных представлений, являясь главным ориентиром человеческой деятельности, закрепляется в языковых средствах разных уровней. При этом следует заметить, что ценностные представления, закреплённые в языке, являются результатом совместной деятельности многих поколений людей как в истории мирового сообщества, так и в истории отдельного народа, являясь неотъемлемой частью его культуры.

В данной статье рассматривается проявление ценностных ориентаций в медиа-текстах на примере такого феномена, как «толерантность». Его идеологическая «нагрузка» связана с идеалами, господствующими в казахстанском обществе, с культурным и историческим прошлым страны. Исследователи выделяют 3 основных фактора, лежащих в основе казахстанской толерантности: вера людей в будущее страны, прошлое нашей страны, ментальность базового этноса [6]. По мнению казахстанского философа С.А. Аязбекова, «... мировому сообществу предложен опыт страны в осуществлении евразийской политики, суть которой заключается в толерантности и веротерпимости в полиэтническом и поликонфессиональном государстве» [7, 254]. Такая отличительная особенность политической культуры Казахстана именуется «казахстанским феноменом» («казахстанской моделью»):

«Благополучие народа, мир, политическая и экономическая стабильность, толерантность многонационального и многоконфессионального Казахстана, юридически оформленная государственная граница, добрые отношения с соседями - это то, что мы вместе создали за годы независимости Казахстана и чем по праву сегодня гордимся. Это наши главные национальные достояния» («Известия», 14.10.2009);

«...толерантность, как найденная самими народами Казахстана форма их общежития, является первым способом редуцирования номадизма на современность, позволяющая своим потенциалом сложению в нашей стране нового суперэтнуса. Следовательно, казахской национальной идеей должна быть триада: «Толерантность. Демократия. Номадизм» («Казахстанская правда», 21.05.2009);

«Не случайно, учитывая опыт Казахстана в предотвращении острых социальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов, было принято решение о председательствовании Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2010 году. Думается, деятельность нашей страны на этом посту - не только почетное свидетельство признания авторитета Казахстана, но и серьезная миссия по широкому распространению казахстанской модели толерантного социального развития в рамках всего евразийского континента» («Панорама», 25-27.10.2009 г.).

Ценностный аспект феномена «толерантность» включает в себя также такие признаки, как:

Является государственным принципом внешней политики Казахстана:

«Пожалуй, самым интересным и обобщающим показателем конкурентоспособности является осознание нацией своей принадлежности к мировому сообществу в сочетании с национальной самоидентификацией. Уникальность ситуации состоит в том, что мы изобрели так называемую казахстанскую модель межэтнических отношений, в которой мирно сосуществуют различные нации, религии и культуры. На основании этой модели сформулирован государственный принцип внешней политики - толерантность («Экспресс К», № 198 (16584) от 21.10.2008).

«Межнациональное и межконфессиональное согласие является важнейшим элементом развития любой страны. В настоящее время Казахстан представляет собой эталон страны, где толерантность является одним из самых главных приоритетов государственной политики. («Экспресс К», № 172 (16074) от 14.09.2006).

В» Казахстане — девятой в мире стране по территории и родине пятнадцати миллионов людей — проживают и мусульмане, и христиане. В республике царит религиозная терпимость между сорока конфессиями. Сегодня республика является примером религиозной толерантности,

доказательством чему служит визит Папы Римского Иоанна Павла II в Казахстан в 2001 году («Время», 03.10.2006).

Является нормой политической культуры Республики Казахстан:

«Именно толерантность стала решающим фактором обеспечения мира, стабильности и экономического прогресса Казахстана, который продолжает удивлять весь мир. Принцип толерантности для нашей республики — не только норма политической культуры, но и государственный принцип. Эта общность целей должна стать началом нового православно-мусульманского диалога во имя установления стабильности», - подытожил свое выступление настоятель церкви («Огни Мангыстау», 07.04.2009);

«Толерантность - неотъемлемая часть политической культуры казахстанцев, потому что мы ищем и обретаем друг в друге только хорошее. Это - единственный путь к дружбе («Казахстанская правда», 01.05.2008).

Является достижением страны:

«На сегодняшний день мы можем констатировать достаточно высокую толерантность казахстанского общества, обеспечивающую экономическое лидерство в регионе («Казахстанская правда», 01.09.2006).

«То, что стабильность и толерантность стали существенным достижением нашей страны, доказано всем предыдущим десятилетием («Время», 23.11.2005).

«Стабильность межэтнических отношений, толерантность народа и успехи страны в национальной политике прямо пропорциональны («Панорама», 24.02.2001).

«Казахстанская модель укрепления межконфессионального согласия стала одним из основных условий социально-экономических успехов страны. Благодаря стабильности и спокойствию в обществе государство смогло без особых социальных потрясений провести судьбоносные реформы и открыть путь к новым достижениям». («Казахстанская правда», 12.01.2006).

Является поведенческой нормой для казахстанцев:

«Для многовековой культуры казахского народа толерантность является поведенческой нормой, совершенно естественным жизненным принципом людей. Именно поэтому все, кто родился в Казахстане, считают его своей Родиной, - подчеркнул Глава государства» («Казахстанская правда», 13.06.2006).

«Большинство представителей среднего и старшего поколения казахстанцев воспитано на принципах интернационализма. Это тоже обусловлено исторически: вековой опыт совместного проживания на одной территории представителей различных национальностей, генетическая толерантность казахов способствовали утверждению в нашей стране традиций («Огни Мангыстау», 30.04.2009).

«Исторически Казахстан оказался в эпицентре интенсивных цивилизационных и межкультурных контактов, в основе которых стояла уникальная коммуникационная способность "жителей казахской степи", адаптируя различные модели и стереотипы поведения и мировоззренческие модели, сохраняя свою самобытность, язык, культуру и традиции. Даже десятилетия тоталитарного советского режима, нивелировавшего право наций и народов на самоопределение и собственную идентичность, не сумели сломать эту важную ментальную характеристику народа Казахстана» («Новое поколение» №177 от 12.09.2013).

Выявляемые на основе текстов признаки дают возможность выделить множество оценочных суждений, отражающих ценностные ориентации социума, Особенно существенным для нашего исследования является положение о том, что каждая культура характеризуется некоторыми фундаментальными доминантными темами, посредством которых систематизируется культурное знание людей. Для каждого народа существует иерархически организованный набор ценностей или категорий, которые повторяются в других культурах, но в другой конфигурации.

Анализ текстов масс-медиа показал, что его ценностные характеристики «толерантность» широко представлены в символике. Процесс символотворчества релевантен духовному состоянию общества, а те ценности, которые объединяют людей являются общими и эксплицируются в конкретном символе - пирамиде:

«Являясь гармоничным образом горы, которая у многих народов и религий ассоциируется со своей родиной или святым местом (к примеру, японцы не представляют себя без Фудзиямы, армяне – без Арарата, египтяне – без своих пирамид, итальянцы – без Везувия), действительно становится фигурой, гармонизирующей многообразие взглядов, представлений и мнений относительно своей идентичности. Также пирамида как нельзя лучше может символизировать толерантность, которая по определению ЮНЕСКО обозначает гармонию в многообразии» («Казахстанская правда», ноябрь 2006 г.).

«Пирамида — Гармония — Толерантность. То есть пирамида, являясь образом гармонии, поможет укрепить в нашем обществе толерантность, а вместе с этим и придаст новый импульс дальнейшему успешному развитию Казахстана («Казахстанская правда», 01.09.2006).

«Этот образ, для многих этносов имеет сакральное значение, отражающее человеческие представления о соприкосновении с высшими силами природы и духа, ассоциирующиеся со стремлением к совершенству, гармонии души. В пирамиде заключено представление и о единении различных религий, этносов и культур. Она - основа диалога цивилизаций, инициированного нашей республикой... Мы видим в этом

сооружении символы возвышенного добра, взаимопонимания, чистоты наших устремлений («Казахстанская правда», 019.09.2006).

Анализ фактического материала подтвердил, что такой феномен, как «толерантность», играет ключевую роль в сознании казахов (а точнее, казахстанцев), что обусловлено их духовно-историческим наследием, основанном на глубоком концептуальном смысле отношений «человек» и «мир». Социальные и природно-климатические условия способствовали формированию особого отношения к миру, порождали своеобразный феномен, когда на первый план выходили ценности коллективизма, человеческих взаимоотношений.

Литература

1. *Кон И.С.* К проблеме национального характера // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С. 122-158.
2. *Философский энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
3. *Алефиренко Н.Ф.* Ценностно-смысловая природа этноязыкового сознания // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. – Волгоград, 2002. – С. 160-167.
4. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской школы, 1999. – 896 с.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. *Курмангазиев Ж.* Толерантность пирамиды // Казахстанская правда, ноябрь 2006 г.
7. *Аязбеков С.А.* Философские и политические аспекты евразийства в контексте межкультурного диалога «Восток-Запад» // Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы развития мировой философии» в 2-х ч. – Астана: Изд-во ЕНУ, 2008 – С.253-261.

Журавлева Е.А., д.ф.н., профессор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана

Этностереотипы в поликультурном обществе: тенденции развития

Общеизвестно, что культура национальна и основывается, прежде всего, на национальном менталитете и национальной психологии, однако, тесно соприкасаясь с культурой другого народа, она, особенно в современный период, заметно изменяется. Изменения затрагивают и достаточно устоявшиеся этнические стереотипы. В связи с этим изучение особенностей функционирования этнических стереотипов в многонациональном государстве, где в результате диалога культур и

межкультурной коммуникации этнокультурные стереотипы находят отражение в культурах других этносов, является актуальным.

Ю.А.Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения и поведения согласно определенным моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме.

Такое понимание понятий позволяет разграничивать языковое и неязыковое поведение, и на основе этого можно сделать вывод, что стандарт – это неязыковая, социально-психологическая реальность, существующая на языковом уровне, выраженном нормой. Стереотип же является общим понятием, включающим в себя и норму, и стандарт.

Каждый народ имеет свои обычаи и традиции, характеризующие только его национальные особенности и черты, раскрывающие его национальную сущность. Традиции вырабатываются в длительном историческом развитии, в процессе многообразной трудовой и культурной деятельности каждого этноса. Прогресс цивилизации происходил благодаря тому, что от поколения к поколению передавались знания, трудовые навыки, нормы поведения, материальные и духовные ценности. В ходе исторического развития сложились и утвердились разнообразные формы, способы и механизмы сохранения и передачи социального опыта, которые называются традициями.

Традиции часто связаны с господствующим в обществе представлением о нормах и отклонением от них, они складываются в результате их многократного повторения, становятся привычкой, естественной потребностью человека. Такие правила составляют основу ментальности нации, в свою очередь тесно связанной со стилем ее жизни. Стереотипы в значительной степени формируются под влиянием быта. Но особенности и формы обыденной жизни человека являются выражением присущих ему социально-культурных ориентиров, восходящих к историческим устоям общества.

«Язык не просто отражает мир человека и его культуру. Важнейшая функция языка заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Именно поэтому язык играет столь значительную, чтобы не сказать решающую, роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации» [1, 18]. В связи с тем, что в повседневной жизни происходит постоянное взаимопроникновение и взаимовлияние элементов одной культуры на другую, интересно рассмотреть некоторые жесты русской культуры, одни из которых связаны с народными обычаями и традициями и широко распространены на территории Казахстана в настоящее время, а другие исчезли или претерпели заметные изменения.

В каждой культуре поведение людей определяется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных

ситуациях: как ведет себя гость, хозяин, продавец, покупатель, школьник, пешеход и т.д. Говоря о роли традиций и обычаев в жизни отдельных этносов, казахстанский ученый А. Сейдимбек акцентирует внимание на том, что у каждого этноса в соответствии с обычаями его жизни, с особым культурным типом имеется соразмерный материальный базис. Здесь речь идет не только о предметах материальной культуры, сюда относятся и духовная сфера, и мировосприятие, и нравы и обычаи, несущие в себе особые качества. «Процесс осознания единства осуществляется комплексно: тут и обычаи, и язык, и нравы, и нормы поведения, и этнические табу, и система жизненных ценностей, и родственные связи и социальные отношения» [2, 124].

Одним из наиболее важных вопросов познания человеческой сущности, этнической значимости является «стереотип». Стереотипизация – явление очень сложное, так как «стереотип» можно рассматривать в нескольких аспектах. «Этнический стереотип – характерное явление обыденного сознания, выражающееся в относительно устойчивых представлениях о моральных, умственных, физических и других качествах присутствующих представителям различных этнических групп» [3, 330].

Российский исследователь А.В. Сергеева считает, что этнические стереотипы относятся ко всему народу и могут характеризовать одного представителя этнической группы [4, 21].

Стереотипы складываются и развиваются в длительном историческом развитии этноса, в процессе многогранной культурной деятельности каждого народа. Каждое поколение усваивает и применяет их в течение жизни, развивая и передавая следующим поколениям. Поскольку люди, вне зависимости от их этнической принадлежности, проходят одинаковые стадии развития, у них могут формироваться близкие стереотипы. Например, целый комплекс стереотипов связан с принятием гостей, рождением детей, похоронами.

В рамках научного направления кафедры теоретической и прикладной лингвистики на базе лаборатории межкультурной коммуникации и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева авторским коллективом проводится ряд исследований, посвященных различным аспектам взаимодействия языков и культур в Казахстане, в том числе вербальным и невербальным их репрезентациям. Одно из исследований (проф. Журавлева Е.А., магистрант Лакомкина Е.В.) направлено на изучение и описание процессов формирования, функционирования и модификации этнических стереотипов в полиэтничном обществе [5]. Рассматривая процесс усвоения культуры и обычаев на примере гостеприимства, можно выделить определенные черты стереотипов, не свойственных этнической культуре, а сформированных в поликультурном социуме под воздействием других культур.

Гостеприимство – исторически свойственная черта русских и казахов, не случайно именно с гостеприимством связаны самые распространенные и устойчивые стереотипы. Именно поэтому большой исследовательский интерес представляет выявление того, какие стереотипы более устойчивы, какие могут изменяться в зависимости от контакта с другими народами.

Одним из главных символов гостеприимства русских и казахов – заваривание чая. У русских застолье обязательно должно заканчиваться свежесваренным чаем. У казахов также есть свой ритуал чаепития, элементы которого русские заимствовали и успешно употребляют не только при встрече гостей, но и в обыденной жизни.

Чай – напиток ритуальный, во многих странах его приготовление и потребление сопровождается своими законами. Описывая церемонию чаепития русских, проживающих в Казахстане, мы увидим, что она значительно отличается от церемонии чаепития русских, проживающих на территории Российской Федерации. «В России принято наливать чай до краев, иначе, вроде, жадничаешь, «воду жалеешь»» [3, с. 328]. Полная чаша – символ изобилия и гостеприимства. У русских в Казахстане принято наливать чай чуть больше половины, таким образом проявляя уважение к гостю, однако, не настолько мало, как принято у казахов: чем меньше чая наливают, тем чаще его подливают, и у гостя всегда горячий чай; а чем чаще подливают чай, тем больше демонстрируется заботу о госте. У казахов во время всего чаепития женщина, младшая по возрасту (чаще всего это сноха), следит за присутствующими за столом и доликает им чай. Предлагать еще добавить чай у казахов не принято – это говорит о невнимательности хозяйки. О том, что гость чая больше не хочет, хозяйка узнает по символическим знакам – пиала, прикрытая рукой или перевернутая. Если гость хочет выразить благодарность, хозяйке, то говорят, что она хорошо разливает чай. В ежедневных семейных чаепитиях чай разливает мать или дочь. При угощении гостей чаем у русских Казахстана стало традицией принято наливать чай до половины, иначе гости могут посчитать, что их хотят быстрее выпроводить. Характерной чертой стало и использование жеста прикрывать чашку, когда больше не хочешь пить чай.

Нами проведено анкетирование, в котором приняли участие казахи, русские Казахстана и русские России [6]. Одним из вопросов анкеты был вопрос: «Как у Вас принято наливать чай гостям?», предлагалось пять вариантов ответа: 1). Полную чашку (стакан); 2). Не совсем полную чашку; 3). Я не задумываюсь; 4). На доньшке; 5). другое. Ответы распределились следующим образом:

Русские России: 69,4% респондентов выбрали вариант «полную чашку (стакан)», 17,5% респондентов отметили, что «не задумываются», 13% наливают «не совсем полную чашку (стакан)», никто из анкетированных не

выбрал вариант «на доньшке» и не предложил свой вариант. Данные ответы характерны для русской традиции.

Русские Казахстана показали следующий результат: 57% респондентов наливают «не совсем полную чашку (стакан)» чая, 18% – наливают «полную чашку (стакан)», 13% – ответили «не задумываюсь», 12% наливают чай «на доньшке», свои варианты не рассматривались. Изменение русской традиции наливать чай до краев проявляется достаточно ярко, 82% респондентов этой традиции уже не придерживаются.

По правилам казахского гостеприимства угощение гостя не заканчивалось только дастарханом. Уезжающему гостю хозяева обязательно набивали коржын (дорожный мешок) всякими яствами. Это называется «саркыт». В русском языке аналога этому слову нет, наиболее близкое по смыслу «гостинец». Саркыт давали в дорогу или передавали другим людям, чтобы те угостились от гостеприимного дастархана. Отсутствие в русском языке аналога наталкивает на то, что такой традиции у русских не существовало. «Известно, что язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, который на нем говорит, то есть национальную культуру» [7, 32]. Можно добавить, что связь между языком и культурой несет взаимообусловленный, двусторонний характер, а процессы соприкосновения, взаимодействия разных культур обязательно находят отражение в лексических заимствованиях. Так русские, проживающие на территории Казахстана, как и казахи, стараются не отпустить своих гостей без саркыта. Дать гостинец с собой, так же важно, как и хорошо встретить гостя.

Результаты анкетирования показали, что стереотипы, связанные с гостеприимством, у русских Казахстана хоть и отражают этнические традиции русских, в то же время приобретают некоторые черты, характерные для стереотипов казахов. Отличия касаются, прежде всего, понятия родственных связей, принципа рассаживания гостей за столом, приоритетам в обслуживании гостей, одаривании гостей после мероприятия, произнесению тостов.

Таким образом, даже такая устойчивая традиция казахского и русского народа, как гостеприимство, претерпевает изменения, связанные с взаимовлиянием культур контактирующих народов. Особенности проявляются в самих моделях речевого поведения представителей одного этноса, проживающих в разных социокультурных условиях. Даже по нескольким примерам можно увидеть, как изменяется модель поведения при приеме гостей у казахстанских русских. Безусловно, это связано с той социокультурной и языковой ситуацией (полинациональный социум), в котором они проживают, в котором формируется их картина мира и языковое сознание.

Коммуникативное поведение – важный компонент национальной культуры, обусловленный национальным менталитетом, прочно закрепленный в коммуникативных нормах и правилах. В процессе межкультурного общения люди могут обмениваться информацией, взаимодействовать друг с другом, познавать и испытывать как положительные, так и отрицательные чувства, сопереживать. Общеизвестно, что культура национальна и основывается на национальном менталитете, национальной психологии, однако, тесно соприкасаясь с культурой другого народа, она, особенно в современный период, заметно модифицируется, и это относится и к достаточно устоявшимся стереотипам, как вербальным, так и невербальным.

Контакт культур приводит к их взаимодействию и дополнению. Благодаря межнациональному общению в Казахстане происходит взаимообогащение культур. В полиэтничном обществе представители одного этноса сохраняют не только свою родную культуру, но и усваивают определенные черты национальной культуры других этносов, с которыми они имели близкие и длительные контакты.

Литература

1. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация – М., 2008. – 347 с.
2. Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: Учебное пособие. – Алматы: Рауан, 2001. – 576 с.
3. Павловская А. Россия и русские. – М., 2010. – 335 с.
4. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. – Алматы, 2007.
5. Журавлева Е.А., Лакомкина Е.В. Функционирование этностереотипов в условиях казахстанского социума // Трансформация социокультурной структуры казахстанского общества и языкового сознания казахстанцев: коллективная монография / Под ред. Ш.К. Жаркынбековой. – Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2014. – С. 81-110.
6. Журавлева Е.А., Лакомкина Е.В. Модификация русских этностереотипов в полиэтничном казахстанском обществе // Теоретична і дидактична філологія: Збірник наукових праць. – Випуск 18. – Переяслав-Хмельницький (Україна), 2014. – С. 184-190.
7. Пиневиц Е.В., Стародубцев В.Ф. Социолингвистика. – М., 2011. – 214 с.

Унгарбаева Г.И., к.ф.н., доцент
АРГУ им. К. Жубанова, Актобе

К проблеме «генной памяти» русских слов

В последние десятилетия стало модным говорить и обсуждать проблемы менталитета и ментальности. Ментальностью филологи

называют мировосприятие через категории и формы родного языка. Ментальные представления народа шлифуются, превращаясь в коллективный опыт, в течение веков и тысячелетий, и откладываться они могут лишь в том, что так же непрерывно и долговечно – в языке. В силу этого языку принадлежит исключительная роль на путях познания того, что имеется в виду, когда говорят об этническом менталитете, о культурно-исторической самобытности народа. Исследуя особенности русской ментальности, петербургский профессор, известный историк языка В.В. Колесов отмечает присущее ей (русской ментальности) удвоение сущностей, « ...это как бы двойная жизнь: у нас есть не только «истина», но и «правда», есть не только совесть, но и сознательность, вообще всего по паре. ... С одной стороны, моя правда все-таки отличается от общей истины. С другой – и слово само по себе понимаем по-разному» [1, 7].

Понять русскую ментальность без обращения к истокам русского литературного языка, к его исконным корням, тесно переплетенным с церковнославянской лексикой, на наш взгляд, невозможно. Ведь русское слово своими смыслами издавна сплеталось с церковнославянскими текстами. Именно текст сохраняет культурную традицию. Трудно оценить, какую роль в становлении славянских литературных языков сыграл текст, когда-то переведенный Кириллом и Мефодием, а затем и их учениками на славянский язык. Вокруг этого перевода завязывались многие понятия, символы, возникали новые слова и синтаксические структуры. И все это создавало литературный язык, отличный от бытового. Церковнославянский язык явился средством «трансплантации византийской культуры на русскую почву» (Б.А. Успенский). Об этом писал Иван Ильин, утверждая, что «церковнославянский язык фонетически, грамматически и семиотически так близок к русскому и благодаря вековой церковной практике и русским литературным начинаниям 14-18 в.в. настолько запечатлелся в народной душе, что сделался **parexcellence** (по преимуществу) **языком религиозным**. Слышит русский этот язык – у него появляется ощущение, что он прислушивается к своему древнейшему прошлому, которое должно поведать ему нечто новое о конечных и священных вещах. Выраженное на церковнославянском – высоким слогом – тут же становится строгим и торжественным, чувствуется переход в состояние более высокого измерения, и душа начинает колебаться, тронутая далеким молитвенным звуком. Так, например, русское слово **глаз** в церковнославянском языке получает смысл духовный и обозначается как **око** или **зрак**. Стоит только сказать **око** вместо **глаз**, как все всем становится ясно; и хотя этому слову придается более высокий смысл, все прекрасно понимают, о чем идет речь» [Цит. по: 2, 45-46]. Древнерусские книжники не относились к славянизму как к фактам «чужого» языка, а обращались с ними, по

выражению А.А. Шахматова, как со своим «состоянием», со своей «собственностью». Возможно, это и позволило многим славянизмам быстро адаптироваться в русском языке. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что церковнославянский язык всегда способствовал духовному обогащению русского языка и русского народа.

Еще в 18 веке М.В. Ломоносов отмечал пользу от языка славянского, рекомендуя читать церковные книги, он видит в них не только источник обогащения русского языка, но и средство сохранить его чистоту, уберечь от засорения его иноязычными заимствованиями. Именно в своей теории трех штилей М. Ломоносов отводит особое место славянизмам в русском языке. «Речениями славянскими» (словами церковнославянского происхождения) он рекомендует пользоваться преимущественно в высоком слого, выделяя одновременно их в разряд стилистически маркированной лексики.

И.С. Улуханов выделил основные факторы, обусловившие судьбу славянизмов в русском литературном языке. Среди главных факторов им отмечены: 1) частота употребления славянизма в церковно-книжных памятниках (слова абстрактного значения или слова с церковной тематикой); 2) наличие или отсутствие русского синонима; 3) наличие или отсутствие условий для изменения значения славянизма.

Впервые определение славянизма как стилистической категории было предложено Г.О. Винокуром. Разграничивая объекты изучения исторической лексикологии и исторической стилистики, исследователь отделял «славянизмы по происхождению», этимологические, и «славянизмы по употреблению», то есть стилистические. Отличительной чертой стилистических славянизмов является обязательное наличие у них «высокой» стилистической окраски (если следовать принятым стилистическим пометам этих слов в словарях) на фоне существующих более нейтральных, чисто общеупотребительных русизмов: *глава – голова, град – город, перст – палец* и т.д. Однако следует заметить, что в русской лексикографической практике не всегда было однородное отношение к стилистическим славянизмам. Так, в русской лексикографической практике 18 века (переломном периоде истории русского национального языка) помета «сл(авянского)» имела несколько значений: 1) обозначались архаизмы, то есть слова уже неупотребительные в середине 18 века; 2) общекнижные слова, широко употребительные в различных стилях середины 18 века; 3) особые варианты слов (семантические, фонетические и морфологические), имеющие ограниченное употребление и придающие речи особую стилистическую окраску (В.В. Замкова). Эту группу слов и следует называть стилистическими славянизмами. Постепенно расширяются стилистические функции славянизмов: поэтизмы, историзмы, библеизмы, иронизмы и т.д. Независимо от позиции изучения славянизмов (этимологической, семантической, стилистической), большинство

исследователей солидарны с тем мнением, что на определенном этапе развития русского литературного языка генетико-стилистические славянизмы вошли в состав стилистических категорий архаизмов и историзмов, либо утратили стилистическое значение и пополнили фонд общеупотребительной лексики. Слова, восходящие к старославянскому языку, как генетическому источнику, в процессе их адаптации русским языком переживали последовательные этапы трансформации – проникновение, внедрение и усвоение: I этап – крещение Руси (конец 10 – начала 11 века). Усвоение старославянской лексики обусловлено насущными потребностями русской культуры и русского языка, отражало те культурно-исторические сдвиги, которые переживала Древняя Русь в связи с принятием христианства. Употребление славянизмов в это время строго регламентировано жанром литературного произведения; II этап – 15-17 в.в. в истории русского литературного языка именуемый «периодом Московского государства». Второе южнославянское влияние и намеренная архаизация литературного языка книжниками 15-17в.в. способствовали усилению притока славянизмов в русский литературный язык и разрыву литературного славянизмованного языка с живой великорусской речью; III этап – конец 17 – первая четверть 18 века (Петровская эпоха). Этот период характеризуется заметным ослаблением церковнославянского языка, который постепенно утрачивает функции литературного языка и переходит исключительно на роль языка церкви. Однако элементы данного языка, особенно в области лексики, продолжают играть роль в становлении и развитии русского литературного национального языка; IV этап – с середины 18 века начинается новый этап в функционировании славянизмов в русском литературном языке. М.В. Ломоносов показал в своих филологических трудах и художественных произведениях сужение пределов использования славянизмов и признание литературных прав русского языка, составившего основу не только низкого, но и среднего стиля. Рекомендую пользоваться словами церковнославянского происхождения преимущественно в высоком слоге, Ломоносов одновременно ставил их в разряд стилистически маркированной лексики; V этап – начало 19 века – «Пушкинская эпоха» - период становления основ современного русского литературного языка. В произведениях А.С. Пушкина, начиная с середины 20-х г.г. было возможным употребление и отбор любой языковой единицы, однако подчиненные «чувству соразмерности и сообразности»; необходимости выполнять в данном тексте определенные стилистические функции, обусловленные темой, типом текста, социальным положением героя, конкретными эстетическими задачами автора, поставленными в данном тексте.

Однако не следует забывать, что только славянизмы обладают историко-культурной и семантической памятью, и в этом заключается уникальность и историко-культурная ценность слов церковнославянского

происхождения. «Генная память» русских слов восходит к церковнославянской лексике, а «генная память» народа – его ментальность, которая, как справедливо подчеркнул В.В. Колесов, складывалась веками, «основательно укладывалась в словесном знаке, который обслуживал каждого в соответствии с его личным уровнем чувства или интеллекта: сказки для маленьких, в пословицах для несмышленных и в каждом отдельном слове, таинственную силу которого мог раскрыть только мудрый» [2, 24].

Невозможно представить нашу жизнь без прошлого, без наших предков, они, как наши корни, прочно осевшие и дарующие нам жизнь. Так же и культура, она не может без прошлого, «она крепится на нем, как на символе вечности. Чем древнее **корень**, тем устойчивее заключенная в нем народное представление о **коренном** и **жизненно** важном для сознания – концепте» [2, с.98].

Следует внимательно и с особой осторожностью относиться к отбору и использованию в речи славянизмов. Ведь это живое прошлое, прошлое, которое является нашим настоящим. Именно славянизмы помогают русскому человеку раскрыть его душу, об этом хорошо писал русский философ Н. Бердяев: «.....Русским не свойственен культ чистой красоты, как у русского философа трудно встретить культ чистой истины, и это во всех направлениях. Русский правдолюбец хочет не меньшего, чем полного преобразования мира» [3, 360]. Его мысли тесно переплетаются с высказываниями известного лингвиста В.В. Колесова, который писал: «...чем больше каждый живущий ощущает свою историю, тем выше коллективный разум. Чем глубже в даль времен уходит историческая память народа, тем тверже он стоит на земле хозяином, ..., тем яснее для него грядущие годы, которые можно не просто ожидать, но и проричать их, исходя из естественной силы и энергии слов, накопленных предками» [4, 68].

В новых исторических условиях, связанных с бурными политическими, экономическими, идеологическими и иными процессами, лексика церковнославянского происхождения как бы стала возвращаться с периферии в активное употребление. Активизировалась деятельность церкви, это тесно связано с реставрационными процессами, касающимися религиозно-нравственной (духовной) речи. Церковнославянская лексика вновь зазвучала не только в храмах, но и по радио, телевидению, в школах. С другой стороны, утрата высокого стиля речи (а именно ему свойственно употребление церковнославянской возвышенной лексики) нарушили сложившееся равновесие форм выражения в самой широкой духовной среде. Духовность «спустилась» в ментальность или, как выразился Дм. Мережковский в начале XX века, в языке «почва осела». К сожалению, его высказывания оказались актуальными и в конце XX– начале XXI века.

Устранение высокого стиля в литературном языке привело к совпадению замен со словами среднего стиля и тогда в замещение им в качестве слов высокого стиля стали употреблять иностранные слова: торжество – это фестиваль, собрание – форум, соборность – коллектив (ность).

Возможно, церковнославянская лексика занимает свое особое место в системе русского литературного языка на современном этапе его развития, так как содержащиеся в ней ретроспективно-синхронные наслоения позволяют оценивать состояние ментальности и миропонимания носителя языка в динамике.

Обращение к церковнославянской лексике на современном этапе развития русского литературного языка можно объяснить «языковой памятью» народа – носителя языка, в реальной действительности, пытающегося вернуться к утерянным духовным ценностям, определяющим общую культуру русского народа.

Литература

1. Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.ун-та, 2004.
2. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – Париж, 1985.
4. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5-ти кн.: Кн.2 Добро и зло. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001.

Ермекова Ж.Т., к.п.н., доцент
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана

Влияние билингвизма на формирование образа мира современных писателей

В последние два десятилетия внимание отечественных ученых обращено на исследование русскоязычного художественного текста билингвов. Образование новых государств после развала Союза никак не повлияло на существование феномена билингвизма, что говорит о его достаточно стойкой живучести, и мы должны принимать сей факт как объективную реальность. В советское время билингвы были объединены единой идеологией, которую отражали в своих текстах, на постсоветском пространстве они все более углубляются в историю, традиции и менталитет своих народов, что является объективно оправданным и требует научного осмысления.

«...появление двуязычных личностей, рождение русскоязычной ветви национальных литератур — все это свидетельствует о

возникновении ... нового» явления [1, 12]. В сознании одной и той же творческой личности, с одной стороны, преломляются, с другой – параллельно реализуются представления о мире, в котором мы живем. «Если художественный язык есть действительно внутренняя форма, то в нем вообще все стремится стать мотивированным со стороны своего значения... Поэт как бы ищет и открывает в слове его «ближайшие этимологические значения», которые для него ценны не своим этимологическим содержанием, а заключенными в них возможностями образного применения» [2, 194].

Та историко-культурная реальность, которую мы называем художественным произведением, не исчерпывается текстом. «Заслуга художника не в том *minimum* содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание» [3, 55].

При чтении-погружении в языковую картину мира автора читатель осуществляет следующую мыслительную деятельность: акцентирует внимание на текстовой номинации когнитивной субстанции, а затем определяет ее «персонифицированную медиативность» [9, 24], семантическое поле, ассоциативное поле, мотивную коннотацию, синтезирует полученную информацию. В связи с этим целесообразно рассматривать творческий процесс создания литературного произведения автором как писательскую импликацию (кодирование в символической структуре текста) языковой картины мира, а осмысление такого текста его пользователями как читательскую экспликацию (декодирование, расшифровку, раскрытие, развертывание) эйдетического (сущностного) потенциала этой картины [9, 32].

Известно, что большим эвристическим потенциалом, проявляющим себя в процессе порождения и восприятия художественного текста языковой личностью, обладают когнитивно-коммуникативные стратегии метафоризации.

Спонтанность возникновения творческой идеи, по мнению большинства исследователей, кроется в источнике, ее генерирующем - в бессознательном, интуитивном. Творческая деятельность осуществляется не по принципу реакции на изменение среды, а по принципу создания новой среды, что в конечном итоге приводит к появлению нового продукта. Момент творчества представляется неким спонтанным актом, противоречащим канонам формальной логики.

Перед естественными билингвами стоит проблема «определения собственного берега» [7, 79], невольное внутреннее противопоставление двух (казахского и русского) не родных, но близких миров. Билингвальная личность организует содержание высказывания в соответствии со своей особенной картиной. «Жить поэтически на рубеже двух культур и двуязычия – всегда плодотворно для пишущего – а пишет он чаще на

одном языке, но мироощущение его базируется на двух пластах – изначально чужеродных, но именно соединяясь и сливаясь в душе поэта – они становятся и взаимопроникающими и, конечно же, взаимообогащаемыми» [7, 83]. В этом проявляется специфика человеческого восприятия мира, зафиксированного в речевой деятельности, тексте.

Речемыслительную деятельность, особенность структуры сознания билингва можно проследить у современных казахстанских писателей Дюсенбека Накипова [8] и Аслана Жаксылыкова [4]. В творчестве этих замечательных авторов, ярких носителей двух культур наблюдается уникальное явление – особый образ мира.

Тексты билингвов на русском языке несут в себе четкую национально-стилевую нагрузку, поднимают проблемы мирового, глобального порядка: императив совести, недопущение манкуртизма, единение добрых, позитивных сил в борьбе против зла. Известно, что в произведениях казахских билингвов обнаруживаются достаточно сильные внутренние смысловые и стилистические связи с русской культурой, что происходит часто на глубинном, подсознательном уровне, когда тот или иной мотив, образ наталкивают читателя на аналогичные компоненты иной, близкой и далекой, русской культуры. Наблюдение за содержанием и выражением понятийных, языковых и грамматических категорий рассматривается нами как один из источников получения данных о национально-культурной специфике образа мира автора.

В чем же этнокультурная особенность текста билингва? В лексике-вкраплениях, словообразовательном творчестве, ритмо-рифмо-мелодике? В статье сделана попытка определить специфические этномаркеры, чтобы убедиться в уникальности текстов, созданных русскоязычными креативными личностями.

Так, используя прием олицетворения, Д. Накипов обращается к реалиям тюркского и славянского миров, азиатские вкрапления иногда мотивируются следом, через дефис, причем фонетически созвучные: *Странно, но и сейчас от этого гранитно-фасадного монстра (здание МВД) разит леденящим молчанием тайны и смерти и, кажется, до сих пор слышны стоны несчастных, попавших по навету в глухие подвалы, сродни средневековым зинданам-узилищам, где зиндан - традиционная подземная тюрьма-темница в Средней Азии, а узилище - от исчезнувшего старославянского слова *узы* – *темница*. За фонетическим сходством слов писатель стремится увидеть внутреннюю связь – связь языка с историей, общностью интересов, ценностей. «Поэтическая этимология, сходство звучащих слов и корней всецело захватывает современного писателя, он словно погружается в почву, в которой произрастают или произошли слова, находит их корни – соль земли, которая питает эти корни» [7, 82].*

Порой автор не считает нужным комментировать достаточно

распространенное слово-вкрапление, характерное именно для данного ареала: ... медленное исчезновение **арыков** в городе, а возможно в большей степени это стало заметно, когда в звуковой симфонии пропала мелодия журчания текущей по собственной воле воды; Обычно, олимпийцы властной пирамиды, выть-персоны ... приходили в театр по торжественным датам на помпезные салат-торт-кумыс-мясо-фрукт-водка-чай-концерты. Цепочка авторских несогласованных определений концерта в форме номинатива, представляет слияние воедино привычных снадобий с национальным кисло-молочным напитком из кобыльего молока – кумысом. Структурно подобное несогласованное определение напоминает поток определений казахского языка, и понимается нами как детерминанта текста билингвального автора.

Иногда автор, наоборот, мотивирует образ этнолексемой: ...мой город-пространство, где хаживал почти по-калмыцки странный и пестрый чудак Калмык, не по «Слову», а по нашему в «тьме тараканьей» возвышенно-гордо (воистину «сал») бормотал бормотухе подзаборные чудные вещи Мукагалище, где казахское слово "сал" означает особый тип акына-песенника, разносторонне одаренной личности, ведущей своеобразный образ жизни и отличающейся необычностью наряда и поведения. Сал объединял в своем творчестве все виды народного искусства: музыкальное, поэтическое, драматическое. Акыны-салы часто разъезжали по аулам группами, пели хором или дуэтом. Их яркое самобытное творчество не ограничивалось только пением песен, они участвовали в борцовских состязаниях, показывали различные игры, были увлекательными рассказчиками. Благодарные слушатели и зрители, кормили-поили, одевали их, к собственному имени наиболее любимых и популярных присоединяли слово «сал» (например, Биржан-сал). Прецедентные же имена Калмык и Мукагалище – это любимые народом, но не признанные властью 70-х годов 20 века, талантливые художник Сергей Калмыков и поэт Мукагали Макатаев.

Механизм стилистического словообразования, типические особенности окказиональных и потенциальных слов очень отличают прозу казахских писателей. Б.А. Земская, исследуя функции словообразовательных элементов, отмечает, что экспрессивная функция словообразовательных элементов реализуется в случаях экспрессивного словообразования, когда «производное создается для выражения субъективного отношения говорящего, его оценки к адресату речи, его микромиру, его эмоциональной реакции» [4, 9].

Л.К. Жаналина и К.Т. Аубакирова [5], разрабатывая вслед за В.В. Виноградовым теорию стилистического словообразования, давая ей концептуально-методологическое обоснование, выдвигают положение о существовании стилистического компонента значения в коннотативном компоненте слова наряду с эмоциональным. По словам ученых,

стилистическое значение маркировано, оно выражает субъективные оценки говорящего, его отношение к высказываемому, что позволяет актуализировать стилистическую окраску слова. Судя по нашим примерам, компонент этот способен стать этнодетерминирующим:

Кыз-куу – игра «Догони девушку и поцелуй». По свидетельству историков, еще в сакских племенах одним из условий женитьбы был обычай, который требовал, чтобы жених догнал невесту. Во время народного собрания или праздника юноши и девушки верхом на лошадях выходят в поле. По знаку хозяина торжества, стегнув коня, девушка срывается с места, а юноша бросается ее догонять. Если юноша не сможет настичнуть и поцеловать наездницу, то он должен развернуться и стремительно скакать обратно. Если же девушка догонит джигита, то начинает что есть силы стегать его камчой. Эта игра напоминает своеобразный спектакль - собравшийся народ наблюдает за событием. В русском тексте к казахскому словосочетанию *кыз-куу* автор прибавляет русский суффикс *-ствова-* и образует совершенно новый глагол, понятный, пожалуй, только казахстанскому либо знакомому с этнокультурными особенностями истории казахского народа, читателю.

Подобного рода смешение компетенций доказывает невероятную способность мирно им сосуществовать в сознании одной креативной билингвальной личности. Языковая игра у Д. Накипова реализуется в процессе смешения элементов разных культур, например, иноязычного корня и русских суффиксов, например : ...*жуткий Олжуха ужасая «кыз-куу»-ийствовал истово, кого-то ужаривал по половецкому краю, пока не поймал свой «глиняный слог»; пацаны, хари кирпича квадратно-батырски цедили сквозь зубы: - Ну и что?; Издалека, из-за гребня скалы, видел девочку Е-во! и смрадный Осьмихорр - секс-кырлы и вождедел ея до восьмого пота в чреслах.* В последнем примере используется фонетический дубликат казахского афоризма «*сегиз кырлы бир сырлы*», характеризующего джигита-мастера на все руки.

В романе А. Жаксылыкова «Дом суриката» новообразования с морфемой *джу-* несут разрушительную коннотацию: *нашествие живоглотов джугарного мира, джугарное нашествие, черная джусойная буря, джусойные твари, вертлявые джумуры и джубезьяны, джугомоты и кабаны с разбега таранили жесть.* Возник вопрос. Ведь фонетически близкое начало *джу-* характерно для казахских степей и пустынь, и связано, например, с неприхотливыми травами *джусаем* или *джусаном* (полынь). Но, с другой стороны, на подсознательном уровне историческая память хранит слово *джунгар, джунгарское нашествие.* По всей видимости, именно вторая сема экстериоризируется автором в тексте.

А новообразования, типа: *зурогии крепчайшими рогами колотили по забору; зулоны налегали всей тяжестью своих гигантских тел; вслед за стадами зулонов ворвались в город, сея смертоносную пыльцу, грибки и*

споры... Необычные лексические образования, близкие друг к другу фонетически, связаны, как нам кажется, с рядом казахских синонимов: *Залал* в переводе с казахского – «вред, убыток, ущерб»; *Зиян* – «вред, повреждение»; *Зулым* - 1) тиран, деспот, 2) коварный. Полагаем, что автор все новообразования с начальным зу- объединяет семой «приносящий повреждение, зло».

Как видим, словообразовательные возможности отдельных лексических единиц отличаются высокой степенью продуктивности в генерации новых семантических моделей.

Дифференцирующие национально-культурные ценности оформлены временем. Тенденции развития нашего общества подтверждают, что оно теряет свою экодистоту, заботу об окружающей среде, пренебрегает здоровьем населения, и эти политические процессы, нарушения социального характера незамедлительно отражаются на языковом уровне, который фиксирует все происходящие изменения. Новообразования отражаются в аксиологическом сегменте картины мира и образах национально-культурного сознания современных писателей.

Создается впечатление, что пространство языка становится для Д. Накипова и А. Жаксылыкова той областью, где реализуются не только их основные поэтические и сценические идеи, но политические, экономические. Ментальные причины многих речевых «нарушений», «отклонений», не объясняемых в традиционной классификации, видятся нам в структуре родного языка, а специфика их поэтического мышления - в корнях билингвального сознания.

В заключение следует отметить, что русскоязычные национальные писатели обогатили свою культуру, художественную литературу, отражающую историческое развитие, устанавливающую связь времен, «расширили горизонты не только национальных культур, но и русской» [1, 55].

Литература

1. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность: русскоязычный национальный писатель и особенности его русского художественного текста. - М., 2005.-192 с.
2. *Винокур Г.О.* Язык художественной литературы. Язык писателя // Избранные работы по русскому языку– М.: Учпедгиз, 1959. С. 226-393
3. *Демьянков В.З.* Семантические роли и образы // Язык о языке: сб. ст./ Под ред. Н.Д. Арутюновой.- М.: Языки русской культуры, 2000.-С. 193-270
4. *Жаксылыков А.Ж.* Сны окаянных. – Алматы: Изд-во «Эверо», 2005.- 480 с.
5. *Жаналина Л.К., Аубакирова К.Т.* Стилистическое словообразование. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2007.
6. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М.: Комкнига, 2005.
7. *Каурбеков Б.* Два могучих крыла пегаса // Состояние и перспективы

методики преподавания русского языка и литературы: материалы 1 Международной научно-методической конференции.- М.: РУДН, 2008.-С. 78-83

8. *Накипов Д.* Круг пепла. Роман интенций.- Алматы, 2005.- 226 с.

9. *Шуралев А.М.* Экспликация культурного кода художественного текста.- Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2006.- 276 с.

КазНУ им. аль-Фараби

II ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР

Бейсембаев А.Р., д.ф.н., профессор
Иновационный Евразийский
университет, Павлодар

Олжас Сулейменов: личность в социокультурном контексте

*Нет Востока, и Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока, и Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока, и Запада нет,
Есть Восход и закат,
Есть большое слово – ЗЕМЛЯ!*

Эпохальная личность, для которой «весь мир – одна страна, одно федеративное государство с единой конституцией, сводом общих законов и единой многообразной культурой» [1]. Именно к таким можно отнести Олжаса Сулейменова – человека, постоянно находящегося во взаимосвязи с окружающими людьми и миром. Личность Олжаса Сулейменова характеризуют его общественные связи и отношения, существование его как члена общества, как представителя определенной социальной группы – своего народа.

Олжас Сулейменов – творчески продуктивен, владеет культурным наследием прошлого и вместе с тем решительно преодолевает устаревшие нормы и традиции. Безусловно, его творческая деятельность способствует прогрессивному развитию казахстанского общества. Для О. Сулейменова человек – это культурное существо, которое благодаря способности поддерживать и воспитывать в себе культуру сохранилось как вид и готово к дальнейшему развитию и самосовершенствованию: «Дефицит культурного иммунитета способен, разрастаясь, поразить цивилизацию в наступающем столетии... поэтому на закате тысячелетия важно осознать, сформулировать это явление и сообща противодействовать ему. Воистину, культура спасет мир, если мы спасем культуру» (О. Сулейменов, «Но людям я не лгал...») [2].

Олжас Сулейменов внес огромный вклад в духовную культуру казахстанского общества (автор множества поэтических и публицистических книг, переведенных на многие языки мира; известный кинодраматург, по сценариям которого поставлены лучшие фильмы казахстанской киностудии; лауреат различных литературных премий;

президент Евразийского клуба, созданного по инициативе видных российских и казахских деятелей литературы, науки, культуры).

Предупреждая об иссякаемости возможностей нашей биосферы, О. Сулейменов выдвигает интересное предложение: сформировать в различных странах клубы интеллектуалов, ответственных за жизнь на земле: «Кризис – одно из предупреждений человечеству, слишком увлеченному свободой потребления. При данных обстоятельствах мы начинаем понимать, что культура – это, прежде всего, чувство меры» (О. Сулейменов) [3].

Важным индикатором человеческой индивидуальности является созидательная, творческая его активность, а ее проявлением - поступки, прежде всего, гражданского характера, отражающие отношение человека к своему долгу гражданина: «Ребенок смотрит на мир и видит, какой он есть. Ученый - каким он может быть. Политик - каким он быть должен. Все три ракурса только вместе образуют объемную модель, в которой каждый из нас найдет выражение своего мировоззрения» [2].

Формирование О. Сулейменова как творческой личности произошло на стыке двух культур: тюркской и славянской, на стыке двух континентов: Азии и Европы. Те, кто следит за художественным творчеством Сулейменова и его политической деятельностью, наверняка согласятся с тем, что он смотрит на геополитику и историю в целом, прежде всего, с точки зрения культуры. Причём человек предстает у него не просто как родовое существо, как вид гомо сапиенс, но еще и как существо, в котором заключается пересечение двух миров - восточного и западного - проходит красной нитью через все, на что падает взор политика и поэта.

Глубоко вникнуть в политическую позицию О. Сулейменова в полной мере возможно, только принимая во внимание культурфилософские воззрения, отраженные в его прежнем литературном творчестве. Ещё в своей ранней поэме, как бы обращаясь к Земле и Миру, молодой поэт рассматривает их как арену взаимодействия Запада и Востока:

*Мы - железные карлы, топтали тебя,
Мы - батыры Чингиза, дошли до Двуречья,
Мы - великие воины шли по степям
И с тобой говорили на страшном наречье [4].*

В древнейшем памятнике славянской культуры «Слово о полку Игореве» Олжас Сулейменов подметил то, что сегодня определяется термином «евразийство». В своем исследовании «Аз и Я», вызвавшем много политических дискуссий и «филологического шума», поэт высказал интересное предположение о знании славянским Гомером тюркского языка половцев.

Сам Олжас Сулейменов – поэт, который пишет на русском языке, но не перестает быть выразителем духа и носителем культуры своего народа. По мнению Мориса Симашко, истинного поэта, художника отличает чувство родины: «Оно обязательно присутствует в его творчестве на другом языке. Этим доминирующим чувством он безмерно обогащает этот язык, на котором пишет, и одновременно раскрывает миру душу своего народа... Думаю, что Олжас как явление всемерно обогатил русскую поэзию. И одновременно обогатил и расширил творческое поле исконной казахской поэзии» [5].

Войдя в мировое пространство истории и культуры, Олжас Сулейменов населил его своими образами и героями, живущими в самых различных пластах времени, сохраняя тонкую параллель с современностью.

По мнению Олжаса Сулейменова, «главным законом в природе и в обществах людских является закон взаимозависимости. Все мы, большие и малые человеки и народы, живем и развиваемся в системе всеобщей взаимозависимости». Эта идея взаимосвязи народов, населяющих нашу планету, вера в неизбежное торжество доброго человеческого разума передается не только его великолепной поэзией, переведенной на различные языки, но и личной гражданской позицией.

Твердость характера О. Сулейменова демонстрируют его решительные поступки, наиболее значимым из которых является движение «Невада-Семипалатинск», созданное в короткий срок и призванное поддержать запрет на ядерные испытания. Вызвав небывалый подъем национального сознания казахского народа, смелая работа Сулейменова повлекла целый шквал критических выпадов, статей, выступлений со стороны официальной партийно-идеологической системы. Так состоялся дебют поэта как политика. Преодолевая активное противостояние советского военно-промышленного комплекса, движение добилось закрытия Семипалатинского полигона. Замолчали ядерные полигоны на Новой земле, в американском штате Невада, на французском острове Мороруа, близ озера Лобнор в Китае.

Много споров вызывает позиция Олжаса Сулейменова о независимости и взаимозависимости казахстанского народа. Одни обвиняют поэта в предательстве национальных интересов, другие – выступают в его защиту. По мнению Сулейменова, фантазия о полной независимости для любого народа – это опасный политический инфантилизм. Главное условие целостности страны – понимание того, что народ взаимозависим в межнациональных и межклассовых отношениях. Это – гарантия будущего казахского народа.

Черты характера Олжаса Сулейменова отражают то, как он действует, а черты личности – то, ради чего он действует. Он – один из тех, кто, зная прошлое, создает будущее. Его по праву можно отнести к когорте деятелей

культуры Казахстана, убедительно представляющих тюркский мир перед мировым сообществом [1]. Он своим примером доказал, что личность способна изменить социокультурный контекст.

Литература

1. *Тахан С.* Пересекающиеся параллели О.Сулейменова // Казахстанская правда. – 2013. – 18 января. – С. 20.
2. *Абдулло С. О.* Сулейменов: «Но людям я не лгал...» // Известия – Казахстан. – 2006. – 19 мая. – С. 1,5.
3. *Храбрых О.* Олжас Сулейменов: «Культура - это чувство меры» // Экспресс К. – 2009. – 10 июня. - С. 3.
4. *Сулейменов О.* Земля, поклонись человеку // Определение берега. Стихи и поэмы. – Алма-Ата, 1976. – 456 с.
5. *Шакаримова Д.* О.Сулейменов – человек века // Творческая педагогика. – 2001. – №3. – С. 101–111.

Бисенкулов М.К., к.ф.н., профессор
ЖГУ им.И. Жансугурова, Талдыкорган

Олжас Сулейменов и казахские акыны и жырау

Стихи О. Сулейменова функционируют в пространстве поэзии на русском языке, но глубинными корнями уходят в благодатную почву казахской поэзии. Сплав русской речевой стихии с казахскими истоками придает творчеству Олжаса уникальное звучание. На это обращают внимание многие исследователи поэзии Олжаса. Мурат Ауэзов дал глубокий комментарий стихотворения «Песня кумана» [1], Леонид Мартынов благодаря стихотворению Олжаса «Айналайын» понял значение этого древнего казахского слова [2].

Некоторые стихи О. Сулейменова возникли на основе творческой обработки и переосмысления произведений казахских акынов и жырау 15-18 вв. Так, Доспамбету-жырау, жившему на рубеже 15-16 веков, принадлежат следующие стихи:

Тугай, о тугай у излучины рек,
Где я ночевал в свой краткий век, -
не жалею о том.

Секиру тяжелую в руки я взял
И грозного войска начальником стал -
не жалею о том.

Пуская стрелу, что кольчугу пробьет,
Я знал, что врагу она гибель несет, -
не жалею о том.

Умел я ночевку устроить всегда,
 И сам приводил я верблюдов туда, -
 не жалею о том.
 Скакал на тулпаре я с длинным хвостом,
 Похожим на знамя в строю боевом,
 не жалею о том.
 Сплющенный шлем я как воин носил,
 И месяцем полным над степью он плыл, -
 не жалею о том.
 За шелковым пологом с алым шитьем
 Лобзал я красавицу во мраке ночном,
 и косы она разметала кругом, -
 не жалею о том.
 О прошлом, о будущем что мне жалеть!
 Мне не о чем в жизни своей сожалеть.
 Я пал пред Мамаем самим, храбрецом,
 Я пал как герой - *не жалею о том.* [3]

В приведенных стихах раскрывается философия средневекового поэта-воина. Вся его жизнь - это цепь битв, набегов, побед, о которых лирический герой Доспамбета-жырау ничуть не жалеет, напротив, он считает, что прожил достойную жизнь, иной жизни для воина просто не может быть. Даже умирая от ран, он гордится тем, что до конца остался верен воинской доблести, не посрамил чести легендарного Мамая. Толгау Доспамбета можно рассматривать как программное стихотворение, в котором ярко выразился гражданский кодекс поэта-воина.

Это предсмертное толгау, созданное Доспамбетом-жырау, послужило основой стихотворения О. Сулейменова "Последнее слово акына Смета". Олжас использует здесь прием чередования стиха и прозы, восходящий к традиции казахской эпической поэзии.

Не раз отмечалось, что в казахском эпосе внешняя цепь событий (фабула) могла излагаться прозаически, внутренняя же жизнь героев, как правило, раскрывалась в стихотворных монологах. Так и в этом стихотворении О. Сулейменова. Фабула здесь проста: молодой акын Смет украл молодую красивую жену старого поэта Азербая, их догнали, Азербай должен решить их судьбу. Фабула стихотворения изложена лаконичной прозой. Ожидая решения Азербая, Смет тихо поёт последнюю песню:

<p> Что гляделся в озеро, рябое от ветров холодных, - <i>не жалею.</i> Что не избегал любой работы, </p>	<p> <i>Об одном я только пожалею,</i> Что судьбу не повторить сначала. <i>Об одном я только пожалею,</i> что уйду, как ветерок по лицам, </p>
---	--

засыпал голодным, -
не жалею.
Что делился с добрым
полной чашей,
а с недобрым - чаще,
не жалею.
Что утрами умывался сажей,
а ночами - снегом,
не жалею.

Масла мне в дорогу не сбивала
тихая подруга,
не жалею.

Что мечта о друге не сбывалась
долгими ночами,
не жалею.

Не качал я сына на колене,
не ласкал ладонью,
не жалею.

Говорят, что счастье мчит оленем,
не догнать на чалом,
не жалею.

У любой скалы меня встречала
смерть кривым кинжалом,
не жалею.

На наш взгляд, простое сопоставление двух текстов - толгау Доспамбета и стихотворения Олжаса - показывает их несомненную близость и одновременно их существенное несходство.

Оба текста построены на одном и том же рефрене "не жалею". И в том, и в другом тексте перечисляются дорогие сердцу лирического героя реалии. Однако О. Сулейменов заметно переосмыслил и переработал толгау Доспамбета-жырау: на первый план выступает не воинская доблесть, а самая обычная жизнь, дорогая лирическому герою Олжаса во всех проявлениях - в ее неповторимости ("*судьбу не повторить сначала*"), быстротечности ("*уйду, как ветерок по лицам*"), в печали ("*тоске не повториться*").

Кульминацией песни акына Смета становятся последние строки, в которых выражается печаль от того, что один поэт может погибнуть от руки другого поэта. Не жаль умереть от руки злодея, жаль умереть от ножа поэта - вот главная мысль акына Смета.

Прекрасно осознавая свою вину, Смет в поэтической иносказательной форме винится перед Азербаем: "*не знал я никого милее женщины поэта Азербая*", - и жалеет об этом, жалеет, потому что судьба

что уже ничем не заболею,
что уже тоске не повториться.
Об одном я только пожалею,
сном последним в травах засыпая,
что не знал я никого милее
женщины
поэта Азербая [4].

столкнула двух поэтов, потому что любовь не знает преград, не признаёт доводов холодного разума, безоглядна.

Монолог Смета рассчитан на понимание родственной души, и Азербай сумел стать выше личной обиды, когда приказал отпустить Смета и Баян с миром, дав им двух коней. Мудрость старого поэта звучит в его словах: "Мужчина Смет опозорил меня. Но поэт Смет продолжит славу Азербая. Жен у меня много, а Смет у народа один".

Если бы поэтов так ценили во все времена! Тогда бы по-другому сложились судьбы Пушкина, Лермонтова, Махамбета, Абая, Сакена, Ильяса, Мукагали...

Ряд примеров, когда О.Сулейменов использует в качестве своеобразной первоосновы стихи казахских средневековых поэтов, можно продолжить. Так, в свое время Ч. Валиханов записал "Песню об Аблае "Бухара-жырау", в которой есть следующие памятные стихи:

О хан Аблай, ты ходил,	Сверкая, как метеор,
Гогоча, как гусь,	И печень твоего врага
Бушуя, как бура,	Досталась тебе в руки ...
Бурля, как горный поток,	[5]

Эти стихи наглядно отражают такую черту казахской средневековой поэзии, как предметность поэтического мышления, когда степные жырау в качестве образа сравнения привлекали привычные для кочевника реалии, окружавшие его в повседневной жизни: гусь, верблюд-бура, горный поток, печень и т.д. Сравнение голоса человека с гусиным гоготанием указывает на его силу, выразительность: клекот летящих гусей в поднебесье далеко слышен. Один из великих казахских биев вошел в историю народа именно с этим эпитетом: *қаздауысты Қазыбек*. Признаком следующего сравнения является неукротимая энергия, доходящая до буйства: *бушуя, как бура*. Сравнения с горным потоком, метеором также направлены на создание образа быстроты и также восходят к эстетике степного кочевника, внимательного к реалиям земли и неба.

Основываясь на стихах Бухара-жырау, О.Сулейменов создает небольшую миниатюру "О конь!", в которой буквально повторяет полюбившиеся ему поэтические образы:

О конь!	Я печень врага
Он гогочет, как гусь,	увидел в своих руках,
Он бушует бурой.	Табун украду и отдам
Бурлящий горный поток	За коня вороного ...
Не сравнится с его дыханием.	[6]

Текстуальная близость налицо. О. Сулейменов раздвинул пространственные границы стихотворения Бухара-жырау: обращение к

конкретному человеку – хану Аблаю заменено обращением к коню – одному из постоянных образов казахской народной поэзии. В свое время академик З.А. Ахметов отметил, что в казахском эпосе больше всего поэтизируется человек, а после него – конь. Замена единичного образа хана Аблая образом коня дает Олжасу свободу для поэтической интерпретации стихотворения великого предка. Отодвигая в сторону образ Аблая и выдвигая на первый план образ коня, Олжас углубляет содержание стихотворения, раздвигает его тематические рамки, но при этом не отходит от казахской поэтической традиции.

Таким образом, О.Сулейменов выступает интерпретатором произведений великих предшественников (Доспамбета, Бухара-жырау), создавая на основе стихотворений прошлого современные поэтические фантазии, в которых бережно воспроизводит и исторический, и национальный колорит, перенося в тексты своих произведений яркие, свежие, самобытные образы, созданные поэтами прошлых веков. В этом видится глубинная связь поэзии Олжаса с многовековой поэтической традицией казахских акынов и жырау.

Литература

- 1 Ауэзов М. Времен связующая нить. Литературно-критические этюды. - Алма – Ата: Жазушы . - 1972. – 210 с.
- 2 Мартынов Л. Вместо предисловия // Сулейменов О. Определение берега. – Алма-Ата: Жазушы, 1979. - С. 4-11.
- 3 Поэты Казахстана. Вступит статья, составление, биографические справки и примечания М. М. Магауина. - Л.: Советский писатель. - С. 79.
- 4 Сулейменов О. Повторяя в полдень. – Алма-Ата: Жазушы. – 1973. - С. 17 - 119.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 тт. - Том I. – Алма-Ата, 1987. - С. 268.
- 6 Сулейменов О. Определение берега. - Алма-Ата: Жазушы. – 1973.

Нурахынова А.С., магистрант
КазНУ им.аль-Фараби – РУДН, Москва

Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский: творческий диалог

Проблема творческих переключек Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского уходит своими корнями в конец 60-ых - начало 70-ых годов. В 1973 году за 2 года до выхода книги «Аз и Я» Олжас Сулейменов пишет стихотворение, посвященное поэту Андрею Вознесенскому. В нем можно обнаружить истоки совместного творчества двух поэтов, а также историю их обращения к творческому наследию Махамбета Утемисова, определить, что их духовно связывает с образом и мировосприятием

Махамбета. Где-то в начале семидесятых, когда готовилась книга новых переводов произведений Махамбета, посвященная 170-летию со дня рождения поэта, О. Сулейменов предложил перевести стихи казахского классика поэту А. Вознесенскому. И даже не просто предложил, а убедил его, что только он по силе своего таланта может довести до взыскательного русского читателя дух и творчество Махамбета. Однако алматинское издательство «Жазушы» так и не дождалось новых переводов, хотя и был заключен договор с переводчиком. [1, 22]. Но многочисленные поклонники поэзии Махамбета и А. Вознесенского встретились с его ярким образом в новом цикле оригинальных стихов А. Вознесенского «Читая Махамбета». В этом цикле Махамбет представлен в образе поэта-бунтаря с мужественной, но ранимой душой, одетого в кольчугу, но с открытым сердцем. Также важно подметить, что цикл «Читая Махамбета» начинается своеобразным запевом – алкисса, что характерно для казахской фольклорной поэзии. [2, 3]. Не случайно, исследователи утверждают, что уникальный современный проект - цикл «Читая Махамбета» - появился в результате творческой и земной дружбы двух больших поэтов О. Сулейменова и А. Вознесенского.

О. Сулейменов остается верен своим ориентирам, которые выбрал еще в поэтической юности. Образ кочевника XX столетия встречается с образом «кочевника с авиабилетом» нынешнего века. Это произведение является своего рода введением к книге Олжаса Сулейменова «Аз и я», где он уже предположительно указывает на возможные ошибки с своей стороны:

*Это кажется мне –
Аз и Я – Азия,
ошибаюсь.
Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь
в другом (1975), [3, 208 – 210].*

В интертекстуальном плане это стихотворение интересно тем, что О. Сулейменов на протяжении всего текста ссылается на культурно-исторические факты. Здесь есть аллюзии, а именно намеки на исторические события и литературные факты. К примеру, биография казахского классика, поэта, борца за свободу своего народа Махамбета Утемисова, которая известна читателю. О. Сулейменов через аллюзии хочет показать связь между прошлым и настоящим. Ведь, не зная своего прошлого, нет настоящего, и не может быть будущего. Олжас Сулейменов стремится показать не только диахроническую связь одного народа, а связь разных культур и эпох. И поэтому обращается к своему другу Андрею Вознесенскому, представителю русской культуры. Андрей Вознесенский – представитель города, русской и европейской культуры, а Олжас

Сулейменов – представитель степи, казахской и тюркской культуры. На первый взгляд, казалось бы ничего общего, но их объединяет упорство и сила поэтического духа, любовь к слову и человечеству. Сулейменов хочет показать, что благодаря тесным связям предков сейчас налажены контакты у современников.

Я пишу по-этрусски

о будущем –

ты расшифруй...

Этрусский язык - вымерший язык этрусков, генетическое происхождение которого не установлено, так как этруски – это древняя цивилизация. Этот язык считается языком-изолятом и не имеет признанных наукой родственников. Поэтому расшифровать этрусский язык очень сложно, и не каждому ученому под силу. Известны лишь 50 слов этрусского языка. Однако Олжас Сулейменов копает глубже, так как в последнее время получила развитие гипотеза, в соответствии с которой этруски являлись представителями древней шумерской цивилизации.

Этруски могли быть потомками одной из частей шумерского народа, ушедшей в Европу. Другая часть носителей шумерской культуры мигрировала в Центральную Азию, где после контактов с местными этносами стала основой тюркской цивилизации. В языке этрусков и тюрков обнаружено множество идентичных слов, большинство из которых, естественно, претерпели изменения, но многие совпадают и сегодня. Возможно, этруски сложились в процессе смешения местных латинских и иных народов с прибывшим этносом - осколком древней цивилизации. С прибытием азиатов – носителей государственности и прогрессивной культуры начинается интенсивное развитие общества.

В подтексте следующей детали также можно обнаружить связи с прошлым:

...голоса и значенья

на камне исполненных рун...

Здесь поэт использует аллюзию, в данном случае, намек на исторический факт. Из истории известно что, в VIII-X вв. использовалось древнетюркское руническое письмо, которое применялось в Центральной Азии для записей на тюркских языках.

невегласам ученым доверь

истолкованный бред,

да мудреют они,

узнавая познания вред.

Здесь Олжас Сулейменов явно предчувствует, что на него обрушится яростная критика маститых профессоров по поводу его книги «Аз и Я». Хотя его «книга благонамеренного читателя» вышла в свет только в 1975 году, а это стихотворение было написано намного раньше, нужно учитывать тот факт что, за работой над «Аз и Я» он провел 15 лет. В

начале своей этимологической деятельности он уже предвидел неприятие и ожесточение со стороны ученых и не только. Однако нужно заметить, что О. Сулейменов точно прав в одном: «Слово о полку Игореве» было адресовано для двуязычного читателя, и ему удалось доказать что, тюркская культура – это одна из древнейших цивилизаций в мире. О. Сулейменов одним из первых в советской науке доказывал, что Запад и Восток не всегда воевали, более того у них были культурные, торговые и даже родственные отношения. Благодаря тесным и культурным взаимоотношениям предков тюрков и славян, их потомки легко контактируют на уровне генезиса в нынешнее время.

Литература

- 1 Канапьянов Б. М. Образ Махамбета в творчестве современных поэтов: Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский // Книголюб. – 2003. – № 7 – 8. – С. 22 – 23.
- 2 Хайруллина Н. Г. Махамбет и время. – Алматы, 2011. – 98 с.
- 3 Сулейменов О. О. И в каждом слове улыбался Бог...Избранные стихотворения. – Алматы: Издательский дом Библиотека Олжаса, 2011. – 272 с.

Казыбек Г.К., к.ф.н., проф.
КазНУ им. аль-Фараби

Олжас Сулейменов шығармаларының қазақ тіліне аударылу ерекшеліктері

Олжас Омарұлы Сүлейменов - қазақ халқының талантты ақыны, қоғам қайраткері әрі саясаттанушы. Олжас Сүлейменов орыс тілді ақын, сондықтан да ол шығармаларын орыс тілінде жазады. Біз осы мақаламызда Олжас Сүлейменовтің қай шығармасы, қандай тәсілмен қазақ тілінде тәржімаланды, аудармашылары кімдер т.б. мәселелер жайында қарастыруды жөн көріп отырмыз.

Олжас Сүлейменов 1936 жылы Алматы қаласында туылған. Алғашында әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетін, содан кейін Мәскеудегі М.Горький атындағы Әдебиет институтын бітірген. Ақынның 1961 жылы «Арғымақтар» деген атпен тұңғыш өлеңдер жинағы басылып шығады. Ақынның «Нұрлы түндер» (1962), «Қызықты түн» (1963), «Шапағатты шақ» (1964), «Мешін жылы» (1967), «Таңдамалы лирика» (1969), «Қыш кітабы» (1969), «Ақ дария аспанында» (1970, өлеңдер мен проза), «Талма түсте тағы да бір қайталап» (1973), «Жұмыр жұлдыз» (1975), «Кемер» (1976, 1979), «Әр күн - арайлы таң» (1986), «Асқардан асу» (1987), «АЗИЯ» (1975), «1001 сөз» (2001) атты кітаптары жарық көрген. Олжас Сүлейменов шығармашылығы жайлы М.Әуезов,

К.Симонов, М.Тұрсын-заде, Р.Ғамзатов, Ғ.Мүсірепов, Ш.Айтматов, Э.Межелайтис, Б.Слуцкий, Д.Самойлов, Қ.Кулиев, А.Вознесенский, Р.Рождественский, Е.Евтушенко, М.Каноат т.б. өз пікірлерін түрлі мерзімді баспасөз беттерінде жариялаған. Олжас Сүлейменовті бүкіл әлемге танытқан поэмасы «Адамға табын, Жер, енді» деп аталады. Поэма 1961 жылы жарияланған. Ақынның қазақ тілінде тұңғыш таңдамалы өлеңдері мен поэмаларының жинағы «Атамекен» деген атпен ақын, Қазақстанның халық жазушысы, Қазақ КСР Мемлекеттік сыйлығының лауреаты Қадыр Мырза Әлидің аудармасымен «Жазушы» баспасынан жарық көрді. Адамға табын, Жер, енді» поэмасын ақын адамзат тарихындағы тұңғыш космонавт Юрий Гагариннің ерлігіне арнайды. Поэма - жиырмасыншы ғасырдағы ең бір маңызды оқиғаны арқау еткен, саяси-әлеуметтік тақырыпты игерудің тамаша көрінісі. Дастан адамзат мақтанышын биікке көтеріп, сыршылдығымен, шынайы сезім шыншылдығымен, оқырман жүрегіне жол тапты. Олжастың ғарыштық поэзиясы тұрғысында әдебиет сыншысы, профессор Асқар Егеубай былайша толғанды: «...Байқоңырдан бастау алған ұлы құбылыс сезім серпінін ғаламат бір қуатпен ағытып жіберді. Сол арқылы қазақ ақынының аузынан өркениет тарихының ренессанстық аңсары адамды асқақтату, адамды ұлықтау, адамның төбесін көкке қайта бір жеткізу ниеті естілді. «Адамға табын, Жер, енді!» мифтік түйсік пен поэтикалық түйсіну пернелері күй сазындай үйлескен тұс. Бір сәт ғана. Бір сәттің шындығы. Ақиқаттың қас-қағымы!». Өткен тарихты зерттеп үнілу, ондағы елдік пен ізгілік, батырлық пен қорқақтық, патриоттық пен сатқындықты жеріне жеткізе суреттеуде ақын жетістігі көп. Бұл дастан адамзат мақтанышын биікке көтеріп, сыршылдығымен, шынайы сезім шыншылдығымен, оқырман жүрегіне жол тапты.

... Жымидың.

Қол бұлғадың.

Басқа мұнда

Арман жоқ,

Арман ғарыш-аспаныңда.

Сәуірдің өзің жұтқан

бал ауасы

Картада қала барды

Қас қағымда [1, 244].

Олжас жырлары - уақыт, кеңістік жағынан тар шеңберде қалмайды. Ол Қазақстан тығыздығын, Қазақстан адамдарын бүкіл әлеммен, әлемдік тыныспен ұштастыра толғайды. Олжас поэзиясының басты қаһарманы - жасампаздық. Ол үшін тарих - жасарып жаңғырудың, жасампаздықтың,

ынтымақтасудың шежіресі. Мысалы:

... Батқанмен күн, атқанмен таң

Батыс та жоқ, шығыс жоқ.

Жер деген сөз тұрса, жаһан

Өтеді ылғи туыс боп [1, 247],

- деген жолдарда ақын концепциясы уақыт рухын аша түседі, суреткерлік, дүниетаным беріктігін танимыз.

Бұл поэма ақынның өткен мен бүгіннің, ескі мен жаңаның әлеуметтік мән жайын, философиялық астарын терең сезініп суреттеуімен биіктей түседі. Ақын толғанысы оқырманды ой қазынасының байлығы, молдығымен, эмоцияға толы терең сыршылдығымен баурап, ерекше әсерге бөлейді.

Ғашықпын, өмір, саған,

Көктем үшін,

Қорқыныш-үрей үшін,

От дем үшін.

Ғашықпын, өмір, саған

Азды-көпті

Дәміңнің бұйырғаны,

Жеткені үшін [1, 250].

Поэма сан рет қайталанып басылып, бірнеше тілдерге аударылып, авторын әлемге танытты, қазақ елінің абырой-мерейін биікке көтерді. Ақынның ұшқыр қиялы, көреген ойшылдығы, мол білімділігі, ең бастысы, патриоттық отты сезімі танылды. Олжас Сүлейменовтің «Адамға табын, Жер, енді!», «Арғымақтар», «Шапағатты шақ» жинақтарынан кейін алуан-алуан пікір тудырған «Қыш кітабының» өз жұмбағы бір басына жетерлік. «Қыш кітап» қазіргі күннің кітабы... Орыс тілінде жазатын ақынның таза қазақы өмірбаяны, тіршілік-тұрмысы, өлеңдерінде ауыздықпен алысып, күмбір-күмбір кісінеген қазақы рухтың қайнар көзі тамаша сезіледі.

«Жиырмасыншы ғасыр жырлайды» атты авторлық антологияның Олжасқа арналған ұсынымындағы мына бір ой орамы оралады: «Әлемде бір ұлт өкілінің екінші тілде жазып, сол ұлт әдебиетінің өкілі болып кеткен мысалдары аз емес... Алайда, ұлттық әдебиет ұғымын екшеудің классикалық өлшемдері солай сөйлей тұрғанмен, ешкім де орыс тілінде жазатын Олжас Сүлейменов жырларын орыс әдебиетіне теліп көрген емес. Олжас Сүлейменов – орыс тілінде жазатын қазақ ақыны деген байламға жұрттың бәрі тақ тұрады. Тақ тұрғызған – Олжас өлеңдеріндегі көне дәуірлерден жетіп жатқан қыпшақтық қағым-қағыстар, ұлттық қанық бояулар, жер-жаһандағы құбылыстың қай-қайсысына да тек қазақтың көзімен қарайтын қымбат қасиеті, ең бастысы – қай кезеңде де алтын басының азаттығын сақтай алған алаштың асқақ айбыны, өршіл рухы. Ұлы

ақын, ұлы редактор Твордовскийді «Новый мирден» кетіріп, бір жылдан кейін көрге тығып тынған сұр кардинал Сусловтың өзі Сүлейменовтің сағын сындыра алған жоқ. Ақын досы Андрей Вознесенскийге арнаған өлеңінде: «Аз и Я» – Азия деп оқталып,

Жаңылдым ба?

Жатпаймын мен ақталып...

Танып-біліп өзімізді өзгеден,

Көшеміз де өзімізді бетке алып», -

деп жазғанындай, Олжас жырының көші өзімізге өзімізді бетке алдыртқан күйі бір ғасырдан бір ғасырға ауысты. Олжастың кешегі кеңестік зеңде, бір одаққа біріккен халықтар арасындағы дабырайтылмағанымен байқалмай тұрмайтын бәйге-бәсекеде алғашқы «Арғымақтарымен»-ақ арындап шығып, «Қазақтар осындай болады екен ғой» дегізген, ұлтымызды мойындамасқа, құрметтемеске қойғызбаған еңбегін біз ешқашан ұмытпауға тиіспіз». 1969 жылы жарық көрген ақынның «Қыш кітабы» атты поэмасы ата-бабаларымыздың артына қалдырған адамгершілік мұрасы жайында жазылған ең күрделі, құнды еңбектерінің бірі. Кітап бірнеше тілдерге аударылды. «Қыш кітабы» атты поэмасына жазушы Мұхтар Мағауин: «Қыш кітап» – Отанға сүйіспеншілік, туған халыққа адалдық, азаматтық борыш туралы шығарма», – деген баға берген.

Ақынның «Махамбетке» өлеңінде қазақ халқының өр ақыны Махамбеттің бойындағы қайсарлық, ерлік, намысшылдық қасиеттер жырланса, «Қыз қуу», «Арғымақ» өлеңдері қазақ халқының ұлттық болмысын, салтын, мінез-кұлқын суреттеуге арналған [2,44]. Қай тақырыпта сөз қозғаса да, Олжас туындылары өткір тартысқа құрылып отырады. Осыдан келіп ақынның биік азаматтық үні, белсенді позициясы анық байқалады. Өзіндік асқақтық, шынайылық, сезім астасуы, т.б. ерекшеліктерімен көзге түседі. О. Сүлейменов қазақ өлеңіне өзіндік өткір тартыс, сезім күрделілігін әкелумен бірге, оның уақытқа және кеңістікке тән аясын кеңітудің үлгісін көрсете білді. Ол лаулаған алауды, ұшқынды сүйеді. Туындыларының өне бойында - далада да, тауда да, ежелгі керуен сүрлеуінде де - лаулаған алау. Оны:

Қария тарих - қаптаған жалын

Лап етіп жанған түздерде,

Алауға атам қақтаған жанын,

Аңызы қалған біздерге, -

деген өлең жолдарынан анық байқауға болады. О. Сүлейменов өлеңдерінен («Семсер» аударған Қ. Мырза Әли) ақындық арыны, екпіні анық көрініп, оқырманға ой тастар шабытты жолдар арқылы өріле суреттеледі.

... Жаным, жігер,

Жарқылдаған от болсын!

Сілтегенде,

қайзаламай
Қақ бөлсін...

немесе:

... Ұшқын шоққа толып кетсін құшағың

Ол - құрыштың,

Ол - алмастың нышаны, - деген жолдардың өзі оқырманды жігерлендіре түседі, қуатты күш береді.

Қазақстанды суреттегенде Олжас Сүлейменов халықтың өзіне ғана тән қасиеттерін шебер суреттеп, даралай көрсетеді. «Ақсақ құлан» атты өлеңінде жүген-құрық тимеген асау тағылар жүйткіді, бірақ негізгі тұлға - адам. «Құланды да қан майданға ерттейді», - дейді ақын. Ұлы Абайдың қасиетті қабіріне ат басын тірегенде:

Шыңғыс тауы бөктерінде моласы,

Сарғалдақпен шегеленген төбесі

Тәуап еткен талай адам баласы.

Болған кезде жоқшылықтан өлесі

Жыр запыранын жұтады екен жұрт содан,

Шөп те сол шақ тұрады екен қалтырап,

Адамдай-ақ улы шарап ұрттаған

Дала мең-зең, сары гүлін

шаншып ап, -

деген өлең жолдарынан ұлылыққа деген сезім шынайылығын тануға болады. Ақынның лирикалық қаһармандарының бәрі асқақ жанды өр тұлғалар. Олардың қай-қайсысы болмасын өмірге құштар жандар.

Олжас Сүлейменовтің өлеңдері орысша жазылғанымен, қазақтың ұлттық шығармасы болып табылады. Ақын өзінің туған халқының эстетикалық дәстүрлерін үлгі тұта отырып, әлем поэзиясының образдарынан алған тағылым, оның ойы мен сезіміндегі ұлттық рухты, ұлттық характерді дамытып байытады.

Қатаң да бопсың, қасарсаң

Қас дұшпанды

Бір-ақ сілтеп

Қақ бөліпсің қылышпен,

Қанды ұрыстан

Құйттай ғана босансаң

Жыр арнапсың

Жүректерге сүйіскен.

Саған берген

Алыптығын алыпсын.

О, Махамбет,

Қайсар ұлы

Көшпелі бұл халықтың,

Қаһарлансаң

Ханның басын алыпсың, -

деген өлең жолдарынан-ақ ақынның Махамбет поэзиясының рухын жанындай жақсы көретіні, оның ұшқыр ойлары мен уытты тілін ерекше бағалайтыны байқалады. Оның әр өлеңі, әр шумағы лирикалық герой туып-өскен даламен, өз халқымен, оның өмір-тіршілігімен тығыз байланыста алынған. Ол халқының тарихы мен шежіресін, аңызы мен-ақындық үнін, дәстүрін - қазақтың ұлттық мақтанышы болып табылатын қасиеттерінің бәрін шыш беріле жақсы көреді, оны асқақтата жырлауға тырысады. Өзінің тұңғыш кітабын «Арғымақтар» деп атауы тегін емес. Алысты жақын қылатын ұшқыр сәйгүлік - Олжас шығармашылығында өлеңнен-өлеңге, кітаптан-кітапқа көшіп отыратын дәстүрлі поэтикалық тұлғаға айналады.

Олжастың арғымағы - ұшқырлықтың, алапат күштің, албырт жігердің символы. Ол таусылмас, сарқылмас тіршіліктің өзіндей мәңгілік қозғалысты танытқан, шапшаңдыққа ұмтылған тынымсыз уақыттың өз бейнесі тәрізді көрінеді. Ақынның арғымақ мінген азаматы қай кезде болмасын асыл арман мен абзал күреске құлшынады. Өлеңнің көркемдік ажары, сезім қуаты, қазақ даласының құдіреті ерекше асқақ суреттелген. Мұнда ішкі әуен, құрыш тұяқ дүбірімен тұтастықта көрініп, оқырман жүрегінің дүрсілімен сабақтасады. Ақын, аудармашы профессор Леон Робель «Қыш кітабының» әдеби құнын айрықша көрсетті. «Олжас Сүлейменов, сөз жоқ, біздің кезіміздегі орыс тілінде жазатын тамаша ақындардың бірі. «Қыш кітабы» тарихи терең тамырлы ғажап ақындық қиялмен шұғылалы сәулеге суарылған үлкен дастан дей аламыз. Бұл кітаптың ерекшелігі - мысқыл-әжуа мен баяндаушылық күшінің, эротизм мен өктемдіктің, нәзіктік пен әзіл-оспақтың бір-бірімен қайнап пісуінде. Бұл - нағыз эпикалық шығарма. Біздің бөлшек-бөлшек әлеміміз талайдан бері мұндай зор дауысты естіген жоқ еді, біз Сүлейменовті сондықтан да Гильгамеш, Гюго, Хлебников секілді ұлылардың табиғи, танымал мұрагері деп білеміз», - деп өте жоғары бағалайды. Халықтар мәдениетінің туыстығы мен өзара баю идеясын ақын үнемі көңілінен шығармайды. Халықтар арасына көпір салып, жол түсіру үлкен шебердің ғана қолынан келеді. Көпір екі елге де ортақ, екі елдің де мақтанышы. Олжастың жыр көпірі болғаны - еліміздің мақтанышы бола бермек. Мәселе, өлеңнің қай тілде жазылғанында емес, оның көтеріп тұрған жүгінде, оқушысына ой салып, жүрегіне жетуінде. Демек, Олжас туындылары өз халқының ғана емес, күллі көп ұлтты отандастарының да рухани дүниесін байыта түсетін мәнді мазмұн таба білуімен құнды бола бермек. Ақын тарихтың көшкен жұрт, көшкен із емес екенін жақсы түсіне біліп: «Келешек - өткен тарихты қорыту», - дейді. Өзінің «Қыш кітабы», тарихи тақырыптағы жырларында, «Аз и Я» сияқты сан алуан ой-пікір туғызған еңбектерінде ақын Көне Русь пен Даланың қарым-қатынасы, екі мәдениеттің қанаттас өрбіген тұстары

жайындағы ой-толғанысы арқылы өзінің екі тілді де терең меңгерген байыпты ғалым екенін танытты. Олжас поэзиясының қуатты қос қанаты бар. Оның бір қанаты — әлем мәдениеті мен әдебиетіне суарылған, екінші қанаты Шығыстың және қазақтың төл поэзиясынан нәр алған. Шығыс поэзиясындағы сырлы саз, қазақ фольклорындағы эпикалық кең құлаш, Махамбет өлеңдеріндегі отты леп, Абай поэзиясындағы терең ойдың барлығы Олжас поэзиясына тән дүниелер [3, 258]. Олжас шығармашылығы халқымыздың қуанышы мен қайғы-қасіретінің компасы іспеттес. Оның тұлғалық кеңістігінің ауқымы шырқау көкпен астасып жатыр. Олжас Сүлейменовтің тау тұлғасы Мұстай Кәрім, Расул Гамзатов, Шыңғыс Айтматов, Субхадж Мукерджи, Эдуард Межелайтис, Булат Окуджава, Ахмад Фаиз, Фазиль Искандер, Борис Пастернак, Владимир Высоцкий, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Ғафур Гулям және тағы басқа заманымыздың белгілі ақын-жазушылары мен ғалымдарының сапынан берік орын алды. Осынау «ұлылар шоғырында» Олжас қайталанбас асқақ үнімен әрдайым ерекшеленіп тұрады. Павел Косенко «Ұлы Мұхтар Әуезов жас ақынның есімін сол кездің өзінде-ақ елге кеңінен танымал сөз суреткерлерінің қатарына кездейсоқтықтан қойған жоқ» десе, Сорбонна профессоры, ақын-аудармашы Леон Робел «Мәдени туыстықпен халықтардың бір-бірін байыту идеясы Олжасқа бұрыннан жақын, ұлы Олжас ғұлама тарихқа сансыз таңбалардың өзгеруі мен қоныс аударуының үлкен кітабы тұрғысында қарады» деп жазды. Ал ақын досы Андрей Вознесенский «Біз тіріміз, Олжас! Біз мәңгілік аттан түспейміз!» деп жар салды. Халқымыздың дауылпаз ақыны, ойшыл-ғалым, мемлекет және қоғам қайраткері Олжас Омарұлы Сүлейменовтің тұлғалық кеңістігін толық түсіне қою қиын. Дегенмен, оның қазақ халқының тарихында өз жазбаларымен мәңгілік орын алатын айтулы тұлға екендігіне ешкім де дау айта алмайды. Осы тұрғыдан келгенде жастарды қазақстандық патриотизм мен толеранттық этникаралық рухта тәрбиелеуде Олжас өнегесінің алар орны ерекше.

Түркігілдес халықтар әдебиеті тарихында, әлем әдебиетінде Олжас Сүлейменовтің заңғар биігі, Олжастың ғарыштық ақиқаты алыстан көз тартады. Кезінде Олжастың отты үні Мәскеудің, Париждің, Римнің, Нью-Йорктің, Шығыс елдерінің залдарын тікесінен тік тұрғызды. Планетарлық сана Адамына айналған, жан-жүрегі қазақ болып қала беретін Олжаспен күллі түркі халықтары мақтануы керек.

Пайдаланылған әдебиеттер

1. Сүлейменов О. Атамекен. – Алматы: Жазушы, 1972. - 286 б.
2. Сүлейменов О. Арғымақтар. – Алматы: ҚМКӘБ, 1961. -70 б.
3. Сүлейменов О. Таңдамалы өлеңдер және поэмалар - М.: Художественная литература, 1986. - 430 б.

Ли Э.В., к.ф.н., профессор
ЖГУ им.И. Жансугурова, Талдыкорган

Взаимодействие концептов человек и время в поэме Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись Человеку!»

Языковая картина мира отражает с помощью языковых средств многообразные связи и реалии окружающей действительности, она связана с особенностями социокультурного феномена, отражающего коллективные формы мироощущения и поведения. В поэме О.Сулейменова «Земля, поклонись человеку» функционируют и такие базовые лингвокультурные концепты, как *человек* и *время*. Как и концепт *земля*, они представляют значимую словарную единицу, обладают широким семантическим полем, сложной структурой и богатым лексическим фоном. С течением времени языковая картина мира может меняться под воздействием разнообразных изменений, происходящих в объективном мире и сознании человека. Названные концепты не являются индивидуально-авторскими, но в произведении О.Сулейменова они получают новое наполнение.

Напомним, что в качестве рабочего определения концепта мы пользуемся следующим определением: «Концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [2].

В статье концепт *человека* трактуется нами как интегрированная персонa человека, как совокупность представлений, знаний писателя о человеке, пропущенных через сознание автора и отраженных в языке художественных произведений, в нашем случае в языке анализируемой поэмы.

Уже вынесение концепта в название поэмы свидетельствует о том, какую важную роль отводит ему автор, поскольку именно человеческое сознание творит многочисленные миры, существование которых невозможно в отрыве от субъекта. В художественном произведении содержание концептов определяется особенностями мировосприятия художника. Ему известно, что человек постоянно стремится познать истины, где многое не поддается пониманию, где преобладает трагедийность. И все это приводит к путанице в человеческом сознании, к неумению объяснить иногда очевидные истины. Но всегда человек смотрит в небо, всегда «люди тянутся к звёздам!».

«Почему люди тянутся к звёздам!» - с этим не вопросом, а утверждением автор обращается к читателю в самом начале поэмы. Это философское выражение показывает, что человеку, как и автору, уже

известен ответ – *первый человек побывал в космосе!* Он уже как бы достал эти «*вчерашние туманные звёзды*» (потому что вчера ещё они были чужими, неизвестными, такими далёкими и холодными), но сегодня он превратил их в «*яркие*», «*близкие*», «*сегодняшние взятые звёзды*».

Лексема *человек* в качестве основного, прямого значения в словарях имеет определение «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [3, 807]. Именно таким предстает человек прежний, человек *первого века*, который жил на земле, потом и кровью поливая её, обрабатывал её самодельным плугом, сеял хлеб, когда было нужно, вставал на её защиту, боролся за её свободу кинжалом и отдавал ей самое дорогое – жизнь. Всё, что есть на земле, человек сделал своими сильными руками, земля всегда держала его.

Лексема *время* имеет широкий спектр значений, зафиксированный словарями. Само название поэмы уже скрыто напоминает о времени: в какое время, когда произошло то, что заставило автора воскликнуть: «Земля, поклонись человеку!»? Конечно, в поэме оно – «одна из основных форм существования бесконечно развивающейся материи» [3, 96]. Во времени разворачивается вся длинная история человечества. Во вступлении к поэме О.Сулейменов размышляет об этом, в нём вперемешку использованы глагольные формы настоящего и прошедшего времени: глаголы в настоящем времени отображают действия постоянные – люди *тянутся* к звёздам, реки *вспаивают* поля, *летит* земля; глаголы прошедшего времени использованы в форме совершенного вида, так как обозначают действия уже завершённые, доведённые до конца: путь в сердце *пронёс*, рекою *прошёл* по земле, *связал* города. Человек нашёл тот *путь*, который «в сердце до звёзд *донёс*». Как видим, вступление включает в себе ту информацию, которая будет раскрыта в дальнейшем, - о человеке, о времени и о пространстве.

Естественно, что два концепта – *человек и время* – связаны неразрывно, человек живёт во времени, время определяет его бытие, оно ставило перед ним задачи, оно и помогало решать их. Но что оставило прошлое человеку?

...Что из прошлого видел я,
Кроме музейных палат,
Где под мёртвыми стёклами
Мирно пылятся кинжалы,
Золотые погоны с халатами рядом лежат.
Сохи, чётки янтарные, брошки
и прочая жалость [1, 216].

И всего-то «две монеты» нужно, чтобы войти в «позабытый неведомый мир».

Таким образом, в научной картине мира человек мыслится как *уникальное живое существо, наделенное даром мышления, речи*. Человек также существует в *обществе*, важнейшим условием его существования считается *труд*, который двигал человека, развивал его.

Но человек неудержимо стремился к высокому небу, таинственному и неизведанному, всегда тянулся к ярким звёздам, вечно хранящим тайны мироздания.

Первый век начинался тогда, дорогой,
Когда *пращур* отнял от земли
свои руки

И поднял в удивлении над головой
Свои тёплые-тёплые,
Тяжкие-тяжкие руки.

Это было победой [1, 212].

В данном случае в поэме автор показывает развитие представления о человеке как отдельном существе, наделённом индивидуальными свойствами: он поднял свои глаза, он поднял руки к небу, он увидел то, что теперь уже будет всегда манить его таинственностью. То есть человек предстает уже как *индивид, личность*. Это понятийные составляющие концепта *человек*. В русском языке имеется много слов, в которых содержится сема «человек, лицо», но в художественном произведении выбор слова, обозначающего человека, определяется не только прагматическими целями, но и представлением автора о сущности человека, об условиях его жизни. Таков выбор лексемы «*прадед широкоплечий мой*»:

Небо весёлое манит
Твой первобытный взгляд,
Звёзды лохматые злобно
Над головою горят [1, 214].

Использование выражения *прадед мой* здесь объясняется особенностями национальной авторской картины мира (это наблюдается и при репрезентации других концептов, например, концепта *земля*). Рассмотренные примеры показывают пересечение полей концептов *человек* и *время*, одно раскрывает, объясняет другое: *пращур, прадед* – лексические репрезентанты концепта *человек*, они раскрывают и концепт *время*, так как в их значении имеется сема «отдаленный родственник».

Лексическими репрезентантами концепта *человек* в поэме выступают и такие слова, как *мужчины, женщины, девушки, парень* – здесь значениями концепта являются представления о человеке как носителе различных половых признаков. Но гендерные различия не играют текстообразующую роль в анализируемой поэме.

Описывая первый век, автор использует такие лексемы, как *гунны, монголы, персы, кипчаки, крестоносцы, батыры Чингиза, великие воины*, которые обозначают названия народностей, совершавших набеги, постоянно воевавших, а также номинации людей, защищавших свои народы.

Можно выделить группу слов, которые характеризуют людей, близких первому космонавту: *Валя, Валентина, жена лётчика, дочери*.

Но наибольший интерес, конечно, вызывают слова, использованные для номинации первого космонавта. Первоначально вместо прямого указания в поэме используются местоимения *ты, он*: *ты* должен найти, полной грудью *ты* воздух апрельский вдохнул, *он* обязан, *он* проходит разведает, *он* любим, *он* спокоен. Представления о Гагарине как обыкновенном, простом человеке, таком, каких миллионы, автор вложил в употребление слова *парень*: *Парень, тебе с высоты виднее...*

На наш взгляд, здесь появляется и индивидуально-авторское экспрессивно-оценочное значение – подчёркнутое уважение, положительная оценка, но никак не панибратское отношение.

Своеобразно и употребление в качестве единицы номинации субстантивированного *дорогой*:

Понимаю тебя, *дорогой*,

Дорогой!

Век приходит в мгновенья

великих волнений! [1, 211].

Это не стандартная десемантизированная форма обращения, слово здесь употреблено в прямом значении – «ценный, любимый», которое актуализировано и дополнено значением «*близкий, единственный, свой*». Вершиной номинативного ряда первого космонавта является слово *Человек*, в котором к прямому значению добавлены представления о человеке как о носителе высоких моральных качеств, наделённом уникальными индивидуальными свойствами. И если представить концептосферу человека как систему, состоящую из ядра – *человек* и периферийных средств – *индивид, личность, особа, персона* и т.д., то можно сделать вывод о том, что в номинации героя поэмы движение идет от периферии к центру: от местоимений *ты, он* к *Человеку*.

Наряду с конкретными персонажами в поэме в качестве действующего лица выступает совокупность людей, объединенных общей судьбой, каким-либо делом или интересом. К ней относит себя и автор поэмы. Наиболее частотным в этой группе является слово «народ». Оно не использовано О.Сулейменовым в поэме, но многократно встречающееся *мы, наш* воспринимаются как единое целое на основании общности нации, места рождения, родства, интересов. Это – советский народ. Только в заключении встречаем:

Есть ли такой *народ*, который заставит мир склонить голову?

Но есть *народ*, который заставил человека поднять лицо к палящему и дождливому апрельскому небу.

СЛАВА ТАКОМУ НАРОДУ! [1, 235].

Интегрирующей семой в приведенных выше значениях слов является общепринятая сема «*общность, единство*». Но в поэме О.Сулейменова в слове *народ* на первый план выходят авторские семы «*Родина, первый, победа, величие, осуществление давней мечты*». Родина – это еще одно понятие, объединяющее всех героев в общий род, поэтому *степь* в поэме автор называет *матерью, Родину – женщиной. Своя, родная земля, степь* – один из центральных концептов поэмы, что отражает приоритеты национальной картины мира.

Еще шире в поэме значение местоимения *мы*: это *человечество*, значит Гагарин - представитель всего человечества. Вот почему «Земля, поклонись Человеку!». В поэме историческое время О.Сулейменов разделит на два века: *первый век* – предыстория, когда человек впервые осознанно обратил свои глаза и руки к небу. А Гагарин «оторвал от земли историю человека», «это стало началом *Второго Великого Века*».

Из анализа поэмы видно, что человек, находясь в центре неразрывного единства пространства и времени, не только определяет все окружающие его предметы и явления, но и изменяет их. Это отражается в пересечении полей концептов *человек, пространство и время*, а это в свою очередь позволяет нам говорить о неразрывности рассматриваемых элементов концептосферы О. Сулейменова.

Таким образом, на основе анализа даже ограниченного языкового материала одной небольшой поэмы можно говорить о том, что связь концептов *время и человек*, а также *пространство (земля)* в произведениях О.Сулейменова явно представлена в тексте и проявляется в их взаимодействии, взаимном раскрытии, при котором представители одного концепта указывают на наличие другого. Это еще раз подтверждает, что рассмотренные концепты составляют основу концептосферы О.Сулейменова, которые автор наполняет индивидуальными элементами значения.

Литература

1. Сулейменов О. Преодоление. Стихи и поэмы. - Алма-Ата: Жазушы, 1987.
2. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. - М.: Флинта, Наука, 2010.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1972.

Какильбаева Э.Т., к.ф.н., доцент
КазНУ им. аль-Фараби

Экфрастические сюжеты в лирике Олжаса Сулейменова

В мировой художественной практике общепринято воспринимать слово и живопись как две герметичные художественные системы, соединить их, подчинить авторскому замыслу может экфрасис, представляющий собой описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте. Хотя многие, кто пытался это сделать, в частности, А. Ремизов, признавались себе, что «картина вызовет слово, но живописать слово - пустое дело» [1, 9]. Об этом упоминал и Н.В. Гоголь в первой редакции «Портрета», который, описывая поразившую воображение Черткова итальянскую картину, употребил выражение *«невыразимо выразимое»*.

Невыразимое, воплощенное в визуальном образе, может ли остаться невыразимым вербально? На подобные вопросы отвечает экфрасис, который чаще всего находится у истоков символообразования в творчестве того или иного поэта, в частности Олжаса Сулейменова. В его лирике есть несколько стихов, которые построены на описании конкретных картин, чьи названия отразились в заглавиях стихотворений. Своей визуальной и отчасти сюжетной запрограммированностью они выделяются из общего каталога ранней лирики поэта. Одним из таких «живописных» текстов является лирический этюд «Пейзаж», позволяющий обнаружить прямое обращение Сулейменова к творчеству русского художника Исаака Ильича Левитана (1860-1900). Хотя, возможно, экфрасис использовался поэтом как спонтанный прием, но все же он позволил поэту перевести изобразительный образ в имманентный авторскому «я» вербальный ряд.

В картинах Левитана, указанных в «Пейзаже» и оказавших воздействие на Олжаса Сулейменова, присутствует, с одной стороны, ярко выраженное национальное начало, а с другой, приемы реалистической живописи сочетаются с едва уловимыми элементами и приемами русского модерна. Ориентация на левитановские образы и сюжеты становится основой лирических сюжетов поэта о русской природе. Сулейменова привлекала, прежде всего, в Левитане любовь к открытым горизонтам (великая река Волга, русские степи, леса), которая отразилась в предпочтении панорамных видов, в широком использовании эффектов пленэрного письма, что, в свою очередь, сближало живопись Левитана с импрессионизмом. Художник стремится достигнуть иллюзии быстрой смены состояний природы, иллюзии сиюминутно протекающей жизни природы и человека в ней и передает тончайшие нюансы смены настроения природы через игру цвета. А Олжас Сулейменов в своем лирическом сюжете превращает это визуальное в вербальное.

При этом можно видеть, что его сюжет содержит, возможно, гипотетическую рефлексию на стиль Левитана. Я склонна воспринимать этот сюжет и как контаминацию разных визуальных текстов, что позволяет интерпретировать их в поисках аналогий с пейзажем Левитана.

Эта небольшая пейзажная миниатюра написана в 1965 году:

Развешаны картины Левитана

в лесах;

река холодная горит;

неторопливый грохот Левитана

о молнии потухшей говорит.

На фоне свежескрашенных холмов

стоят столбы,

как скважины в разрезе,

и воздух после молнии разрежен,

так дышится в тени степных колков.

О, лиственных лесов остолбененье,

какая-то полуденная тьма,

она бывает перед наводнением,

когда земля в невидимых дымах.

Брожу травой,

которую не косят;

великая, табунная трава;

в ограде лесника жируют козы;

я помогаю складывать дрова.

Гляжу на облако,

оно на ветке молнии,

как яблоко багровое, висит... [2, 87].

Видение поэта вызывает к действию сюжеты картин Левитана: он зрительно расширяет пространство, вписывая в необъятные лесные просторы, в среднерусские степи, названные колками, левитановские пейзажи. И этим задает высокий тон всему сюжету, предъявляет особые требования и к читателю, и к слушателю: сулейменовский сюжет не понять, если не знаешь и не чувствуешь русское пейзажное искусство и, в частности, шедевры Левитана.

Из всех картин Исаака Ильича Левитана, мастера русского пейзажа, по нашему мнению, наиболее соответствует поэтическому описанию, данному в сюжете Олжаса Сулейменова, картина «Над вечным покоем», которая является «самой русской» из всех, когда-либо написанных на русскую тему картин, подаренная им лично коллекционеру произведений русского изобразительного искусства Павлу Михайловичу Третьякову. Взгляд художника с небес, с высоты птичьего полета представляет нам высокий берег озера, огромное небо в часы заката, бледно-лиловые облака, тяжелая тусклая вода озера, маленькая одинокая церковь, старое кладбище с покосившимися от времени деревянными крестами и щемяще слабый огонек в окне церкви. Левитан передает ощущение неброской красоты русской природы, философию жизни русского человека, стремящегося к свету, к жизни. Это картина о надежде, о мимолетности жизни и вечности

природы. Олжас Сулейменов изображает это ощущение словами, передает чувство тонкой тоски, одиночество, неслучайно художника называли гением абсолютизированного одиночества, но казахский поэт подчеркивает в пейзажах Левитана ощущение покоя и величия природы.

Художественная деталь: «...река холодная горит; / неторопливый грохот Левитана / о молнии потухшей говорит» рассматривается нами как скрытая реминисценция картины Левитана «Лесная речка». Только что прошел дождь, ветрено, речная вода покрыта рябью, вокруг зелено, летний пасмурный день. Невысокие холмы по берегам речки и впереди зеленый, огромный лес. В сулейменовской интерпретации все это воспроизведено кратко, понятно и в то же время полно глубокого смысла. Здесь ничего не говорится о дожде, но зная, что молния бывает во время наступления дождя, понимаем, о чем идет речь.

*На фоне свежескрашенных холмов
стоят столбы,
как скважины в разрезе,
и воздух после молнии разрежен,
так дышится в тени степных колков.*

Эти строки нами также интерпретируются как реминисценция, которая напоминает читателю о другом сюжете, то есть поэт рассчитывает на память и ассоциативное мышление своего собеседника, он присоединяется к тем мыслям, которые были высказаны до него Левитаном, расширяет смысл левитановского сюжета. Наиболее созвучен этот мини-сюжет с картиной «Полотно железной дороги». Безлюдная железная дорога, столбы, стоящие на фоне холмов и голая степь, на фоне которых возникает мотив дороги, сочетающийся с мотивом дорожной тоски и несбывшихся желаний, которые материализуются в щемящее чувство пустоты и одиночества. Олжас Сулейменов в своей интерпретации более экспрессивно передает ощущение от увиденного. Он затрагивает здесь не только такие человеческие рецепторы, как зрение и слух, но и осязание и обоняние. Поэт сквозь себя пронесит увиденное на картине, и выражает свое видение с помощью слова, визуальное получает воплощение в вербальном.

*О, лиственных лесов остолбененье,
какая-то полуденная тьма,
она бывает перед наводнением,
когда земля в невидимых дымах.*

Описание, данное Сулейменовым в этих строках, отсылает нас к картине И. Левитана «Осиновая роща». Роща изображена после дождя, в полуденное время. Весь лес пронизан невидимым дымом. Поэт не просто описывает картину, а передает читателю свои чувства и ощущения, которые возникли в его душе. Мы понимаем, что в этой малой по объему поэтической миниатюре Сулейменов не просто обозначает увиденное в

картинах Левитана, а представляет в сжатом виде совокупность его художественных приемов, его колористику, подчеркивает в своем препевистом сюжете сюрреалистичность, импрессионистичность художественного стиля Левитана, а левитановские образы стали основой его лирического сюжета.

Далее в сюжете неожиданно появляется еще один действующий герой, рассказывающий о себе и своем состоянии от первого лица:

*Брожу травой,
которую не косят;
великая, табунная трава;
в ограде лесника жируют козы;
я помогаю складывать дрова.*

Описание – своеобразный экфрасис вызывает в нашей памяти ассоциацию с картиной Исаака Левитана «Домик на опушке», где изображен летний день, старенький домик, вокруг него некошенная трава, высокие ели. Левитан – мастер «настроения», в этой картине показывает тихую, уединенную жизнь на лоне природы, своеобразную пастораль, соприкосновение человека с живой природой, и это доставляет радость и умиротворение душе человеческой. Неожиданный поворот в сюжете происходит с введением в него лирического героя-современника поэта. В домике лесника, у которого имеется свое хозяйство, кипит жизнь (неподалеку пасется коза, герой помогает складывать дрова), домик заселен людьми, он живой. Интерпретация и домысливание левитановской картины продолжается в следующих строках:

*Гляжу на облако,
оно на ветке молнии,
как яблоко багровое, висит....*

Прошел дождь, солнце скрылось за большим облаком. Сулейменов использует художественный прием сравнения, уподобляя облако висящему багровому яблоку. Это можно рассматривать как национальный образ, даже сугубо индивидуальный, имеющий отношение к поэту-уроженцу края алматинского апорта.

Как видим, Олжас Сулейменов посредством словотворчества передает нам, читателям, свое видение и восприятия пейзажа Левитана. И это у него получилось в таком легком и непринужденном формате. «Пейзаж» еще раз доказывает, что СЛОВО может всё. Поэт вписывает картины Левитана в пространство живой природы, «оживляет» пейзаж художника, через прием экфрасиса «воссоздает» словами левитановское видение окружающего мира. Экфрасис здесь используется нами в трактовке Л. Геллера, который считает таковым «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [3, 18]. Для экфрастического сюжета Олжаса Сулейменова характерны «недосказанные», «сжатые» детали (к примеру, облако «на ветке молнии, как яблоко багровое, висит»),

а экфрасис почти всегда выполняет нарративную и иллюстративную функцию.

При этом мы видим, что в этой миниатюре соотношение визуального (левитановское изображение) и вербального (сулейменовский текст) весьма произвольно. С одной стороны, поэт по-своему, усекая, опуская детали, описывает картину, с другой – он активно домысливает ее содержание, дополняя конкретикой, которой нет у художника. Такую возможность порождают левитановские картины, которые оставляли зрителю свободу домысливать, что таит бескрайний горизонт пространства, давали намек на перспективу и вместе с тем указывали на связь с русским пейзажем и легендами. Символическая недосказанность картин позволила О.Сулейменову развить свою экфрастическую версию живописного сюжета.

При этом нужно учитывать то, что на левитановских картинах изображаются разные состояния русской природы, а вербальное описание в стихотворении Олжаса Сулейменова отличается от живописного изображения естественной длительностью, расширенным толкованием пространства, то есть не только аутентично передается состояние русского пейзажа, изображенного художником, но и в него вписывается история самого героя. Левитановский мир озвучен внутренним голосом поэта. Экфрасис распространяется не только на возникаемые в воображении левитановские образы. Он «материализует» то, что обычное зрение не в состоянии представить, передает эмоциональное состояние лирического героя, замирающего перед «вечным покоем» природы, что, в свою очередь, свидетельствует о безграничности творческого воображения художника слова.

Несомненно, Олжас Сулейменов допускает в этом лирическом этюде отступления от изображаемого «чужого», левитановского, текста, он «произвольно» передает и дописывает его. Но все же игра его воображения воспринимается нами как естественная форма существования художественного текста. Экфрасис преобразует «чужой сюжет» через процесс понимания, осмысления, «вчувствования» в новые образы и смыслы и в конечном счете дает новую, сулейменовскую интерпретацию живописного текста Исаака Левитана.

Литература

- 1 Ремизов А.М. Пляшущий демон. Танец и слово // Ремизов А.М. Собрание сочинений в 10 томах. – т. 8. - <http://rvb.ru/remizov/ss10/toc.htm>
- 2 Сулейменов О. Пейзаж // Сулейменов О. Избранное: Стихотворения и поэмы – Алматы: Раритет, 2006. – С.87.
- 3 Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды лозаннского симпозиума. - М.: МИК, 2002. – С.18.

Интертекст в лирике Олжаса Сулейменова

Творчество Олжаса Сулейменова, казахского поэта, создающего свои произведения на русском языке, отмечено взаимодействием двух духовных культур - русской и казахской. Исследование литературных связей Олжаса Сулейменова с русской классикой неизбежно требует обращения к сути интертекста. Интертекст рассматривается нами как соотношение одного текста с другим. Основным толчком для создания теории интертекстуальности послужило распространение учения М. Бахтина о «чужом» слове, изложенного им в своих научных исследованиях [1]. Согласно этому учению, художник находится в постоянном диалоге не только с окружающей его действительностью, но и с предшествующей современной литературой. Слово, как и любой знак, межиндивидуально и не может принадлежать только говорящему. Автор имеет свои права на слово, но как считает М. Бахтин, «свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденном автором слове (ведь ничьих слов нет)».

На основе переосмысления вышеуказанной работы М. Бахтина теоретик постструктурализма Юлия Кристева в работе «Бахтин, слово, диалог и роман» [2] сформулировала свою концепцию чужого слова, введя в литературоведение термин «интертекстуальность». Интертекст и «чужое слово» термин М. Бахтина для нее явились своего рода синонимами. В современном литературоведении эти понятия до сих пор в поле внимания исследователей: «Интертекстуальность - это способность текста взаимодействовать, обмениваться элементами смысловой структуры с другими текстами. Интертекст - это прежде всего порождение этого процесса, его составляющими являются элементы текста-предшественника в виде цитат, реминисценций, аллюзий» [3, 268]. В постструктуралистской парадигме мышления интертекст имеет и более широкое значение. Начиная с Ролана Барта, французского философа, многие постструктуралисты считают любой текст интертекстом, основываясь на том, что в него, как правило, без воли автора так или иначе включаются скрытые цитаты, аллюзии, парафразы, подражания и т.п. следы и фрагменты других текстов, как прошлых культур, так и современности, которые прошли через сознание автора и в той или иной форме входят в создаваемые им тексты.

Исследователи считают, что прием интертекста имеет древнее происхождение. Он восходит к античности и Средневековью, когда не стояла остро проблема личного авторства, а многие тексты (особенно сакрального содержания) рассматривались как плод соборного сознания,

накопившего некие эзотерические знания о духовном бытии универсума. Для того времени было обычным делом включение цитат других текстов в свой без кавычек и ссылок на их принадлежность. В определенные периоды поздней античности в моде было создание *центонов* - текстов, полностью набранных из цитат других текстов (без ссылок на них, естественно). Например, текст на христианскую тематику мог быть набран из отдельных стихов античных языческих авторов. «Каждый текст, - по мнению другого исследователя этой проблемы, - является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [4, 5].

Для того, чтобы определить термин *цитация*, важно учитывать теоретический и исследовательский опыт ученых-лингвистов. Кроме основного определения цитаты (лат. cito - высказываю, привожу), существует также общепринятое, литературоведческое употребление понятия цитата, которое состоит собственно из цитаты, точного воспроизведения фрагмента чужого текста, аллюзии и реминисценции. Аллюзии и реминисценции - это компоненты интертекстуальных повторов. Аллюзия (лат. allusio - шутка, намёк) - стилистический приём; употребление в речи или в художественном произведении ходового выражения в качестве намека на хорошо известный факт, исторический или бытовой. Реминисценция (лат. reminiscencia - воспоминание) - намеренное или невольное воспроизведение поэтом знакомой фразовой или образной конструкции из другого художественного произведения. Иногда реминисценция выражается копированием ритмических и синтаксических ходов.

Рассматривая проблемы интертекста Олжаса Сулейменова, прежде всего замечаешь всевозможные литературные отсылки к «чужому слову», первичному тексту, в роли которого чаще выступает русская классика. Поэтому до сих пор плодотворны попытки интерпретации функций аллюзий, реминисценций, прямых и косвенных цитат из произведений русских поэтов в лирике казахского поэта. Иначе обстоит дело с обращением поэта к восточной классике. Одно из такого рода «погружений» можно увидеть в стихотворении Олжаса Сулейменова 1973 года «Любая влага, влитая в кувшин...», в котором явно слышен голос его любимого восточного поэта - Омара Хайяма.

Любая влага,

влитая в кувшин,

спешит принять

его литую форму,
а слово,
проникая в глушь души,
ей сообщает
собственную форму.
Тьму искажает образами
НОЧЬ,
в КОНЯХ отстали
борзые комони...
Всегда,
повсюду –
горлом превозмочь
границы ужасающих гармоний.
Так, в мир входя,
мы изменяем мир,
он – оболочка,
мы – его основа,
мой мир
рябься, морщинась,
как эфир,
приобретает очертанье СЛОВА,
Искрится дым –
сгорел последний том...
Но
вечен знак над легким пеплом
букв,
над кошмами,
над каменной плитой
изогнутый лекалом мысли
ЗВУК [5, 201].

Лирическая миниатюра «Любая влага, влитая в кувшин...» и по форме, и по содержанию перекликается с рубаи восточного поэта-суфия Омара Хайяма, который вкладывал в любой поэтический образ глубокое философское содержание и искусно превращал свои рубаи в криптограмму и ребус, зашифровав под кувшином источник знаний, а вино трактуя как познание Истины.

«Омар Хайям писал пространные математические трактаты, может быть, потому ему так удавались в конце жизни четырехстрочные рубаи - стихи сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики? Кто они были - поэты или ученые? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создали их. Люди

чувственного ума. В средние века в Средней Азии за науку не платили: единственная привилегия, которой добились Омар Хайям и аль-Фараби, "счастье познания". Привилегии счастья познания добился и Олжас благодаря своим выдающимся способностям, помноженным на интересующую работу ума», - писал Мурат Ауэзов в своих статьях [6, 27].

Олжас Сулейменов продолжает традиции своего учителя и «превращает» любую влагу в форму, наполненную содержанием. У Сулейменова тьме противопоставляется ночь, коням противопоставлены комони, а это те же самые кони или борзые кони. Для Сулейменова образ «НОЧИ» двойственен, так как с одной стороны, ночь выступает представителем мира ночной природы, влекущей в свою сферу образы луны, звезд; с другой стороны, ночь осмысливается как пора особых задушевных дум и поступков и, вследствие этого, проецируется на мир человеческих отношений, где занимает центральное место, в вопросах любви, поэзии, предназначения поэта и его творческого пути.

Поэт превращает «слова», которые для него и есть «мир», в «знак», а знак - в «звук» (это нашло логическое завершение в его «Коде Слова»). Он считает, что произнесенное слово может пересоздать окружающий мир, потому что слово имеет способность к творению. Этот взгляд на слово как на творящую силу был характерен не только для восточного мудреца, поэта-суфия Омара Хайяма, но и для поэтов XX века, в частности для Н. Гумилева: «Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города»; В. Маяковского: «Слово – полководец человечьей силы»; Ю. Мориц: «Я цветок назвала – и цветок заалел, / Венчик вспыхнул и брызжет пыльца. / Птицу я назвала – голос птицы запел, / Птенчик выпорхнул в свет из яйца». Сулейменовские реминисценции позволяют ему не буквально воспроизводить чужие структуры, а дать намек, отсылку на другие имена и тексты. Последняя строка этого стихотворения «Изогнутый лекалом мысли ЗВУК» отсылает нас к стихотворению Андрея Вознесенского «Зеркало – лекало звука». Реминисценция, использованная в качестве стилистического приема, служит средством организации лирического сюжета Олжаса Сулейменова и, с другой стороны, позволяет нам включить всех названных выше поэтов в единое культурное пространство.

Литература

- 1 Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве// Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. - С. 6 – 71.
- 2 Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. - 1995.- № 1. - С. 97 – 99.
- 3 Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург, 1999. – 455 с.

4 Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия АН. Серия лит. и яз.- 2001. - Т. 60. - № 1. - С. 3 – 11.

5 Сулейменов О. Любая влага, влитая в кувшин... // Сулейменов О. И в каждом слове улыбался Бог... Избранные стихотворения. – Алматы, Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2011. – С.201.

6. Ауэзов М. Осененный выходом вечности - словом // Феномен Олжаса: Сборник статей, посвященных творчеству О.О.Сулейменова – Алматы: Издательский дом "Библиотека Олжаса", 2011. – С.25 – 38.

Жаппар К.З., к.ф.н., ст.преп.
КазНТУ им.К. Сатпаева, Алматы

Тема войны в творчестве Олжаса Сулейменова

В индивидуально-поэтической картине мира О. Сулейменова ее национально-эстетическое своеобразие, выраженное в оценке исторической судьбы национальной культуры, а также характера казахского народа занимает одно из ведущих мест. Следуя концептуальной художественной программе «возвысить степь, не унижая горы», Олжас Сулейменов через поэтическую актуализацию известных казахских имен, характеризующих их носителей как лучших представителей родного этноса, старается дать глубокое толкование степной культуре.

В год 70-летия победы в Великой Отечественной войне 1941- 45 г.г. хотелось бы вспомнить имена казахстанцев, чей героизм, безграничное терпение, стойкость находят отражение на страницах произведений поэта. Одно из важных позитивно мотивированных имен собственных в творческом контексте Сулейменова - это поэтоним (поэтический оним) Бауыржан Момышулы. Сам автор пишет: «Счастье, что я прочел книгу Александра Бека «Волокаламское шоссе». Его железный Бауыржан стал моим героем. Резкий, гордый, справедливый, отважный и мудрый. Он воспитал уважение к казахам не только у меня. Принадлежность к народу Бауыржана стала для меня счастьем» [1, 27].

Разговор о сильных, мужественных, свободолюбивых сыновьях казахского народа продолжается в стихотворении «Их имена шуршат, как штурмовые флаги». Это произведение - дань памяти двум известным сыновьям казахского народа - Бауыржану Момышулы и Рахымжану Кошкарбаеву, героям Великой Отечественной войны.

1. Бауыржан (каз.: бауыр - кровный родственник, брат + иранск.дзон- душа; букв.- человеколюбивый).

Б. Момышулы - доблестный офицер и известный писатель; во время войны командир полка Панфиловской дивизии; Герой Советского Союза; автор романов «За нами - Москва», «Наша семья» и др.

2. Рахымжан (каз.: рахым - милость, милосердие + иранск.джон-душа; букв. - милосердный, сострадательный).

Р. Кошкарбаев - храбрый офицер, 30 апреля 1945 года прикрепивший к одному из окон рейхстага красное знамя; 7 мая 1999 года ему присвоено звание «Халық қаһарманы».

Хотя достойное официальное признание героизма Б. Момышулы и Р. Кошкарбаева, а также многих других участников Великой Отечественной войны на государственном уровне произошло через много лет после окончания войны, народное признание и уважение у них было всегда. Поэтическим свидетельством этого и является стихотворение О. Сулейменова.

Их имена шуршат, как штурмовые флаги.

Баурджан Момыш-улы,

Рахимжан Кошкарбаев.

... Атака, как потрава.

Взбушует дар крота,

Когда ударит справа

Чужая высота.

Зажмуришь рану

Броском горсти.

«Вставай!»

«Не рано?»

«Пора. Прости...»

Прижата пулеметом

ноздрями в грязь

момышевская рота.

Не поднялась.

Подался, искорежен

Твой правый фланг.

Нет тяжелее ноши в бою,

чем флаг.

Погибнуть - ведь не то же,

что околеть?

Неведомое счастье-

Подняться в рост?

Крылатое мгновенье,

Как взмах крыла,

талант бойца -

уменье,

понять пора!

Предчувствовалось событие-

нелегкий дар.

Пора!

Ты из укрытия
и под удар.
Хвосты обмоток,
бинтов кора,
из черных глоток
итог: «Пора-а!»

Образно-эстетическая значимость поэтонимов «Баурджан Момыш-улы» и «Рахимжан Кошкарбаев» как ключевых словообразов выражена через включение их в сравнительную конструкцию «Их имена шуршат, как штурмовые флаги». Данные поэтонимы однозначно порождают позитивную образную символику. Ассоциативно-символическая внутренняя форма онимов «Баурджан Момыш -улы» и «Рахимжан Кошкарбаев» направлена не на прямую словесную экспликацию образов персонажей, а на опосредованную характеристику героев в динамике военных будней. И поэтому обратный смысл имеет в этом стихотворении любая художественная деталь, и в первую очередь - звуковой облик собственных имен. В данных онимах есть общие звуки:

1) гласные - а, о; 2) сонорные согласные - р, м, н; 3) взрывные согласные - ж, ш. Звуковые повторы на уровне имен собственных обуславливают актуализацию звуковых повторов в тексте произведения, особую звуковую организацию лирической миниатюры, насыщенной сонорными, взрывными, фрикативными согласными, гласными а, о.

В данном лирическом тексте, таким образом, образно-эстетическое значение имеет, прежде всего, его фоника. Звуковая организация произведения подтверждает, на наш взгляд, справедливость мнения Х.Х. Махмудова: «Олжасовским стихам характерны звуковые повторы, они составляют, если хотите, основную опорную точку» [2, 105].

В произведении можно выделить несколько образно-экспрессивных рядов звуковых повторов.

В первых трех строках, определяющих идейно-тематический план стихотворения, наблюдается переключка звуковых повторов на уровне согласных фонем М, Н, Ш, Р, Ж, Л и гласных А, О, У; их повторение в словах («шуршат», «штурмовые», «Момыш-улы», «Кошкарбаев», «Баурджан», «Рахимжан») усиливает образную семантику сравнительной конструкции.

Во втором эпизоде также через выдвигание глагольных словоформ, в основном посредством инверсии, создается особая художественная динамическая картина военных будней. Перфективные глагольные слова «прижата», «не поднялась», «подался», «погибнуть», «околеть» имеют активную функциональную значимость.

Активная функциональная значимость глагольных словоформ подчеркивается и их контрастной актуализацией в ключевом предложении:

«Погибнуть - ведь не то же,

что околеть?»

Героический характер военных будней словесно эксплицируется через включение в текст стилистически контрастных имен существительных: с одной стороны, словесные клише военного быта - «пулемет», «грязь», «рота», «фланг», с другой стороны, - флаг как символ высокой воинской стойкости.

Последний третий эпизод, в котором более активными становятся сочетания имен, посвящен описанию высокого духа бойцов в момент начала атаки. Позитивно-характеризующие именные словосочетания «неведомое счастье», «крылатое мгновенье», «талант бойца», «нелегкий дар» (высокий стилистический ряд), а также «хвосты обмоток», «бинтов кора», «черные глотки» (стилистически сниженный ряд) активно эксплицируют образ войны, в котором высокое складывается из обыденного, внешне очень простого. Не случайно ключевыми представляются в тексте стихотворения такие строки:

Вопрос, казалось, легкий
Ответ не прост
Ты испытал такое-
Вставить с колен?
Неведомое счастье-
Подняться в рост?

Как кадры военной хроники, одна динамичная картина боя сменяется другой. Фрагментарность композиции этого лирического текста подчеркивается и лексическими, и синтаксическими, и фонетическими средствами выразительности.

Проведенный анализ одного из лучших лирических произведений О.Сулейменова, посвященного известным героям ВОВ 1941-45 г.г., в котором автор предстает мастером художественного описания военных будней и знатоком психологии военного человека, позволяет прийти к выводу, что в данной поэтической структуре, где начальной точкой являются имена собственные «Баурджан Момыш-улы» и «Рахимжан Кошкарбаев», важную художественно-образную, эмоционально-экспрессивную роль играет, наряду с лексическими, грамматическими средствами, фонетическая организация.

Литература

1. Сулейменов О. Портить отношения / Сулейменов О. Эссе, публицистика, стихи, поэмы. - Алма-Ата: Жалын, 1990. – С. 25-30.
2. Махмудов Х.Х. О.Сулейменов - поэт и филолог // Простор, 1993, № 6.- С.102-107.
3. Вместе с Олжасом. Кочевники и культура: казахский эксперимент. - Алматы, 1996.

III КУЛЬТУРНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Агманова А.Е., д.ф.н., проф.
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана

Учебно-методическое обеспечение культурно-языковой подготовки студентов-оралманов

Актуальность проблемы усвоения русского языка как второго в контексте формирования полиязычного образования в Казахстане очевидна. Один из аспектов данной проблемы связан с изучением особенностей формирования языковой и межкультурной компетенций при усвоении русского языка студентами-репатриантами (репатриантами-этническими казахами, обучающимися в вузах страны), что во многом определяет успешность их адаптации в условиях современной казахстанской действительности. Решение вопросов реализации учебной программы, ориентированной не только на формирование языковой компетенции, но и на межкультурную коммуникацию, несомненно, играет немаловажную роль в успешной адаптации студентов-репатриантов в новых для них социокультурных условиях, способствуя формированию поликультурной толерантной личности.

Становление двуязычной личности в процессе усвоения второго языка связано с особенностями формирования языковых и лингвокультурных знаний, экстерииоризация которых предполагает не простое приобретение совокупности новых знаний (лингвистических и экстралингвистических), а усвоение новых способов достижения коммуникативных целей посредством иноязычных вербальных средств. Национально-специфические черты пронизывают все уровни языковой системы и отражают особенности национального миропонимания.

Таким образом, непременным условием усвоения второго языка следует считать овладение функциональными особенностями языковых средств для выражения речевого намерения говорящего и понимания смысла высказывания.

Усвоение структурных особенностей языка, законов его употребления, несомненно, важны при изучении неродного языка, однако для полноценного общения и взаимопонимания между коммуникантами необходимы также внеязыковые знания. Языковые знания, являясь базовыми в процессе формирования и выражения мысли на изучаемом языке, тесно связаны с лингвокультурными представлениями инофонов. Фоновые знания – знания, детерминированные определенной лингвокультурой (образ жизни, видение мира, национальный характер,

менталитет) составляют тот необходимый экстралингвистический базис, без которого немислимо становление вторичной языковой личности.

Овладение фоновыми знаниями проявляется в общении и предполагает наличие совокупности взаимосвязанных представлений об общих нормах, правилах и традициях в рамках изучаемой лингвокультуры.

В связи с этим важной составляющей процесса усвоения второго языка является формирование межкультурной компетенции. Инофону необходимо овладеть навыками речевого поведения, адекватными принятым в данном обществе нормам общения. Это требует усвоения соответствующих моделей речевого взаимодействия в зависимости от сферы, ситуации, темы и участников коммуникации.

При изучении русского языка студентами-репатриантами данный аспект имеет особое значение, поскольку в отличие от казахстанских студентов большинство из них не владеют русским языком. Многие из них в процессе обучения сталкиваются не только с проблемами усвоения новой языковой системы, но и с незнакомой, чужеродной для них культурой, испытывая при этом значительные трудности. Действительно, входя в мир иных стереотипов речевого поведения, при интерпретации непривычных поступков человек актуализирует в памяти имеющиеся знания, при этом калькирование «своей» картины мира может привести к недоразумениям, обусловленным опытом коммуникативного поведения инофона в своей собственной культуре. Знание конкретных этикетных норм разных народов обеспечивает адекватное их восприятие, способствует успешному межкультурному общению.

Данная проблема требует решения лингвометодических задач, направленных на параллельное формирование языковой и межкультурной компетенции обучаемого, что возможно лишь при реализации методического принципа диалога двух культур, предусматривающего овладение нормами культуры современного казахстанского общества формирование соответствующих навыков речевого поведения в процессе усвоения русского языка студентами-оралманами.

Формирование у студентов системы знаний о специфических правилах организации речевого общения на русском языке является важной частью процесса обучения. В успешной реализации данной задачи велика роль учебно-методического обеспечения вузовского курса русского языка. Это касается, прежде всего, учебников и учебных пособий по русскому языку, предназначенных для студентов-репатриантов.

Следует отметить, что учебники русского языка являются для студентов-инофонов, особенно на первых порах, основным источником получения не только сведений об изучаемом языке, но и информации об этнокультурных особенностях страны изучаемого языка. Для того чтобы интегрироваться в полиэтничное общество недостаточно лишь знания

языка, необходимо понять и усвоить традиции, особенности культуры и быта, специфику миропонимания и коммуникативного поведения народа.

Задача учебно-методического обеспечения дисциплины «русский язык» для студентов-репатриантов с учетом современных достижений лингвистики и лингвопедагогике стоит достаточно остро, что определяет насущную необходимость разработки отечественных учебников, учебных и методических пособий, сборников заданий и учебной справочной литературы. Необходимо отметить, что имеющиеся учебники и учебные пособия по русскому языку, предназначенные для студентов-репатриантов, представляют собой единичные издания небольшими тиражами, что также обуславливает актуальность разработок в этой области.

Учебное пособие Ж. Нуршаиховой и У. Валеевой «Люди мира» является на сегодняшний день одним из немногих учебных изданий, ориентированных на формирование межкультурной коммуникации студентов-инофонов. Как указывают сами авторы, целью данного учебного пособия является развитие монологической и диалогической устной и письменной речи с использованием текстов, нацеленных на формирование межкультурной коммуникативной компетенции инофонов. В пособии представлены для изучения тексты, развивающие межкультурную компетенцию иностранных студентов в процессе ознакомления с особенностями коммуникативного поведения разных народов (казахского, русского, американского и др.) [1].

Придерживаясь мнения о том, что при усвоении второго языка большую роль играет формирование лингвокультурных знаний, мы попытались реализовать свое видение по данному вопросу в учебном пособии «Задания для самостоятельной работы по русскому языку (для студентов-оралманов)» [2].

Данный сборник представляет собой пособие, предназначенное для студентов-этнических казахов, переехавших в Казахстан из стран дальнего и ближнего зарубежья, ориентированное на начальный этап обучения.

В соответствии с учебной программой в сборнике представлены 30 тем, каждая из которых предполагает работу с текстом и выполнение заданий, связанных с самостоятельным составлением монологического или диалогического высказывания. Кроме того, в сборник включены тексты для самостоятельного чтения, стихотворные тексты для заучивания, лингвокультурный справочник. Отдельный раздел посвящен работе с функционально-смысловыми таблицами.

Использование функционально-смысловых таблиц предполагает наличие навыков работы с ними, приобретенных во время аудиторных занятий.

ФСТ представляют собой не просто вид наглядности, способствующей созданию правильных представлений об изучаемых явлениях в области языка и реальной действительности. Функционально-

смысловая таблица выступает в качестве содержательной и мотивационной базы для самостоятельного построения студентами текста в рамках изучаемых тем и интенций, поскольку она:

- 1) создает культурно-информационный контекст речевого общения (определяемый ситуативно-тематической и лингвокультурной направленностью содержания ФСТ);
- 2) содержит новый языковой материал, предъявляемый в сопоставлении с родным языком;
- 3) представляет собой функционально-смысловой тип текста (повествование, описание, рассуждение), следовательно, нацелена на решение определенной речевой задачи (сообщение, объяснение, убеждение, одобрение, осуждение и т.д.), мотивирующей речевую деятельность [3].

Экстериоризация лингвокультурного компонента происходит в актах межкультурной коммуникации путем постоянного сравнения имевшихся ранее представлений и понятий с вновь полученными, сопоставления данных о своей стране и стране изучаемого языка. В связи с этим принципиальное значение приобретает тематика, в пределах которой организуется работа по развитию иноязычной речевой деятельности. Тема определяет выбор речевой формы, средства ее оформления, мотивы. Следует подчеркнуть, что объективация фоновых знаний осуществляется, прежде всего, через адекватное восприятие речи собеседника и понимание оригинальных текстов лингвокультурной тематики.

В связи с этим в учебном пособии «Задания для самостоятельной работы по русскому языку (для студентов-оралманов)» большое внимание уделяется проблеме межкультурной коммуникации, которая реализуется через сопоставление двух языков и культур. Формированию лингвокультурных знаний в процессе усвоения русского языка будет также способствовать «Лингвокультурный справочник». В справочнике рассматриваются такие межкультурные компоненты, как фразеологизмы казахского и русского народов, пословицы и поговорки русского языка с пояснением на казахском языке, словарь наименований родства в двух лингвокультурах, культурные реалии Казахстана и России, национальные праздники русского народа и описание некоторых этикетных норм поведения носителей русского языка и культуры.

В подразделе «Фразеологизмы – тұрақты сөз тіркестері» на казахском языке дается краткое определение термина фразеологизм. Приведены фразеологизмы русского и казахского языков, являющиеся эквивалентами либо имеющие сходную семантику. Это позволит студенту–оралману не только расширить кругозор, но и научит навыкам сопоставления, углубит знания не только в области изучаемого языка, но и родного.

Далее рассматриваются пословицы и поговорки русского языка, дается их толкование на казахском языке. Приводятся примеры паремий, которые наиболее часто употребляются в речи.

Приведен русско-казахский мини-словарь наименований родства в казахской и русской лингвокультурах. Сравнение приведено на казахском языке, с тем, чтобы студент мог полноценно усвоить предлагаемую информацию.

В следующем подразделе описываются культурные реалии двух стран: Казахстана и России. Здесь даются сведения о достопримечательностях города Астаны, обращается внимание на значимость данных объектов. Описана история столицы, левобережье города, такие здания, как мечеть «Нур Астана», Дворец мира и согласия, карта Казахстана «Атамекен», музей Первого Президента Республики Казахстан, Национальный театр оперы и балета им. К. Байсейтовой, монумент Астана-Байтерек, развлекательный центр «Хан Шатыр», а также рассмотрена актуальная на сегодняшний день тема - Международная выставка ЕХРО-2017, которая будет проводиться в нашей стране. Здесь же рассматриваются достопримечательности России, описаны семь чудес страны.

Далее приводятся сведения о национальных праздниках русского народа. Описана и объяснена суть таких праздников, как масленица, пасха, рождество. Кроме этого, описываются некоторые этикетные нормы поведения русского народа.

При изучении русского языка как второго особенности формирования языковых и лингвокультурных знаний определяют формы их экстерииоризации. Успешность объективации полученных знаний обеспечивается постепенным осмыслением идиотнических особенностей изучаемого языка, отражающих специфику связи вербальных средств кодирования с соответствующими концептами.

Литература

1 *Нуршаихова Ж.А., Валеева У.К.* Люди мира: Монологи и диалоги о разных странах, народах, их языках и культуре. Часть 1: Учебное пособие. – Алматы: Казак университеті, 2007. – 156с.

2 *Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М., Рахимбекова М.К.* Сборник заданий для самостоятельной работы по русскому языку (для студентов-оралманов) – Астана, 2013. – 88с.

3 *Агманова А.Е.* Функционально-смысловые таблицы как коммуникативные опоры при порождении иноязычного текста// Текст в системе обучения русскому языку и литературе: сб. Материалов V междунар. науч.-метод. конф. – Т.2. – Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2013. – С. 132-137.

Проблемы обучения русскому языку турецких студентов

Обучение правильному произношению – одно из основных условий успешного овладения иностранным языком. Качество произношения играет важную роль в определении уровня владения языком. При обучении русскому языку студент может научиться говорить и писать грамотно, без ошибок, но если он произносит слова, фразы неправильно, то у него могут возникнуть проблемы в общении и понимании его речи собеседником.

В этой связи мы обратились к проблеме обучения произношению йотированных гласных русского языка *я, ю, е, ё*. Произношение обозначаемых ими звуков вызывают большие трудности для носителей турецкого языка. Задача преподавателя на начальном этапе изучения русского языка является обеспечение первоначального овладения студентами особенностей фонетической системы русского языка как иностранного. Это необходимо для того, чтобы его речь была понятной, чтобы он мог свободно общаться в русской языковой среде.

Русская и турецкая фонетические системы очень разные, в особенности, система гласных. При произношении слов с этими буквами турецкие студенты испытывают трудности в связи с тем, что такие сочетания звуков чужды турецкой фонетике. Проблема обучения произношению осложняется тем, что русский язык использует кириллицу, а турецкий язык – латиницу. Предметом нашего рассмотрения являются трудности, возникающие при произношении слов с буквами *я, е, ё, ю*, которые не имеют буквенного соответствия в турецком алфавите.

В этом случае речь идет о фонетической интерференции как совокупности психофизиологических закономерностей, служащих объясняющей причиной по отношению к процессу взаимодействия систем и его результату [1, 34]. Возникает вопрос о фонетической ошибке, под которой понимают отрицательный результат фонетической интерференции, свидетельствующий о нарушении системы и/или произносительной нормы изучаемого языка при реализации и восприятии вследствие изменения характеристик единиц сегментного и супraseгментного уровней, что является показателем недостаточной сформированности фонетических навыков на изучаемом языке [2, 35].

Гласные *я, е, ё, ю* в русском языке выполняют двойную функцию: 1) после согласных они обозначают мягкость предшествующего согласного и гласный звук, напр.: *ся[’а]ду, се[’э]л, сё[’о]ла, рю[’у]мка*; 2) после гласных, после разделительного мягкого и твердого знаков, в начале слова они

обозначают два звука: *веселая*[йа], *подъё*[йо]м, *сье*[йэ]л, *веселые*[йэ], *ю*[йу]ноша и др.

Рассмотрим подробно случаи употребления йотированных букв в разных функциях, прокомментируем произношение обозначаемых ими сочетаний звуков турецкими студентами и выявим причины ошибок студентов при произношении этих букв.

1. Первый случай, когда йотированные гласные *я, е, ё, ю* обозначают один звук после согласного: *няня, нет, мёд, тюльпан* и др.

а) Слова с буквой *я* студенты произносят, вставляя краткий двук [й] между согласным и гласным, напр.: *няня* [н'йа], *дядя* [д'йа], *мяч* [м'йа], *мясо* [м'йа], *опять* [п'йа] и др. Такое сочетание звуков является необычным для турецкой фонетики. К тому же студенты, зная звуковое значение буквы *я*[й'а], в этих словах после согласного букву *я* произносят как [м'йа] в соответствии с звуковым значением буквы.

б) Слова с буквой *е* произносятся двояким способом: 1) без смягчения предшествующего согласного: *не*[нэ]т, *приве*[вэ]т, *де*[дэ]нь, *ле*[лэ]си др.; 2) со вставкой краткого звука [й] между согласным и гласным, напр.: *не*[н'йэ]т, *приве*[в'йэ]т, *де*[д'йэ]нь, *ле*[л'й э]си др. Это объясняется тем, что в турецком языке нет сочетаний мягких согласных с гласными, напр.: *dede* [дэдэ], *peden* [пэдэн], *teyze* [тэйзэ], *vertek* [вэрмэк]. К тому же в турецком языке буква *е* обозначает [э].

в) Слова с буквой *ё* произносятся трояким способом: 1) без смягчения предшествующего согласного: *вс*[со], *четвё*[во]ртый и др.; 2) как сочетание мягкого согласного и специфического турецкого звука [ö] (огубленного [э]), напр.: *всё*[с'ö], *лё*[л'ö]д, *берё*[р'ö]за, *плё*[л'ö]нка, *лё*[л'ö]гкий и др.; 3) со вставкой краткого звука [й] между согласным и гласным [ö], напр.: *всё*[с'йö], *лё*[л'йö]д, *берё*[р'йö]за, *плё*[л'йö]нка, *лё*[л'йö]гкий и др.

Заемствованные слова типа *актёр, шофёр* и др. произносятся как сочетание твердого согласного со звуком [ö]: [актöр], [шофöр], аналогично турецким словам *aktör, şoför*.

Трудности вызывает произношение слов с буквой *ё* после шипящих. Так, слова *шёл, жёлтый, чёрт* студенты произносят как [шол], [жолтый], [чорт] или [ш'öл], [ж'öлтый], [ч'öрт].

Это связано с тем, что в турецком языке нет сочетаний мягких согласных с гласными, напр.: *dönmek* [дönmэк], *görmek* [гörmэк], *söz* [сöз], *göz* [гöз], а также в турецком алфавите нет буквы *ё*. К тому же носители турецкого языка при произношении слов с буквой *ё* подыскивают аналог в родном языке, в котором русским звукам примерно соответствуют звуки [o], [ö].

г) Слова с буквой *ю* произносятся трояким способом: 1) без смягчения предшествующего согласного: *тю*[ту]льпан, *лю*[лу]ди, *рю*[ру]мка, *ню*[ну]ре и др.; 2) как сочетание мягкого согласного и специфического

турецкого звука [ü] (огубленного [и]), напр.: *тю*[t'ü]льпан, *лю*[л'ü]ди, *рю*[р'ü]мка, *пю*[п'ü]ре и др.; 3) со вставкой краткого звука [’й] между согласным основы и гласным [у] в окончаниях глаголов 1-го лица единственного числа: *люблю*[л’йу], *готовлю*[л’йу], *смотрю*[р’йу], *говорю*[р’йу] и др.

В заимствованных словах *брошюра*, *парашиют*, *жюри*, *дежавю*, *бюст* и др. произносится как сочетание твердого согласного со звуком [ü] в соответствии с аналогичными турецкими словами: *broşür*, *paraşüt*, *jüri*, *dejavu*, *büst*.

Это связано с тем, что в турецком алфавите нет буквы ю, студенты соотносят букву ю с турецкими буквами *u*, *ü*.

Хотя такое сочетание звуков встречается в турецком языке (*Türk*, *sümbül*, *ünlem*, *üçra*). К тому же студенты, опираясь на звуковое значение буквы ю [й’у], произносят ю после согласного как [йу]. К тому же в глагольных формах 1-го лица в русском языке обычно отмечается стечение согласных, напр.: *терплю*[л’йу], *кормлю*[л’йу], *коплю*[л’йу], которое для турецкой фонетики не характерно, поэтому для облегчения произношения студенты вставляют звук [й], ср.: *istasyon* – *станция*, *iskelet* – *скелет*. Так, носители турецкого языка произносят русские слова с сочетанием нескольких согласных, вставляя гласный [и], напр.: [и]здравствуй, [и]здесь, [и]сделать и др.

2. Рассмотрим второй случай, когда буквы *я*, *е*, *ё*, *ю* обозначают два звука – [’й] и гласный: после гласных, после разделительного мягкого и твердого знаков, в начале слова.

а) Произношение слов с этими буквами после гласных, после разделительного мягкого и твердого знаков у турецких студентов не вызывает затруднений, напр.: *приём* [йо], *июль* [йу], *уютно* [йу], *сладкая* [йа], *сладкое* [йэ], *подъём* [йо], *съёмка* [йо], *лью* [йу], *пьём* [йо], *пьеса* [йе], *семья* [йа] и др. Произнесение сочетаний типа *-ия*, *-ию*, *-ие* в словах *история*, *историю*, *конференция*, *диссертацию*, *сочинение*, *сочинения*, *содержание*, *содержанию* и др. для турецких студентов не вызывает трудностей, так как сочетания «гласный + согласный + гласный», «согласный + согласный + гласный» обычные для турецкой фонетики.

б) При произношении слов с начальными буквами *я*, *ё*, *ю* не возникает проблем, напр.: *яблоко* [йа], *ясно* [йа], *яма* [йа], *ёж* [йо], *ёлка* [йо], *ёмкость* [йо], *юбилей* [йу], *юмор* [йу], *юг* [йу] и др.

Затруднения вызывает произношение слов с начальной буквой *е*. Студенты произносят ее как [э], а не [йэ], напр.: *е[э]сть*, *е[э]ду*, *е[э]хать*, *е[э]сли* и др. Особенно часто так произносятся имена собственные, напр.: *Елена*, *Екатеринбург*. Это связано с тем, что в турецком языке буква *е* обозначает звук [э].

Исследователи выделяют наиболее типичные фонетические ошибки иностранцев, среди которых:

1) неправильное произношение гласных звуков: а) протеза, вставка гласного звука в начале слова: [из'д'эс'] – *здесь*; б) эпентеза, вставка гласного между согласными звуками: [д'ив'ер'] – *дверь*; в) метатеза, перестановка согласного и гласного звуков: [б'иргада] – *бригада*;

2) неправильное произношение согласных звуков – смешение звуков: [был'] или [б'ил'] – *был*, неправильное произнесение звуков, отсутствующих в родном языке: [с'ил'из'ина] – *середина* и др.

Проведенный нами анализ разных случаев произношения йотированных букв русского языка турецкими студентами позволил выделить следующие группы ошибок, которые объясняются различиями русской и турецкой фонетики, русской и турецкой графики:

- замена предшествующего буквами, *е, ё, ю* мягкого согласного твердым согласным: *де[дэ]нь*;

- замена русских звуков [у], [о] специфическими турецкими звуками [ü], [ö]: *тю[т'ю]льпан, всё[с'ö]*;

- вставка звука [й] между согласным и гласным: *говорю[р'йу], мясо [м'йа]*;

- опущение звука [й] при произношении слов с буквой *е* в начальной позиции: *е[э]хать*;

Таким образом, мы определили проблемы, которые возникают при произношении русских йотированных букв *я, е, ё, ю* турецкими студентами. В дальнейшем мы будем искать пути решения этих проблем.

Деятельность по преподаванию русского языка турецким студентам должна быть направлена на то, чтобы максимально помочь им в освоении особенностей русской фонетики. Известно, что постановке правильного произношения звуков всегда должно предшествовать формирование правильного фонологического слуха. Этому виду работы необходимо уделять много внимания.

При произношении йотированных букв отмечается значительное влияние родного – турецкого – языка. Подобная фонетическая интерференция и фонетический акцент становятся значительным препятствием на пути усвоения русского языка. Поэтому важной задачей является обеспечение минимального интерферирующего воздействия турецкого языка на произношение русских слов.

Для этого мы провели анализ ошибок в произношении букв *я, е, ё, ю* турецкими студентами, причин появления таких ошибок, на базе этого мы планируем определить оптимальные способы подачи материала по изучению особенностей этих букв, специфики их произношения, разработать комплекс эффективных фонетических упражнений, направленных на отработку произношения йотированных гласных русского языка, а также на развитие фонологического слуха, см. систему упражнений, предлагаемую Г.А. Тумашовой [3, 39-42]. Разные виды упражнений объединяются в общую систему, которая «должна

соответствовать определенным условиям», т.е. способу, целям обучения, методической организации учебного материала» [4, 5; 5].

Целью таких упражнений является достижение фонетических навыков, представляющих собой особым образом организованную структуру, которая состоит из автоматизированных операций идентификации и воспроизведения сегментных и супraseгментных единиц в соответствии с языковой установкой на данном языке [2, 35].

В результате четко построенная и систематическая работа по формированию правильного произношения йотированных гласных помогает решить такие задачи: 1) отработать произношение звуков, обозначаемых буквами *я, е, ё, ю* в разных позициях в слове; 2) работать над произношением звуков, обозначаемых буквами *я, е, ё, ю*, которых нет в турецком алфавите; 3) учить видеть различия между русской и турецкой буквой *е*; 4) учить правильному произношению буквы *я, е, ё, ю* в разных грамматических формах, напр., глаголах 1-го лица; 5) развивать фонетический и фонематический слух студентов; 6) выработать и автоматизировать навыки правильного произношения обозначаемых буквами *я, е, ё, ю* звуков; 7) выработать четкую дикцию и выразительную речь; 7) способствовать освоению правописания слов с йотированными буквами, предупредить ошибки на письме [1].

В конечном счете, главная задача обучения русскому языку как иностранному заключается в том, чтобы научить эффективно, гармонично осуществлять коммуникацию на этом языке. Это в значительной степени зависит от сформированности слухопроизносительных навыков. Не усвоив фонетическую систему и характерные черты артикуляции звуков русского языка, студент не может осуществлять эффективную коммуникацию на русском языке.

Перспективу дальнейших исследований проблемы видим в выявлении, классификации и разработке предупреждения и коррекции ошибок, вызванных внутриязыковой интерференцией на фонетическом уровне в речи турецких студентов.

Литература

1. *Гирич З.И.* Фонетико-ритмико-интонационные ошибки в речи иностранных тюркоязычных студентов нефилологических вузов. // Педагогичний альманах. – 2014. – Вип. 22. – С. 156-163 /Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/j-pdf/pedalm_2014_22_27.pdf
2. *Федотова Н.Л.* Методика преподавания русского языка как иностранного (практический курс). – СПб. : Златоуст, 2013. – 192 с.
3. *Тумашова Г.А.* Сценическая речь: орфоэпия. – Барнаул, 2011. – 91 с.
4. *Митрофанова О.Д.* О методических и психологических требованиях к системе упражнений по русскому языку. // Русский язык для студентов-иностранцев. – М., 1972. – Вып. 12.

5.Классовская О.А. О некоторых методических приемах отработки произносительных навыков китайскими студентами в системе упражнений. // http://www2.pglu.ru/upload/iblock/561/uch_2014_vi_07.pdf

Кадыоглу Эсра, магистр филологии
Anadolu university, Eskishehir, Turkey

Трудности при изучении родительного падежа существительных турецкими студентами

С развитием политических, экономических, торговых, культурных связей между Турцией и Россией возникает потребность в русскоговорящих специалистах в Турции. Носители турецкого языка в процессе изучения русского языка сталкиваются с трудностями, которые объясняются тем, что оба языка принадлежат к разным языковым семьям. Русский относится к славянской группе индоевропейской языковой семьи, а турецкий язык – к урало-алтайской семье [1, 127–129]. При изучении грамматики турецкие студенты сталкиваются с различиями между грамматическим строем русского и турецкого языков, с несоответствиями грамматических форм обоих языков. Так, употребление формы родительного падежа имен существительных русского языка представляет собой одну из форм, в которой обнаруживается много несоответствий между этими формами и формами родного языка.

Существуют различные мнения методистов, лингвистов, преподавателей русского языка как иностранного по поводу использования родного языка при изучении иностранного языка. Одни считают, что родной язык нужно исключить из процесса обучения иностранному языку, другие подчеркивают необходимость полного и постоянного сопоставления соответствующих языковых явлений родного и изучаемого языков [2, 238; 3, 76].

Мы считаем, что при изучении иностранного языка необходимо постоянно, тщательно, всесторонне сравнивать факты изучаемого языка с фактами русского языка. Мы согласны с мнением Л.В. Щербы, который подчеркивал принцип сознательного отталкивания от родного языка при изучении иностранного языка [4, 45].

В преподавании русского языка турецким студентам невозможно отвлечься от турецкого языка, так как его интерферирующее воздействие на русскую речь студентов вполне естественно. Студенты не могут абстрагироваться от родного языка, они воспринимают все факты русского языка только через его призму.

В настоящей статье мы рассмотрим различия между употреблением форм родительного падежа существительных в русском и турецком языках.

Как известно, русский и турецкий языки различаются по морфологическому строю. По морфологической классификации языков, учитывающей особенности образования форм слов, русский язык относится к флективным языкам, а турецкий язык – к агглютинативным. В русском языке формы слов образуются обычно при помощи флексии, которая многозначна, и при ее присоединении к основе происходят определенные фонетические изменения, напр., *студент – студенты, о студенте*. В турецком языке формы образуются обычно при помощи однозначных аффиксов без фонетического изменения основ, напр., *öğrenci* «студент», *öğrenciler* «студенты», *öğrencilerle* «со студентами».

Категория падежа русских существительных, выражающая различные отношения предметов к действиям, другим предметам, – самая сложная словоизменительная категория существительных. Падежная система русского языка составляет основу грамматического минимума обучения русскому языку как иностранному на начальном этапе. Главная трудность обучения русскому языку на этом этапе связана со сложностью его морфологического строя – флективным характером.

К тому же изучение падежей русских существительных вызывает затруднения у турецких студентов в связи с тем, что в турецком языке падежная система имен не совпадает с русской. В русском языке шесть падежей, в турецком языке пять падежей: *yalın hal* – именительный падеж, *ayrılma hali* – родительный падеж, *yönelme hali* – дательный падеж, *belirtme hali* – винительный падеж, *bulunma hali* – предложный падеж. В турецком языке нет творительного падежа, русскому творительному падежу соответствует форма *araçlı hal* («творительный инструментальный»).

Мы рассмотрим только формы беспредложного родительного падежа существительных. В русском языке эти формы имеют следующие основные значения:

- а) родительный принадлежности, напр.: *книга подруги, машина отца*;
- б) родительный субъекта, напр.: *вопрос преподавателя, пение птиц*;
- в) родительный объекта, напр.: *чтение книги, изучение падежа*;
- г) родительный количества, напр.: *две тетради, пять / много девушек*;
- д) родительный даты, напр.: *первое сентября, пятого мая*;
- е) родительный части от целого, напр.: *выпить воды, лист дерева, половина комнаты*;
- ж) родительный отрицания субъекта, напр.: *нет подруги, не было студентов*;
- з) родительный отрицания объекта, напр.: *не писал писем, не читал книг*;
- и) родительный сравнения, напр.: *старше брата, ниже дерева*;
- к) родительный характеристики, напр.: *парень высокого роста*;
- л) родительный носителя признака, напр.: *красота девушки, голубизна неба*;
- м) родительный объекта при глаголах физического действия, напр.: *наносить воды, собирать цветов*;
- н) родительный объекта при глаголах, требующих обязательного распространения, напр.: *просить*

совета, желать счастья; о) родительный субъекта в безличных предложениях, напр.: *воды прибывает, дел накопилось* и др.

Трудности, возникающие при изучении турецкими студентами родительного падежа существительных русского языка, могут быть классифицированы следующим образом:

1) трудности при употреблении форм родительного падежа существительных со значением объекта при непереходных глаголах и глаголах физического действия;

2) трудности при употреблении форм родительного падежа существительных со значением части от целого;

3) трудности при употреблении форм родительного падежа существительных со значением даты;

4) трудности при употреблении форм родительного падежа существительных со значением количества;

5) трудности при употреблении форм родительного падежа существительных в отрицательных предложениях.

Мы обратимся только к некоторым случаям употребления форм родительного падежа существительных русского языка в сопоставлении с формами существительных турецкого языка.

1. Трудности при изучении студентами форм родительного падежа существительных со значением объекта при отглагольных существительных, при непереходных глаголах и глаголах физического действия связаны с различиями значений этой формы в русском и турецком языках.

В русском языке при глаголах конкретного физического действия употребляется форма родительного падежа, соответствующая форме винительного падежа при однокоренных глаголах, напр.: *навозить дров – возить дрова, насобирать цветов – собирать цветы*. Существительные в родительном и винительном падежах в этих словосочетаниях имеют разное значение. Форма родительного падежа имени существительного при глаголах «накопительной разновидности» с приставкой *на-* имеет значение «предмет, накапливаемый в большом количестве» [5, 1435]. В турецком языке им соответствуют словосочетания *ağaç kesmek, çiçek toplamak* в котором существительные *ağaç, çiçek* употребляются в именительном падеже единственного числа.

В русском языке форма родительного падежа употребляется при некоторых непереходных глаголах. В турецком языке ей соответствуют разные падежные формы – именительного, винительного или дательного падежей, ср.: *добиваться успехов – başarıya ulaşmak* (yönelme hali – дательный падеж), *желать удачи – şans dilemek* (yalın hal – именительный падеж), *требовать послушания – dinlemeyi talep etmek* (belirtme hali – винительный падеж), *лишиться друга – arkadaşını kaybetmek* (belirtme hali – винительный падеж).

2. Трудности возникают при употреблении форм родительного падежа существительных со значением части от целого, напр., *пить молоко* (*biraz süt içmek*) – *выпить молоко* (*sütün hepsini içmek*), *купить хлеба* (*biraz ekmek almak*) – *купить хлеб* (*ekmeğin hepsini almak*). Они объясняются тем, что в турецком языке в словосочетании с формой родительного падежа, обозначающей часть от целого, употребляется форма именительного падежа (*yalın hal*), но для выражения значения части отдельно используется слово *biraz* со значением «немного». В словосочетании с формой винительного падежа, обозначающей целый объект, в турецком языке употребляется форма винительного падежа (*belirtme hali*), а для выражения значения целого тоже отдельно используется слово *hepsini* со значением «весь».

3. При употреблении форм родительного падежа существительных со значением даты в русском языке проблемы возникают в связи с тем, что в турецком языке дата (число, месяц) обозначается словосочетанием «порядковое числительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже», в турецком языке – словосочетанием «порядковое числительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже (*yalın hal*)»: *восьмое марта* (родительный падеж) – *sekiz mart* (именительный падеж), *двадцатое февраля* (родительный падеж) – *yirmi şubat* (именительный падеж).

Для обозначения времени совершения события в русском языке употребляется словосочетание «порядковое числительное в родительном падеже + существительное в родительном падеже, обозначающее месяц», а в турецком языке используются два варианта: а) (*встретимся*) *пятого апреля* – *nisanın beşinde buluşacağız* или б) *beş nisanda buluşacağız*, *экзамен седьмого июня* – *sinav haziranın yedisinde* или *sinav yedi haziranda*. Первый вариант (а) представлен изафетной конструкцией, которая включает существительное, обозначающее месяц (*nisanın, haziranın*), и числительное (*beşinde, yedisinde*) в предложном падеже (*bulunma hali*). Второй вариант (б) – не изафетная конструкция, которая включает числительное в именительном падеже (*yalın hal*) (*beş, yedi*) и существительное, обозначающее месяц, в предложном падеже (*bulunma hali*): *nisanda, haziranda*. Трудности усвоения этого случая употребления родительного падежа существительных объясняются различиями морфологического строя русского (флективного) и турецкого (агглютинативного) языков, в частности – наличием в турецком языке изафетной конструкции.

4. При изучении форм родительного падежа существительных со значением количества проблемы связаны с тем, что в русском языке в количественно-именном словосочетании в качестве главного слова употребляются количественное или неопределенное числительное и существительное в родительном падеже в качестве зависимого слова, напр.: *две машины* – *iki araba*, *семь дней* – *yedi gün*, *мало книг* – *biraz kitap*,

несколько *стульев* – *birkaç sandalye* и др. В турецком языке в словосочетаниях, обозначающих количество, используется форма именительного падежа (*yalın hal*). Несоответствие падежных форм существительных в двух языках имело следствием сложность понимания и употребления формы родительного падежа имени при числительном в русском языке.

5. При усвоении форм родительного падежа существительных в отрицательных предложениях, напр.: *нет студентов* – *öğrenciler yok, не было автобуса* – *otobüs yoktu* необходимо учитывать то, что в турецком языке употребляется форма именительного падежа (*yalın hal*) существительных: *öğrenciler, otobüs*.

Мы охарактеризовали случаи полного, частичного совпадения значений и форм родительного падежа существительных в русском и турецком языках, а также случаи отсутствия какого-то явления в одном из языков.

При изучении студентами падежных форм существительных русского языка задача заключается в том, чтобы показать различия между употреблением форм родительного падежа существительных в русском языке и их соответствиями в турецком языке, учить их видеть различия между значениями этих форм и формировать умения правильно употреблять эти формы существительных для выражения необходимых в той или иной речевой ситуации значений. К тому же необходимо разработать систему упражнений, ориентированную на решение коммуникативных задач и в то же время на предупреждение ошибок, обусловленных влиянием родного языка студентов.

Литература

- 1 Aksan D. Her Yönüyle Dil (Ana Çizgileriyle Dilbilim). 1. Cilt. – Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları. 1979. – 439 с.
- 2 Али Анвар. Особенности родного языка учащихся как причина возникновения трудностей усвоения русского языка как иностранного // Научные ведомости. Серия гуманитарные науки. – 2011. – № 12 (107). – Вып. 10.
- 3 Костомаров В.Г. Методическое руководство для преподавателя русского языка иностранцам / Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. – М.: Русский язык, 1976. – 136 с.
- 4 Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе: Общие вопросы методики. – М.: Высшая школа, 1974. – 112 с.
- 5 Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1982. – Т.2. – 709 с.

Сапронова Алена, магистрант
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана

Репрезентация этнокультурного материала в учебниках русского языка

Актуальность проблемы формирования этнокультурных знаний с помощью этнокультурного материала обусловлена процессами глобализации и интеграции, происходящими в современном обществе, для которой характерны высокая степень мобильности и разнообразия межэтнических и межкультурных взаимодействий. Такого рода знания позволяют правильно оценивать специфику и условия взаимодействия, взаимоотношений с представителями других этнических общностей, находить адекватные формы сотрудничества с ними с целью поддержания атмосферы согласия и взаимного доверия.

Данная цель требует поиска новых эффективных путей обучения, которые приведут к системному владению языковой системой на экстралингвистической основе.

Но здесь возникают вопросы о том, где начинать реализацию данного направления и с помощью чего это реализовывать. В своем исследовании мы считаем, что подобного рода работа должна функционировать непосредственно в школе, а именно в школьных учебниках, которые порой являются основным средством получения информации об изучаемом языке.

В силу своего особого положения в системе культуры язык содержит огромные возможности в плане воспитания и развития личности.

Поэтому сейчас в контексте полиязычного образования остро встает вопрос о том, как работать над формированием межкультурной компетенции уже в школе, так как учебники русского языка являются для учеников порой основным источником получения не только сведений об изучаемом языке, но и информации об этнокультурных особенностях страны изучаемого языка [1, 88].

Учебники, которые используются на занятиях, должны содержать необходимую этнокультуроведческую информацию и отражать наиболее полно актуальный материал ввиду того, что он быстро устаревает. Возникает необходимость привлечения дополнительного материала, связанного с окружающей нас действительностью, отражающего события в стране и за рубежом, а также местный краеведческий материал. Привлечение материала, отражающего связь с реально происходящими событиями, способствует тому, что общение приобретает коммуникативно-мотивированный характер, так как обучаемые охотно и с интересом говорят о том, что им близко и понятно, испытывают удовлетворение от того, что могут говорить на русском языке о событиях, которые их волнуют, о которых они хорошо осведомлены

Успешная реализация компонентов культуры эффективно осуществится путем активного использования в учебниках

этнокультурных компонентов, которые будут погружать ученика в среду другой культуры [2].

Для проверки наших предположений мы проанализировали ряд учебников по русскому языку для казахстанских, российских, украинских и польских школ.

Например, в казахстанском учебнике по русскому языку для 9 класса с русским языком обучения учебные тексты наполнены этнокультурными компонентами, которые выполняет две функции: показывают значимость и богатства родного языка и бережное отношение к русскому языку: «Я люблю русский язык, но так же люблю и свой родной балкарский, на котором я впервые сказал «мама», «хлеб», «дерево», «снег», «дождь», «звезды». Я хочу, чтобы мой язык – первое сокровище моего народа – жил и развивался. Уважение и любовь к русскому языку, на котором я говорю много лет и которым восхищаюсь, продолжая изучать его, совсем не мешает мне любить родную речь – язык моей матери». (К. Кулиев)» [3, 5]. Данный отрывок можно с легкостью перенести на казахский и русский языки. Ученик, который прочитает и вдумается в данный отрывок, еще раз должен убедиться в том, что изучая любой другой язык (в нашем случае русский), он «не предает» свой родной язык, а лишь обогащает его.

Следующий казахстанский учебник, но уже для школ с казахским языком обучения по этнокультурной наполняемости не уступает первому. Уже первый параграф учебника посвящен теме: «Русский язык в диалоге культур», что с первых страниц настраивает учеников к восприятию этнокультурных компонентов. Ставится и проблемный вопрос: «Почему русский язык способен успешно участвовать в диалоге культур?» [4, 10].

Анализ украинского учебника для 8 класса на предмет представленности этнокультурных компонентов в учебных текстах показал, что учебные тексты, представленные в данном учебнике, недостаточно нацелены на формирование этнокультурной компетенции, поскольку носят познавательный характер общей информативной направленности («Эйфелева башня», «Свойство воды») [5]. Ученик здесь не увидит сквозной культурологической темы, которая должна идти параллельно с изучением языковых единиц и овладением навыками устной и письменной речи.

Обратившись к российскому учебнику, мы пришли к выводу, что текстовые материалы с этнокультурными компонентами способствуют усовершенствованию и более глубокому изучению русской культуры, как своей родной среды, в которой ученики существуют. Если в учебниках, предназначенных для аудитории, для которой русский язык преподается в качестве иностранного (Польша, Украина), либо русский язык является обязательной частью единого государственного образовательного стандарта и изучается как второй язык (Казахстан), учебные тексты являются основной моделью внедрения этнокультурных компонентов, то в

данном учебнике этнокультурные тексты выполняют роль сопоставления культурных реалий в условиях коммуникации с тем материалом, который они изучают. Например, тексты из русской художественной литературы являются продолжением развития этнокультурной компетенции уже более высокого уровня, так как для российских учеников русская культура является родной. Поэтому в российском учебнике тексты этнокультурного характера расширяют этнокультурологический взгляд учащегося на свою культуру.

Таким образом, формирование этнокультурной компетенции напрямую зависит от статуса русского языка и образовательных целей государства.

Далее мы обращаемся к анализу всех действующих казахстанских учебников русского языка для 5-11 классов. Этнокультурное образование в Казахстане имеет свои особенности, обусловленные этнодемографическими, социокультурными, историческими факторами. В обществе признаются и обеспечиваются права и свобода человека независимо от национальной принадлежности, недопустимость дискриминации по этническому и расовому признаку. И во исполнение взятого курса разработана «Концепция этнокультурного образования в РК» от 07.07. 1996 г., которая одобрена распоряжением Президента РК от 15.07.1996 г., № 3058 [6]. Реализация данного направления имеет ряд особенностей, связанных с формированием этнокультурной компетенции.

Активное функционирование в казахстанском обществе русского языка наряду с казахским языком играет позитивную роль в процессе овладения учащимися русского языка в школе. Языковая ситуация в Казахстане диктует достижение уровня усвоения русского языка на высоком уровне, приближенном к уровню владения родным языком. Данная цель требует поиска новых эффективных путей обучения, которые приведут к системному владению языковой системой на экстралингвистической основе.

К основным направлениям совершенствования системы обучения русскому языку относится внедрение этнокультурных компонентов.

Значительный объем в системе культурно-этических ценностей, которые отражают эстетические идеалы, нормы, образцы поведения, национальные традиции, обычаи, произведения культуры и искусства, образуют компоненты, имеющие этнокультурную значимость.

Этнокультура, со своей традиционностью, уникальностью и связью с национальной картиной мира, имеет особое значение для развития современной личности [7].

Принципы этнокультурного образования нацелены на формирование ценностного отношения к этнокультуре. Система этнокультурного образования предполагает поэтапную реализацию с начального утилитарного представления, постепенно переходя к ценностному

отношению о культуре.

Анализ учебников 5-11 классов для школ с казахским языком обучения показывает разобщенность внедрения этнокультурных компонентов. В учебниках отсутствует системный подход, призванный обеспечить постепенное развитие этнокультурных знаний от минимальных к более глубоким и обширным.

Основными формами моделирования этнокультурных компонентов являются тексты, посвященные этнокультурным реалиям, выдающимся личностям, особенностям этикета, фрагментам из произведений русской литературы, а также задания, связанные с фразеологизмами и поговорками. Немногочисленны тексты, отражающие особенности русского национального характера, обряды, традиции и праздники.

Анализ учебников 5-11 классов для школ с русским языком обучения демонстрирует аналогичную картину. Тексты о роли и месте русского языка, отрывки из художественной литературы, персоналии, этнокультурные реалии являются самыми частотными. Этнокультурные группы компонентов, посвященные природно-географическим особенностям, этимологии, немногочисленны. А такие компоненты, как сказки, обычаи и традиции в отличие от учебников для школ с казахским языком обучения, отсутствуют.

Проанализировав действующие казахстанские учебники, мы приходим к выводу о том, в процессе восприятия этнокультурных компонентов и разнообразных форм работы с ними ученик усваивает этнокультуроведческие знания, способствующие развитию чувства гордости и удовлетворения от осознания принадлежности к тому или иному народу, и, что самое важное, это формирует основу для позитивного межэтнического взаимодействия, что приобретает особую актуальность в современной действительности.

С точки зрения коммуникативно-деятельностного подхода, учебники, которые используются на занятиях, содержат необходимую этнокультуроведческую информацию и отражают наиболее полную актуальную. Здесь возникает необходимость в привлечении дополнительных материалов, связанных с окружающей нас действительностью, отражающих события в стране и за рубежом, а также местный краеведческий материал. Привлечение таких материалов, отражающих связь с реально происходящими событиями, способствует тому, что общение приобретает коммуникативно-мотивированный характер, так как обучаемые с интересом говорят о том, что им близко и понятно, испытывают удовлетворение от того, что могут говорить на русском языке о событиях, которые их волнуют, о которых они хорошо осведомлены.

Работа с текстом является обязательным компонентом любого занятия по русскому языку и позволяет реализовать многие образовательные и воспитательные задачи занятия.

При представлении этнокультурного текста авторы в большей степени опираются на описание определенных коммуникативных ситуаций, а не на изолированные языковые этнокультурные факты, что способствует эффективному погружению в языковую среду.

Таким образом, особенности моделирования этнокультурных компонентов зависят от многих факторов, важными из которых являются концептуальный подход авторов учебников, язык обучения (русский как родной или русский как второй/иностраный), а также такие социолингвистические факторы, как особенности языковой ситуации, языкового планирования и языковой политики государства.

Межкультурное общение, уважение к культурным ценностям народов проживающих в стране, толерантность являются одними из определяющих факторов целостности, конкурентоспособности такой полиэтнической страны, как Казахстан. В связи с этим одной из главных задач школы является формирование этических ценностей, высокой культуры школьника, умеющего грамотно и адекватно формулировать и высказывать свои мысли в межкультурной среде, терпеливо и уважительно относиться к мнениям окружающих.

Реализация данных приоритетов осуществляется непосредственно через учебники и учебные пособия, неотъемлемой частью которых должны быть этнокультурные компоненты.

Литература

- 1 *Жибровска А.* Роль и место межкультурных компонентов в преподавании русского языка на русской филологии. – Познань, 2010 – 146с.
- 2 *Агманова А.Е.* Усвоение второго языка и межкультурный диалог // Тезисы докладов участников Международного научного симпозиума «Диалог славистов в начале XXI века». – Клуж-Напока, 2011. – С.11-12.
- 3 *Сулейменова Э.Д., Сабитова З.К.* Русский язык. 9 класс. - Алматы, 2009.
- 4 *Шманова Н.Н. и др.* Русская речь. 9 класс. - Алматы, 2005.
- 5 *Рудякова А.Н., Фролова Т.Я.* Русский язык: Учебн. для 8-го кл. общеобразоват. учебн. заведений с рус. яз. обучения. – Киев: Грамота, 2008. – 328 с.
- 6 О Концепции этнокультурного образования в Республике Казахстан. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 15 июля 1996 г. № 3058 [http: // Электронная версия](http://Электронная%20версия) [Режим доступа]: kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegnao.htm
- 7 *Шаваева М.О.* Этнокультура как многофункциональная система взаимодействия Диссертация 2004 // Электронный ресурс [Режим

доступа]:<http://www.dissercat.com/content/etnokultura-kak-mnogofunktsionalnaya-sistema-vzaimodeistviya>)

Исламгалиева В.Ж., к.п.н., ст.преп.
АРУ им. К. Жубанова, Актобе
Бигельдинова С.Ж., учитель
Каиндынская школа Актюбинск. обл.

Развитие личности на уроках русского языка

Перемены, происходящие сегодня в различных сферах общественной жизни, повлияли на педагогическую деятельность, что направлена на воспитание подрастающего поколения. Одно из ключевых направлений этой деятельности – нравственное воспитание школьников.

Говоря о составляющих нравственного воспитания, следует помнить, что «растущая личность развивается, прежде всего, в деятельности, в процессе которой она вступает во взаимодействие с окружающим миром, преобразовывая его. В деятельности проявляются разносторонние отношения, в какие вступает человек: взаимоотношения в коллективе, отношение к родине, обществу. Особую этическую ценность имеют дела, которые требуют осознанного совершенствования умений» [1, 35-36].

Как правило, главной целью учебной деятельности «становится развитие личности, ее познавательных интересов, творческой активности, приобретение ее опыта нравственного поведения, общения. Поэтому надо содержание образования, методы и средства обучения и воспитания привести в соответствие с требованиями жизни» [2, 19]. В этой связи было бы неверным рассматривать личность вне анализа её деятельности. Использование категории деятельности в психологии является тем методологическим средством, которое даёт психологам возможность приступить «к чтению книги человеческих сущностных сил, ...а тем самым и сущности личности человека» [3, 91]. Личностно-деятельный подход в совокупности его компонентов означает организацию и управление антропоцентрической деятельностью, имеющей определённые цели, содержание и форму. Рассмотрение вопроса, связанного с категорией деятельности, в данном случае является наиболее важным.

Деятельность в педагогическом процессе рассматривается как средство взаимодействия. Ю.В. Сенько видит в деятельности учителя проявление метадеятельности, т.е. «деятельности по организации деятельности Другого...» [4, 55].

Определяя понятие «деятельность» в философском аспекте, Л.П. Буева пишет: «В самом широком смысле слово «деятельность» означает разносторонний процесс создания общественным субъектом условий для своего существования и развития, процесс преобразования социальной

реальности в соответствии с общественными потребностями, целями и задачами» [5, 57].

С.Д.Смирнов пишет: «Деятельность не только определяет сущность человека, но, выступая в роли подлинной субстанции культуры и всего человеческого мира, создает и самого человека» [6, 40].

Деятельность как бы «высвечивает» субъектную характеристику человека. Е.Ю. Артемьева считает, что «любая деятельность имеет свой функциональный (организационный) и содержательный аспекты» и говорит о «моделях функциональной структуры деятельности («функциональных» моделях) и моделях содержательной структуры деятельности («содержательных» моделях)» [7, 47].

С.Л. Рубинштейн утверждал, что понятие «деятельность» употребляется в очень широком и неопределённом смысле... «Деятельность в собственном смысле слова – это предметная деятельность, это практика» [8, 118].

Таким образом, деятельность является решающим фактором развития личности. Деятельность нельзя рассматривать отдельно от общественных отношений, от жизни общества. Только при обучении человека разным видам деятельности, при наличии в руках «инструмента», с помощью которого он постигнет окружающий его мир, можно говорить о нравственно воспитанной личности.

Для эффективного осуществления нравственного воспитания учащихся в целостном педагогическом процессе, как отмечает А.А. Калюжный, «необходима организация различных видов деятельности, в которых бы школьники могли реализовать свои способности и возможности» [9, 45].

Школьное образование располагает значительным потенциалом нравственного воздействия на подрастающее поколение. Особенно это касается дисциплин гуманитарной направленности, в частности русского языка. Русский язык входит в число наиболее распространенных языков мира. Академик В.В.Виноградов отмечает, что русский язык единодушно всеми признается великим языком. Это указывает на важность изучения и сбережения русского языка.

На территории Казахстана функционирует государственный язык – казахский. Русский язык имеет статус языка межнационального общения. Так как наша страна является многонациональным государством, то роль русского языка огромна.

Содержание обучения дает учителю богатый материал для проведения воспитательной работы на уроке русского языка, формирующей сознание учащихся, их представления о простейших нормах нравственности, правилах человеческого общежития. Учитель располагает значительным материалом, умелое использование которого в воспитательных целях

позволяет ему вести систематическую работу по формированию основных нравственных представлений детей.

Процесс овладения нравственным понятием на уроке не сводится к тому, чтобы активно его использовать в своем словаре. Нравственное понятие всегда отражает ту или иную (а иногда и не одну) нравственную норму, правило. Процесс же овладения нравственной нормой связан с выработкой определенных навыков нравственного поведения.

При обсуждении жизненных ситуаций в связи с прочитанным текстом на занятии русского языка важно так построить беседу с детьми, чтобы о хороших поступках говорили в основном другие, а не сам ребенок, который совершил этот поступок. Здесь требуется определенная работа учителя, который, с одной стороны, должен научить ребят замечать хорошее в поступках детей, а с другой – направить внимание детей на различие мотива и результата поступка, их сложную взаимосвязь.

Активная позиция учащихся на уроке, их интенсивная интеллектуальная деятельность являются как условием, так и следствием формирования интереса к учению. Желание узнавать новое, умение высказывать свое мнение, уверенность и твердость в отстаивании своей точки зрения, самостоятельность и критичность – эти качества очень важны в воспитании личности школьника, его интереса к учению, к знаниям. Этому способствует отношение учителя к учащимся, построенное на доброжелательности и доверии, вере учителя в творческие силы ребенка. Учитель внимательно относится ко всем вопросам и сомнениям учащихся, в которых проявляется любознательность, стремление проникнуть в сущность явлений.

Воспитательное значение урока русского языка во многом зависит от того, как он построен. При одном и том же содержании учебного материала урок может иметь разный воспитательный эффект, в зависимости от тех методов и приемов, которые использует учитель.

При выборе методов и приемов обучения большой акцент учитель делает на активизацию интеллектуальной сферы психики учащихся. В значительно меньшей степени корректируются методы и приемы обучения с учетом организации эмоциональной жизни школьников на уроке, развития индивидуальных эмоционально-волевых особенностей детей.

Очень важно, предусматривая организацию урока языка, определяя методы и приемы, учитывать непосредственность эмоциональных реакций школьников, их потребность самовыражения в разнообразных видах психической деятельности. Для формирования интереса к учению урок в плане выбора организационных форм, методов и приемов обучения должен проецировать, развивать положительные эмоции, связанные с учением.

Содержание учебного материала имеет большое значение в формировании культуры нравственных отношений школьников. Так, на

занятиях русского языка учителя часто используют дидактический материал, раскрывающий различные поступки детей, содержащий правила поведения, раскрывающий основные нравственные понятия, обобщающие нравственные представления и регулирующие разного рода отношения детей.

О влиянии дидактического материала уроков на нравственное становление личности писал В.Н. Оношко: «Под педагогической сущностью дидактического материала, которым на уроках русского языка является предложение для разбора, мы понимаем следующее. Во-первых, дидактическую значимость текстов, т.е. грамматическую сложность синтаксической конструкции, целесообразность насыщенности их орфограммами и пунктуационными знаками. Во-вторых, воспитательное содержание предложения, т.е. наличие в материале для разбора определенной воспитательной информации, выраженной, например, либо нравственным понятием, либо его признаком» [10].

А.И. Дулов подчеркивал частое использование дидактического материала именно на уроках русского языка. «Обычно язык отражает в своем лексическом запасе многовековой опыт жизни народа, его культуру, особенность мышления и т.д. На уроках же русского языка он раскрывается не с точки зрения заключенного в нем смысла, а со стороны грамматического своеобразия языкового материала. Общеизвестно, что для решения задач обучения на уроках русского языка важно подобрать материал, раскрывающий грамматические закономерности, определенные дидактической целью. Смысловое содержание примеров является зависимым от грамматики и второстепенным по значимости. Однако, и на уроке русского языка, решая грамматические задачи, нельзя избежать присутствия смысловой стороны текста» [11].

Ю.К. Лазичная отмечает, что «...на уроках языка происходит сближение дидактических задач, отраженных в грамматике, и воспитательных, заключенных в смысловом содержании примеров...Дидактические задачи остаются ведущими, определяя специфику материала, методику и организацию урока, в течение которого на учащихся воздействует как грамматический строй примеров, так и их содержание. Задача учителя состоит в том, чтобы внимание учеников класса, где учитель проводит занятие, определялось дидактической целью урока» [12]. Ю.К. Лазичная, работая над этой проблемой, как и многие, считает действенной формой воспитания высокую эмоциональную насыщенность текстов упражнений: «...причиной заметного эмоционального переживания является прямое воздействие содержания текста на чувства и сознание учеников» [12].

А.И. Дулов писал, что «яркостью поступков людей, контрастностью числовых данных, эмоциональностью, соотношениями без всякого рода «дополнительных» рассуждений содержание материала оказывает сильное

влияние на сознание и чувства школьников» [11]. В связи с этим следует отметить, что для достижения эффекта в формировании культуры нравственных отношений школьников нужно использовать специально подобранные тексты на уроках русского языка. Исходя из вышесказанного, Ю.К. Лазичная предлагает целесообразно усилить и сделать более действенным скрытое нравственное просвещение на уроках русского языка при недостаточном способствовании обогащению опыта нравственного поведения учеников учебной деятельности.

Методы и приемы, используемые на уроках русского языка, позволяют увидеть целостную картину осуществления воспитательных задач посредством учебной информации. В качестве важного дополнения хотелось бы отметить и тот факт, что использование тех или иных дидактических материалов на занятии русского языка всецело зависит от самого педагога и от тех задач, которые он ставит на своем уроке.

Литература

- 1 Штольц Х., Рудольф Р. Как воспитывать нравственное поведение? - М.: Просвещение, 1986.- 80с.
- 2 Краснобаева Н. Аналитическая деятельность как необходимый компонент опытно-исследовательской работы //Сынып жетекшісі – Классный руководитель. - 2004.- №5. - С.48
- 3 Асмолов А.Г. Психология личности.- М.: МГУ, 1990.- 367 с.
- 4 Сенько Ю.В. Гуманитарные основы педагогического образования.- М.: Академия, 2000.- 240 с.
- 5 Буева Л.П. Человеческий фактор: новое мышление и новое действие.- М.: Знание, 1988.- 64 с.
- 6 Смирнов С.Д. Психология образа: Проблема активности психического отражения.- М.: МГУ, 1985.- 231 с.
- 7 Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики /под ред. И.Б.Ханиной.- М.: Наука. Смысл, 1999.- 350 с.
- 8 Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии.- М.: Педагогика, 1976.- 416 с.
- 9 Калюжный А.А. Методика изучения готовности учителя к нравственному воспитанию школьников.- Алматы: АГУ им. Абая, 1996.- 79 с.
- 10 Оношко В.Н. Педагогическая сущность дидактического материала на уроках русского языка в 7-м классе // Вопросы нравственного воспитания учащихся. Выпуск 6, Иркутск, 1973, -184 с.
- 11 Дулов А.И. Основы нравственного воспитания в процессе обучения, Красноярск, 1975. - 66 с.
- 12 Лазичная Ю.К. Нравственное воспитание на уроках русского языка в 5 классе, Красноярск, 1976. - 66 с.

СОДЕРЖАНИЕ

I Человек в зеркале языка, сознания и культуры

Сабитова З.К., д.ф.н., проф. КазНУ им.аль-Фараби - Anadolu university, Eskishehir, Turkey.

Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом»: тюркизмы как знаки русской культуры.....с.4

Карабаджак Э., магистр филологии Anadolu university

Пословицы в баснях И.А. Крылова и их перевод на турецкий язык.....с.11

Гюнеш С., магистр филологии Anadolu university, Eskishehir, Turkey.

Вербализация лингвокультурного концепта «ВОДА – ЧЕЛОВЕК» в русском и турецком языках.....с.16

Жарынбекова Ш.К., д.ф.н., профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

Ценностные ориентации в системе кросскультурных исследований национально-культурной специфики языкового сознания.....с.21

Журавлева Е.А., д.ф.н., профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

Этностереотипы в поликультурном обществе: тенденции развития.....с.26

Унгарбаева Г.И., к.ф.н., доцент Актюбинского Регионального государственного университета им. К. Жубанова

К проблеме «генной памяти» русских слов.....с.31

Ермекова Ж.Т., к.п.н., доцент ЕНУ им. Л.Н. Гумилева.

Влияние билингвизма на формирование образа мира современных писателей..... с.36

II Творчество Олжаса Сулейменова в контексте культур

Бейсембаев А.Р., д.ф.н., профессор Инновационного Евразийского Университета (г. Павлодар).

Олжас Сулейменов: личность в социокультурном контекстес.42

Бисенкулов М.К., к.ф.н., профессор ЖГУ им.И. Жансугурова (Талдыкорган). *Олжас Сулейменов и казахские акыны и жырау.....с.46*

Нурахинова А.С., магистрант РУДН (Москва).

Олжас Сулейменов и Андрей Вознесенский: творческий диалог.....с.50

Казыбек Г.К., к.ф.н., проф. КазНУ им. аль-Фараби.

Олжас Сулейменов шығармаларының қазақ тіліне аударылу ерекшеліктері.....с.53

Ли Э.В., к.ф.н., профессор ЖГУ им.И. Жансугурова (Талдыкорган).

Взаимодействие концептов человек и время в поэме Олжаса Сулейменова «Земля, поклонись Человеку!».....с.60

Какильбаева Э.Т., к.ф.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби.

Экфрастические сюжеты в лирике Олжаса Сулейменова.....с.64

Какишева Н.Т., к.ф.н., ст.преп. КазНУ им. аль-Фараби.

Интертекст в лирике Олжаса Сулейменова.....с.70

Жаппар К.З., к.ф.н., КазНТУ им.К. Сатпаева.

Тема войны в творчестве Олжаса Сулейменова.....с.74

III Культурная и лингвистическая составляющие в обучении русскому языку

Агманова А.Е., д.ф.н., профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана).

Учебно-методическое обеспечение культурно-языковой подготовки студентов-оралманов.....с.78

Соннур А., магистр филологии Anadolu university

Проблемы обучения русскому языку турецких студентов.....с.83

Кадыоглу Э., магистр филологии Anadolu university

Трудности при изучении родительного падежа существительных турецкими студентами.....с.88

Сапронова А., магистрант ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана).

Репрезентация этнокультурного материала в учебниках русского языка.....с.93

Исламгалиева В.Ж., к.п.н., ст.преп. АРУ им. К. Жубанова (Актобе),

Бигельдинова С.Ж., учитель Каиндынской средней школы.

Развитие личности на уроках русского языка.....с.98

Содержание с.104

**Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Факультет филологии, литературоведения и мировых языков
Кафедра русской филологии, русской и мировой литературы
Научно-исследовательский лингвистический центр Олжаса
Сулейменова КазНУ им.аль-Фараби**

«ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ»

**МАТЕРИАЛЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ON-LINE КОНФЕРЕНЦИИ С
УЧАСТИЕМ УЧЕНЫХ ЗАРУБЕЖЬЯ**

Алматы 2015